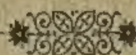

И 331
142

С. К. МИХАЙЛОВЪ

ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ФИНЛЯНДІИ

ЗАМѢТКИ ПО ПОВОДУ ОТЗЫВА СЕЙМА 1899 ГОДА

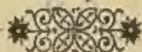

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1901

С. К. МИХАЙЛОВЪ

ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ

ФИНЛЯНДІИ

ЗАМѢТКИ ПО ПОВОДУ ОТЗЫВА СЕЙМА 1899 Г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1901

Дозволено цензурою 12 мая 1900 г. С.-Петербургъ.

Земскіе чины чрезвычайнаго сейма 1899 г., разсматривая проектъ новаго устава о воинской повинности въ Финляндіи и высказывая разныя свои соображенія о невозможности принять его, признали необходимымъ представить одновременно доказательства существованія особой финляндской «конституціи». Въ земскихъ чинахъ финляндцамъ желательно видѣть «вторую государственную власть», и этимъ объясняется то исключительное значеніе, какое печать края поспѣшила придать заявленію сейма по конституціонному вопросу. Кромѣ того, финляндцы признали, что доказательства сейма особенно ясно и удачно формулированы и что послѣ этого «государственныя» права Финляндіи и ея «конституція» являются, по выраженію одного мѣстнаго оратора, какъ бы «изсѣченными изъ мрамора».

Сеймъ заявилъ дословно слѣдующее:

«Земскіе Чины считаютъ долгомъ, прежде всего, вкратцѣ выяснить дѣйствительность Формы правленія 1772 года и Акта соединенія и безопасности 1789 года, как основныхъ законовъ Финляндіи.

Мнѣніе сейма.

Какъ видно изъ собственныхъ изъявленій Монарховъ, законодательныхъ актовъ и литературныхъ произведеній, принадлежность Формы правленія и Акта соединенія и безопасности къ финляндскимъ основнымъ законамъ, со времени Боргоскаго сейма, никогда не возбуждала никакихъ сомнѣній въ Финляндіи. Также и въ Россіи, насколько извѣстно, раньше не высказывались никакія сомнѣнія въ этомъ

отношеніи, а напротивъ, какъ государственные дѣятели, такъ и ученые юристы признавали, что прежняя шведская конституція въ 1809 году была утверждена для Финляндіи. Только въ восьмидесятыхъ годахъ нѣкоторые русскіе писатели стали утверждать, что означенные законы не имѣлись въ виду въ удостовѣреніи Императора Александра I, данномъ Земскимъ Чинамъ Финляндіи въ соборѣ г. Борго. Это заявленіе было, однако, опровергнуто столь многочисленными доводами и доказательствами, что невозможно здѣсь перечислить ихъ даже съ приблизительною полнотою, а потому Земскіе Чины ограничиваются приведеніемъ лишь самыхъ важныхъ изъ нихъ.

Русскія слова «коренные законы», которыя въ переданномъ Земскимъ Чинамъ удостовѣреніи Императора Александра I объ утвержденіи основныхъ законовъ Финляндіи были употреблены для означенія основныхъ законовъ, какъ видно изъ оффиціальныхъ государственныхъ актовъ и словарей, совершенно соотвѣтствуютъ встрѣчающимся въ западно-европейскихъ культурныхъ языкахъ словамъ «lois fondamentales», «loi fondamentale de l'Etat», «Grundgesetz», «Reichsgrundgesetz», «the fundamental law», вмѣсто коихъ въ настоящее время въ русскомъ языкѣ употребляется выраженіе «основные законы», которое не встрѣчается въ словаряхъ конца восемнадцатаго и начала девятнадцатаго столѣтій.

Императоръ Александръ I обозначилъ удостовѣренные имъ законы французскими выраженіями, которыя имѣютъ вполнѣ опредѣленное значеніе и не допускаютъ различнаго толкованія. Императоромъ были употреблены слова: votre constitution, vos lois fondamentales, la constitution du pays, les droits de son existence politique, droits que sa constitution lui garantit, la constitution de la Finlande, и т. д.

Далѣе Императоръ Александръ въ подписанныхъ имъ актахъ, составленныхъ на русскомъ языкѣ, обозначилъ разсматриваемые законы русскимъ словомъ «конституція» (въ единственномъ числѣ). Такъ, Императоръ объявилъ, между прочимъ, что данное на Боргоскомъ сеймѣ удостовѣреніе

содержало обѣщаніе о святомъ сохраненіи особенной «конституціи» края сего подъ державою Монарха и Наслѣдниковъ Его.

Изъ числа документовъ, вполнѣ подтверждающихъ данныя, вытекающія изъ вышеозначенныхъ актовъ, Земскіе Чины приводятъ только слѣдующіе, которые, если бы даже и не существовало другихъ, столь же ясныхъ доказательствъ, уже сами по себѣ въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуютъ, что именно конституція, существовавшая въ Финляндіи во время шведскаго владычества, была утверждена для Финляндіи Императоромъ Александромъ I. Сюда относятся:

I. Извлеченный изъ Собственнаго Его Императорскаго Величества архива и опубликованный въ Россіи черновой, секретный, Высочайшій рескриптъ отъ 14/26 сентября 1810 года тогдашему Генералъ-Губернатору Финляндіи, въ которомъ, между прочимъ, говорится:

«Намѣреніе Мое при устройствѣ Финляндіи состояло въ томъ, чтобъ дать народу сему бытіе политическое, чтобъ онъ считался не порабощеннымъ Россіи, но привязаннымъ къ ней собственными пользами; для сего:

а) Сохранены ему не только гражданскіе, но и политическіе его законы;

б) Самое управленіе ввѣрено подъ надзоромъ вашимъ Финляндскому совѣту, и т. д.».

II. Также опубликованный въ Россіи отчетъ отъ 11 февраля 1811 года, представленный Государю Императору Сперанскимъ, бывшимъ довѣреннымъ лицомъ Императора при устройствѣ дѣлъ Финляндіи, по дѣламъ, порученнымъ Сперанскому. Въ немъ содержится, между прочимъ, слѣдующее:

ДѢЛА ФИНЛЯНДСКІЯ.

«Важнѣйшія дѣла по Финляндіи съ самаго ихъ начала были слѣдующія:

1) Сеймъ. Симъ положено было твердое основаніе всему настоящему устройству сего края. 2) Учрежденіе Совѣта.

3) Система монетная. 4) Устройство милиціи. 5) Устройство доходовъ прошлыхъ лѣтъ. 6) Смѣты доходовъ и расходовъ на 1810 и 1811 годы. 7) Инструкція Генералъ-Губернатору и Прокурору.—Сверхъ сихъ главныхъ предметовъ ежедневно входитъ великое количество дѣлъ текущихъ».

Къ этому сдѣлано слѣдующее примѣчаніе:

«Они суть слѣдствіе конституціи сего края. Власть державная, бывъ ограничена въ сей странѣ закономъ, должна бы искать усилить себя подробностями управленія. Отсюда происходятъ слѣдующіе рода текущихъ дѣлъ...».

Въ текстѣ говорится далѣе:

«Финляндія есть государство, а не губернія. Слѣдовательно нельзя управлять ею мимоходомъ и среди множества текущихъ дѣлъ».

III. Высочайшее постановленіе отъ 31 декабря 1811 года, относительно преобразованія Выборгской губерніи. Въ этомъ постановленіи, которое также входитъ въ Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, встрѣчается слѣдующее опредѣленіе, собственноручно внесенное Императоромъ Александромъ I въ французскій черновикъ постановленія:

L'ordre de la représentation nationale à la Diète des Etats du Grand-Duché de Finlande est établi dans le Gouvernement de Wibourg conformement aux principes généraux de la Constitution du pays»[1]).

Въ подписанномъ Императоромъ русскомъ текстѣ постановленія Земскіе Чины Финляндіи именуются «Государственными Чинами». Еще слѣдуетъ замѣтить, что въ упомянутомъ, Императоромъ Собственноручно исправленномъ, французскомъ черновикѣ первоначально значилось: «Ayant en vertu de Notre Manifeste du 11 Décembre 1811 réuni le Gouvernement de Wibourg au Grand Duché de Finlande, incorporé à Notre Empire etc.», но что слова incorporé à Notre Empire при просмотрѣ Императоромъ были перечеркнуты.

---

[1]) «Порядокъ представленія всѣхъ сословій на сеймѣ Государственныхъ Чиновъ учреждается въ Выборгской губерніи на общихъ правилахъ, въ Конституціи Великаго Княжества Финляндіи опредѣленныхъ».

Эти, какъ и другія однородныя изреченія ясно свидѣтельствують, что именно прежняя конституція была утверждена для Финляндіи Императоромъ Александромъ I при присоединеніи края къ Россіи, и что, поэтому, государственный строй Имперіи не былъ введенъ на территоріи Финляндіи.

Какъ всеобще извѣстно, во многихъ актахъ, собственноручно подписанныхъ Монархами, дѣлаются ссылки на Форму правленія и Актъ соединенія и безопасности, какъ на основные законы Финляндіи. Въ числѣ этихъ актовъ Земскіе Чины... прежде всего приводятъ утвержденіе дѣйствующаго Сеймоваго Устава отъ 3/15 апрѣля 1869 года, слѣдующаго содержанія:

«Сохраняя за Собою принадлежащее Намъ право въ томъ видѣ, какъ оно установлено въ Формѣ Правленія отъ 21 августа 1772 года и въ Актѣ Соединенія и Охраненія отъ 21 февраля и 3 апрѣля 1789 года и не измѣнено точными словами въ вышеизложенномъ Сеймовомъ Уставѣ, Мы Высочайше одобряемъ и утверждаемъ сей Уставъ, какъ ненарушимый основный законъ».

Кромѣ того, «Форма правленія» упоминается въ числѣ дѣйствующихъ законовъ въ § 71 Сеймоваго Устава. Изъ позднѣйшихъ актовъ достаточно указать на Высочайшій Манифестъ отъ 13/25 іюня 1886 года, коимъ «съ отмѣною 6-го пункта Акта Соединенія и Охраненія отъ 21 февраля и 3 апрѣля 1789 года», Земскимъ Чинамъ предоставлено право моціи».

Финляндскій сенатъ, «присоединяясь къ изложенному земскими чинами по сему предмету», съ своей стороны счелъ нужнымъ добавить слѣдующее:

Мнѣніе сената.

....«Утвердительною грамотою, переданною Земскимъ Чинамъ Финляндіи на Боргоскомъ сеймѣ 1809 года, Блаженныя памяти, Императоръ Александръ I, утвердилъ основные законы вновь пріобрѣтеннаго края. Что Императоръ при этомъ утвержденіи имѣлъ въ видусуще-

ствовавшіе въ Финляндіи политическіе законы, то-есть законы, коими установлены были нормы законодательства и взаимныя права Монарха и подданныхъ, явствуетъ уже изъ содержанія самой грамоты и подтверждается, кромѣ того, разными другими актами, состоявшимися въ царствованіе Императора Александра I. Въ рѣчи, которою Государь Императоръ, послѣ торжественнаго богослуженія, 16/28 марта 1809 года открылъ сеймъ въ г. Борго, было сказано Земскимъ Чинамъ: «J'ai promis de maintenir votre constitution, vos lois fondamentales; votre réunion ici vous garantit ma promesse». Высочайшія предложенія, которыя вслѣдъ за тѣмъ были переданы Земскимъ Чинамъ, были снабжены введеніемъ, которое начиналось слѣдующими словами: «Sa Majesté Impériale, en réunissant les états de la Finlande en une Diète générale, a bien voulu donner par là une preuve solemnelle de Ses intentions généreuses de conserver et maintenir inviolablement la religion, les lois, la constitution du pays, les droits et privilèges de tous les états en général et de chaque citoyen en particulier». На слѣдующій день, по Высочайшему повелѣнію, въ городскомъ соборѣ состоялся особый торжественный актъ, на которомъ подписанная Императоромъ 15/27 марта утвердительная грамота о сохраненіи основныхъ законовъ, въ присутствіи Государя Императора, была прочитана собравшимся Земскимъ Чинамъ и передана ландмаршалу, причемъ въ Высочайше утвержденномъ церемоніалѣ этого торжественнаго акта было сказано, что Генералъ-Губернаторъ имѣетъ объявить «que sa Majesté Impériale a daigné confirmer solemnellement la constitution de la Finlande en la sanctionnant de Sa signature». При томъ же случаѣ Земскіе Чины за себя и за весь финскій народъ принесли, по переданнымъ имъ формамъ, передъ Императоромъ присягу на вѣрноподданство, въ которой клятвенно обѣщались своимъ «настоящимъ властелиномъ признавать Державнѣйшаго Государя, Александра Перваго, Императора и Самодержца Всероссійскаго и Великаго Князя Финляндскаго и неизмѣнно сохранять основные законы и конституцію страны въ томъ видѣ, какъ они въ настоящее

время приняты и дѣйствуютъ». Императоръ лично закрылъ сеймъ, 7/19 іюля 1809 года, высказавъ, между прочимъ, что финскій народъ «placé désormais au rang des nations sous l'empire de ses lois» и что Императоръ Самъ соберетъ лучшіе плоды своихъ заботъ, когда увидитъ этотъ народъ «tranquille au dehors, libre dans l'intérieur rendre justice à Mes intentions et bénir ses destinées».

Также послѣ сейма 1809 года Императоръ Александръ I точно разъяснилъ смыслъ своей утвердительной грамоты отъ 15/27 марта упомянутаго года. Въ манифестѣ отъ 15/27 марта 1810 года, Императоръ объявилъ: «Du moment que la Providence Nous a rémis la sort de la Finlande, Nous résolûmes de gouverner ce pays comme une nation libre et jouissant des droits que sa constitution lui garantit», и что принятыя Императоромъ по отношенію къ Финляндіи мѣры «sont des preuves qui doivent assurer à la nation finnoise les droits de son existence politique».

Императоръ въ манифестѣ отъ 9/21 февраля 1816 года далъ обстоятельное разъясненіе по сему предмету, употребивъ при этомъ, между прочимъ, слѣдующія ясныя слова: «надѣемся Мы, что довольно утвердили на всегдашнія времена данное Нами обѣщаніе о святомъ сохраненіи особенной конституціи края сего, подъ державою Нашею и Наслѣдниковъ Нашихъ».

Политическіе законы, которые во время завоеванія Финляндіи дѣйствовали въ семъ краѣ, были основные законы Шведскаго государства 1772 (Форма правленія) и 1789 (Актъ соединенія и безопасности) годовъ, о содержаніи которыхъ Императору еще до сейма были представлены письменные отчеты. Именно эти законы, слѣдовательно, были Императоромъ Александромъ I утверждены въ видѣ основныхъ законовъ для Финляндіи, причемъ однако, вслѣдствіе объявленія Финляндіи въ то же время нераздѣльно соединенною съ Россійскимъ государствомъ, опредѣленія означенныхъ законовъ о престолонаслѣдіи и лицѣ Монарха, равно какъ тѣ положенія, которыя обусловливались самостоятельностью государства по отношенію къ иностраннымъ державамъ, лишились примѣнимости. Согласно съ

означенными основными законами, Финляндія управлялась какъ при Императорѣ Александрѣ I, такъ и въ царствованія Его Августѣйшихъ Преемниковъ».

Таковы главнѣйшіе доводы финляндскаго сейма и сената, а также мѣстныхъ писателей, разсматривавшихъ вопросъ о политическомъ положеніи Финляндіи.

Факты и документы, приведенные сеймомъ и сенатомъ, подобраны крайне односторонне, почему выводы изъ нихъ, очевидно, являются неосновательными. Чтобы заключенія о значеніи и размѣрѣ финляндскихъ правъ и привилегій были сдѣланы вполнѣ правильно, необходимо считаться со всею совокупностію тѣхъ обстоятельствъ, которыми сопровождалось, какъ самое присоединеніе къ Россіи великаго княжества, такъ и дарованіе сей окраинѣ извѣстныхъ льготныхъ законоположеній.

Въ настоящемъ очеркѣ приводятся, поэтому, тѣ историческіе событія и документы, а также разныя соображенія, кои или забываются, или умышленно замалчиваются финляндцами. Эти, упускаемыя ими изъ вида, обстоятельства настолько существенны, что никоимъ образомъ не позволяютъ принять положеній, устанавливаемыхъ сеймомъ, сенатомъ и финляндскими писателями по вопросу о политическомъ положеніи великаго княжества.

Въ виду того, что сеймъ и сенатъ заимствовали свои доводы главнымъ образомъ изъ событій періода присоединенія Финляндіи, мы поставлены въ необходимость болѣе подробно остановиться на царствованіи Императора Александра I и ограничиться по отношенію къ послѣдующему времени лишь бѣглыми замѣтками.

Воззрѣнія финляндцевъ на положеніе края до 60-хъ годовъ.

Земскіе чины чрезвычайнаго сейма 1899 года въ своихъ мотивахъ къ уставу о воинской повинности, а также финляндскіе писатели и ученые послѣдняго времени въ своихъ статьяхъ и изслѣдованіяхъ исходятъ изъ того положенія, что Финляндія — особое государство, имѣющее свою «конституцію», которая значительно ограничиваетъ власть Монарха въ области мѣстнаго законодательства.

Теорія финляндскаго «государства» въ мѣстной литературѣ и университетѣ стала разрабатываться, примѣрно, съ шестидесятыхъ годовъ, но ни въ одномъ оффиціальномъ документѣ, исходившемъ изъ финляндскихъ учрежденій, край этотъ никогда государствомъ не назывался: едва ли не впервые это сдѣлали депутаты чрезвычайнаго сейма въ своемъ всеподданнѣйшемъ отзывѣ по уставу о воинской повинности [1]).

Замѣчательно, что до шестидесятыхъ годовъ финляндцы признавали свою родину русской автономной провинціей и ни о какихъ государственныхъ соединеніяхъ съ Имперіей не говорили. Въ этомъ отношеніи особенно поучительна полемика, возникшая въ Финляндіи въ концѣ тридцатыхъ годовъ по вопросу о политическомъ положеніи края.

Докторъ медицины Израэль Вассеръ, шведъ по происхожденію, но долго занимавшій каѳедру въ Абоскомъ университетѣ, въ 1838 г. въ городѣ Упсалѣ напечаталъ бро-

---

[1]) Стр. 137, I; 48, II и др.

шюру о «Союзномъ трактатѣ Швеціи съ Россіей въ 1812 г.»[1]), въ которой доказывалъ, что Швеція Фридрихсгамскимъ договоромъ отказалась отъ всѣхъ своихъ правъ на Финляндію въ пользу Россіи, но еще ранѣе сего договора Финляндія сама освободилась отъ прежнихъ своихъ отношеній къ Швеціи и на сеймѣ въ Борго, черезъ свои сословія, заключила сепаратный миръ съ Русскимъ Императоромъ. Благодаря этому миру, Финляндія перестала быть не только шведской провинціей, но перешла въ состояніе особаго государства съ представительнымъ образомъ правленія.

Противъ этой теоріи возсталъ финляндецъ А. І. Арвидсонъ, доцентъ Абоскаго университета и издатель «Абоской Утренней Газеты». Главныя положенія Арвидсона[2]) сводятся къ слѣдующему: Финляндія была частью Швеціи и ни въ какомъ случаѣ не являлась самостоятельной страной, а потому русская власть не могла заключить съ ней какихъ-либо условій; 5 (17) іюня 1808 г. Финляндія была объявлена русской провинціей; финляндцы, вмѣстѣ съ другими народностями, вошли въ составъ Россійской Имперіи, будучи покорены оружіемъ и приведены къ присягѣ на русское вѣрноподданство. На сеймѣ въ Борго сословіямъ не предоставлено было права возбуждать какіе-либо законодательные вопросы. Рѣчь Императора была словомъ, обращеннымъ къ своимъ подданнымъ, а не условіемъ договаривающаго контрагента. Онъ хотѣлъ узнать только мнѣніе и желаніе народа. Рѣшалъ же онъ одинъ. Единою властью Императоровъ вершались (впослѣдствіи) даже вопросы по налогообложенію; помимо шведскаго закона 1772 г. въ Финляндіи была введена цензура и т. п. Въ Борго «сильный» «созвалъ» и «приказывалъ», а новые подданные «явились» и «всеподданнѣйше докладывали». Обративъ особое вниманіе на IV статью Фридрихсгамскаго трактата, Арвидсонъ прибавляетъ: «Русскій Императоръ и его Преемники по-

---

[1]) Om Allinstractaten emalan Sverije och Ryssland, år 1812.

[2]) Высказанныя имъ въ особой брошюрѣ «Финляндія и ея будущность» (Finland och des framtid), 1838 г., Стокгольмъ.

лучили право полнаго обладанія надъ присоединеннымъ краемъ».

Въ Борго Государь желалъ съ истинно отеческою добротою и благосклонностію выслушать совѣты своихъ подданныхъ и покорить ихъ сердца; это было мудро, человѣколюбиво и великодушно, но во всемъ этомъ нѣтъ и тѣни сепаратнаго договора. Онъ утвердилъ религію, права собственности и привилегіи, но это нѣчто совершенно иное, чѣмъ признаніе Финляндіи особымъ государствомъ. Ни въ одномъ изъ вопросовъ, предложенныхъ сейму, не заключалось даже политическаго намека. Какимъ же образомъ Финляндія перешла въ состояніе особаго государства? Государь утвердилъ коренные законы и тѣ привилегіи, коими сословія пользовались до 1808 г. Финляндія же, сама по себѣ, не имѣла никакихъ собственныхъ коренныхъ законовъ и привилегій, а лишь тѣ, въ которыхъ она принимала участіе, какъ составная часть Швеціи, какъ ея провинція. Это право Финляндіи можно было вполнѣ утвердить, нисколько не связывая себя чѣмъ-либо. Положеніе Финляндіи не походило на положеніе тѣхъ странъ, которыя до покоренія ихъ чужому скипетру, успѣли пріобрѣсти и развить свое собственное государственное устройство. Гдѣ, — спрашиваетъ далѣе Арвидсонъ, — находятся тѣ положенія, которыми ближе опредѣляются отношенія Финляндіи къ Россіи, кромѣ той общей манеры говорить, которая сказалась въ удостовѣреніи Александра I? Если бы кто-либо изъ Русскихъ Государей вздумалъ игнорировать это удостовѣреніе, на какой основной законъ могла бы сослаться Финляндія, какъ на нарушенный? Откуда ей взять права для защиты противъ Россіи, разъ она навсегда соединена съ Имперіей и ея жители вошли въ составъ другихъ народовъ, подвластныхъ Русскому Скипетру, а Швеція уступила ихъ въ собственность и державное обладаніе Россіи? Можно указать только на обѣщаніе, но не на обязательства; ни одного государственнаго акта, ни одной гарантіи нѣтъ; обѣщаніе же (удостовѣреніе) зависитъ только отъ личной благосклонности, снисходительности... И вдругъ изъ всего этого родилось особое государство съ представительнымъ образомъ пра-

вленія! Въ теченіе тридцати лѣтъ никто въ Финляндіи не говорилъ объ этомъ, ни о созывѣ сейма, который обыкновенно составляетъ принадлежность представительнаго образа правленія. Одно несомнѣнно, прибавляетъ Арвидсонъ, что гражданскіе и уголовные законы утверждены такими, какими они были въ моментъ покоренія края[1]).

Въ сороковыхъ (1842—43) годахъ финляндецъ Paavo Suomalainen (или Карлъ фонъ-Бюргаузъ) въ своихъ брошюрахъ, въ согласіи съ Арвидсономъ, доказывалъ, что всякія заявленія (Вассера) о Финляндіи, какъ государствѣ, необходимо причислить къ разряду «политическихъ nonsens», такъ какъ de facto Финляндія не болѣе, какъ русская провинція[2]); даже еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ о какихъ-либо политическихъ и конституціонныхъ стремленіяхъ не могло быть и рѣчи, какъ удостовѣряетъ писатель края, В. Васеніусъ, въ сборникѣ «Финляндія въ XIX столѣтіи» (стр. 359). А теперь финляндцы (Германсонъ, Мехелинъ, Даніельсонъ и др.) въ брошюрахъ, наполнившихъ западноевропейскій книжный рынокъ, отстаиваютъ положеніе, что Финляндія отдѣльное конституціонно-монархическое государство, ничего общаго не имѣющее съ Россіей, кромѣ Монарха.

Что таково именно было мнѣніе большинства финляндцевъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ о политическомъ положеніи великаго княжества, доказательствомъ сего можетъ служить еще книга профессора Гельсингфорсскаго университета Пальмѐна «Юридическій учебникъ»[3]). Этотъ учебникъ былъ единственнымъ и, во всякомъ случаѣ, наиболѣе распространеннымъ въ Финляндіи и до сихъ поръ онъ еще не вполнѣ вышелъ изъ употребленія. По выходѣ его «Финское литературное общество» постановило перевести его на финскій языкъ, какъ «драгоцѣнное пособіе для уясненія финскимъ народнымъ массамъ правового ихъ положенія». Единственнымъ учебникомъ того же времени на русскомъ языкѣ являлось «Руководство къ законамъ Великаго Кня-

---

[1]) См. Журн. Мин. Юст. 1895 г., авг., ст. Г. Абова.

[2]) J. W. Snellman, соч. Th. Rein'a; 1899, II, 153.

[3]) «Juridisk handbok för medborgerlig bildning»; 1857, H.-fors.

жества Финляндскаго» Б. Лундаля (1857 г.). Какъ Пальмѣнъ (стр. 103, 255), такъ и Лундаль (стр. 88) одинаково признавали Финляндію «провинціей», присоединенной къ Россіи по Фридрихсгамскому мирному договору [1]).

Теорія финляндскаго «государственнаго» права.

Работа усиленная и дружная надъ созданіемъ «государственнаго» права Финляндіи началась собственно въ шестидесятыхъ годахъ подъ вліяніемъ общаго либеральнаго направленія времени и второго сейма въ Гельсингфорсѣ. Долго финляндцы вынуждены были мѣнять одну теорію на другую, пока не остановились на нынѣ господствующемъ ученіи профессора Германсона о сложномъ государствѣ. Въ 1812 г. профессоръ Гельсингфорскаго университета Яковъ Нордстрёмъ призналъ Финляндію за государство, «подчиненное верховенству Россіи» [2]); самое же соединеніе Финляндіи съ Россіей онъ опредѣлилъ такъ: «сперва инкорпорація, затѣмъ реальная унія». Въ 1857 г. другой профессоръ того же университета І. В. Розенборгъ находилъ, что «Финляндія и Россія состоятъ отнюдь не только въ личной уніи, но что существуетъ дѣйствительное реальное соединеніе». «Я формулирую, — писалъ онъ, — соединеніе Россіи съ Финляндіей слѣдующимъ образомъ: великое княжество Финляндское составляетъ часть Россійскаго государства и неразрывно соединено съ Россійскою имперіею, но управляется по собственнымъ основнымъ законамъ» [3]). І. В. Снельманъ (ученый, публицистъ и сенаторъ) въ 1859 г. высказался о Финляндіи, какъ о государствѣ, раздѣляющемъ въ международномъ от-

---

[1]) Состоя впослѣдствіи, въ 1891 г., членомъ комиссіи гр. Гейдена по кодификаціи основныхъ законовъ края, Пальмѣнъ называлъ уже Финляндію государствомъ, а значительно ранѣе, а именно въ 1861 г., онъ издалъ первый сборникъ «Основныхъ законовъ Финляндіи».

[2]) «Et unione civitatum», т. е. соединеніе (нѣсколькихъ государствъ) подъ одною верховною властью.

[3]) Шведскій ученый Сведеліусъ признаетъ, что грамота Александра I была очень неопредѣленна, состояла изъ общихъ фразъ, кои могли быть объясняемы различно (по усмотрѣнію каждаго).

Законъ 1789 г., по признанію финляндскаго писателя («Рус. Стар.», 1888 г., янв., стр. 119), ввелъ неясныя и неопредѣленно-выраженныя ограниченія власти сейма.

ношенія участь Россіи, но имѣющемъ свою внутреннюю самостоятельность; однако въ 1861 г. онъ измѣнилъ свое мнѣніе и призналъ Финляндію за провинцію Россіи [1]).

Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ финляндскихъ писателей, которые, не опредѣляя, какъ и Снельманъ, юридическаго свойства соединенія Финляндіи съ Россіей, ограничиваются тѣмъ, что именуютъ свой край государствомъ.—«На сеймѣ въ Борго, —писалъ Г. I. Сурандеръ въ 1876 г., —положеніе Финляндіи было устроено такъ, что она стала особымъ государствомъ, неразрывно соединеннымъ съ Россіей»... «Великое княжество Финляндское,—писалъ Р. К. Игнаціусъ,—соединено съ Россійскою имперіею такъ, что Императоръ Всероссійскій всегда есть Великій Князь Финляндіи» [2]). Къ этой же категоріи писателей слѣдуетъ отнести и историка Прье-Коскинена. Впослѣдствіи Прье-Коскиненъ, разбирая трудъ К. Ф. Ордина о «Покореніи Финляндіи» (1889 г.), заявилъ въ газетѣ «Uusi Suometar»: «Если рѣчь идетъ только объ одномъ названіи, то можно считать безразличнымъ употребляется ли слово «état» или нѣтъ; но это фактъ, что оно всегда употребляется въ тѣхъ актахъ, которыми утверждено было административное положеніе Финляндіи». Были и такіе писатели, которые говорили «о соединенныхъ коронахъ». Представителемъ этой категоріи является профессоръ (и сенаторъ) Р. Монтгомери. Въ юбилейной университетской рѣчи онъ говорилъ о Государѣ Александрѣ II, который въ древней столицѣ Имперіи «торжественно возложилъ на себя соединенныя короны...» [3]).

Наиболѣе усерднымъ проповѣдникомъ реальной уніи, существующей яко бы между Финляндіей и Россіей, явился профессоръ (а затѣмъ сенаторъ) Л. Мехелинъ [4]). Реаль-

---

[1]) Litteraturbladet, 1859, стр. 176; и Воспоминанія Авг. Шаумана 1891 г. ч. VIII, стр. 419.

[2]) Статистическіе очерки Финляндіи 1876 г., стр. 28 и 1882 г., стр. 50.

[3]) Wid Jubelfesten den 2 mars 1880, стр. 8—9.

[4]) Въ своихъ брошюрахъ «Précis du droit public du grand duché de Finlande», 1886 г. «Das Stadtsrecht des grossfust. Finland» (стр. 217, 249, 340); въ статьѣ его въ «Вѣстникѣ Европы» 1888 г., за мартъ мѣсяцъ, стр. 389—390; «La question finlandaise», 1893 г. и др.

ной же уніи придерживается и Эдвардъ Бергъ [1]). Къ последователямъ той же реальной уніи относился сперва и профессоръ исторіи Р. Даніельсонъ до 1890 г. [2]), но уже въ 1892 г. [3]) онъ измѣнилъ свой взглядъ и примкнулъ къ послѣдователямъ Р. Германсона.

Къ финляндскимъ писателямъ можно отнести и Вл. Головина. Въ первыхъ своихъ работахъ [4]) онъ обходилъ молчаніемъ юридическую природу соединенія Финляндіи съ Россіей; но въ 1891 г., во время наиболѣе жаркаго спора по финляндскому вопросу [5]), высказался вполнѣ опредѣленно. По его своеобразному мнѣнію, Финляндія при русскомъ владычествѣ сдѣлалась штатомъ, особоправствомъ, или обособленною частью Русскаго государства. Критикуя своихъ предшественниковъ, онъ заявилъ, что лишенъ всякой фактической возможности признать Финляндію государствомъ, точно также онъ отвергъ возможность примѣненія къ Финляндіи теоріи личной или реальной уніи.

Въ 1892 году профессоръ Гельсингфорсскаго университета Р. Германсонъ отрекся отъ всѣхъ прежнихъ теорій по финляндскому государственному праву. Особенно опредѣленно возсталъ онъ противъ ученія о «реальной уніи». Взамѣнъ прежняго, онъ предложилъ въ своей книгѣ о «Государственно-правовомъ положеніи Финляндіи» теорію о сложномъ (Русско-Финскомъ) государствѣ. Матеріалъ для нея Р. Германсонъ нашелъ въ трудахъ нѣмецкихъ профессоровъ, которые разработывали государственно-правовые вопросы, примѣнительно къ новымъ порядкамъ и требованіямъ, созданнымъ объедшенной Германской Имперіею, и потому въ значительныхъ дозахъ допустили смѣшеніе политики съ юриспруденціей (въ этомъ отношеніи болѣе другихъ грѣшитъ проф. Лабандъ, по пятамъ котораго шество-

---

[1]) Въ своей книжкѣ «Finlands Statsrättsliga utveckling efter 1808». (Развитіе государственнаго права Финляндіи послѣ 1808 г., изд. 1889 г.).

[2]) «Соединеніе Финляндіи съ Россійской державою» 1889 г.

[3]) Въ книгѣ о «Внутренней самостоятельности Финляндіи», 1892 г.

[4]) О Финляндскомъ сеймѣ 1863—1864 г.; и объ Устройствѣ правленія Великаго Княжества Финляндскаго (1872 г.).

[5]) Въ своихъ «Листкахъ изъ прошлаго и настоящаго Финляндіи», Изд. Фрасера.

валъ, главнымъ образомъ, Германсонъ). Примѣняя нѣмецкіе выводы къ Финляндіи, Германсонъ призналъ ее за автономное государство, съ особымъ государственнымъ устройствомъ (конституціей), соединенное съ Имперіей въ одну державу, образующую сложное государство, въ которомъ Россійскій Императоръ осуществляетъ права суверенитета по дѣламъ всей державы; какъ Великому же Князю Финляндіи ему принадлежитъ верховная власть въ краѣ, но только въ томъ видѣ, въ какомъ она опредѣлена законами этой страны (II вып., стран. 84).

Р. Германсонъ былъ председателемъ коммиссіи законовъ чрезвычайнаго сейма 1899 г. и, благодаря этому, его теорія перенесена теперь изъ области финляндской литературы въ оффиціальный всеподданнѣйшій отзывъ земскихъ чиновъ.

Чтобы опредѣлить, какія именно права и привилегіи были дарованы Финляндіи при ея покореніи, необходимо имѣть въ виду слѣдующее.

Акты, установившіе положеніе Финляндіи.

Въ деклараціи 16-го марта 1808 г., которою европейскія державы были увѣдомлены о присоединеніи Финляндіи, говорилось: «Его Императорское Величество извѣщаетъ всѣмъ державамъ европейскимъ, что отнынѣ часть Финляндіи, которая доселѣ именовалась шведскою, и которую войска россійскія не иначе могли занять, какъ выдержавъ разныя сраженія, признается областію, россійскимъ оружіемъ покоренною и присоединяется навсегда къ Россійской Имперіи» (П. С. Зак. т. XXX, № 22899).

20 марта того же года послѣдовалъ манифестъ, въ которомъ значилось... «Страну сію, оружіемъ нашимъ покоренную, Мы присоединяемъ отнынѣ на всегда къ Россійской Имперіи, и въ слѣдствіе того повелѣли Мы принять отъ обывателей ея присягу на вѣрное Престолу Нашему подданство» (П. С. З., № 22911).

5-го іюня 1808 г. Императоръ обратился къ обывателямъ Финляндіи съ особымъ манифестомъ, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: «Въ чредѣ народовъ, Скипетру Россійскому подвластныхъ и единую Имперію составляю-

щихъ, обыватели новоприсоединенной Финляндіи съ сего времени воспріяли навсегда свое мѣсто... Подъ сѣнію Престола Нашего покоятся многочисленные народы, судьбы ихъ равно сердцу нашему драгоцѣнны; вступивъ въ составъ Имперіи Нашей вы пріобрѣли тѣмъ самымъ равныя права съ ними. Сверхъ древнихъ установленій, странѣ вашей свойственныхъ, и свято нами хранимыхъ, новое поле вашей дѣятельности и трудолюбія открывается... Приверженность, единство и непоколебимая вѣрность есть единое возмездіе, коего Мы за все сіе отъ васъ требуемъ»...

Въ IV статьѣ мирнаго трактата, заключеннаго въ г. Фридрихсгамѣ 5 (17) сентября 1809 г. говорится: «губерніи сіи со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды, будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней на всегда присоединяются».

Въ VI статьѣ того же трактата прибавлено: «поелику Его Величество Императоръ Всероссійскій самымъ несомнѣннымъ опытомъ милосердія и правосудія ознаменовалъ уже образъ правленія своего, жителямъ пріобрѣтенныхъ имъ нынѣ областей обезпечивъ, по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія, свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и ихъ преимущества, то Его Шведское Величество тѣмъ самымъ освобождается отъ священнаго впрочемъ долга, чинить о томъ на пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія либо условія» (П. С. З. № 23883).

Въ 1809 г. въ городѣ Борго состоялся сеймъ.

15 марта земскимъ чинамъ сего сейма была передана, при принесеніи ими присяги, Высочайшая грамота слѣдующаго содержанія: «Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности, и всѣ подданные, оное населяющіе отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ

ненарушимой ихъ силѣ и дѣйствіи; въ удостовѣреніе чего сію грамоту собственноручнымъ подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволили» [1]).

Такъ какъ въ этой грамотѣ сказано, что «вновь» утверждаются права Финляндіи, то приводимъ прокламацію отъ 10 февраля 1808 г., которая заключаетъ въ себѣ первоначальное обѣщаніе по сему предмету. «Государь Императоръ, желая, чтобы въ землѣ вашей происходящее шло обыкновеннымъ порядкомъ согласно съ законами, правами и обычаями вашими, которые сохранены будутъ ненарушимо... Великое Княжество Финляндское отнынѣ и далѣе почитаться будетъ наравнѣ съ прочими завоеванными Россійской Имперіей областями».

23 марта 1808 г. изданъ былъ еще манифестъ совершенно тождественный съ грамотой 15 марта: «Мы въ семъ случаѣ желали торжественнымъ актомъ, объявленнымъ въ ихъ (земскихъ чиновъ) присутствіи въ святилищѣ утвердить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое сословіе въ особенности и все населеніе Финляндіи пользовались до сего времени» [2]).

Манифестъ 15 марта 1809 г. повторялся всѣми, послѣдующими за Александромъ Павловичемъ Россійскими Императорами при ихъ восшествіи на престолъ, съ тою лишь разницею, что, начиная съ 15 февраля 1855 г., слова по «конституціямъ ихъ» замѣнены въ немъ словами «по установленіямъ ихъ».

Манифестъ 15 марта 1809 г. финляндцы считаютъ главнѣйшимъ документомъ, установившимъ ихъ политическое

---

[1]) Эта грамота въ Полн. Собр. Зак. не опубликована, а подлинникъ ея сгорѣлъ въ Або.

[2]) Обѣщанія, подобныя тѣмъ, которыя находятся въ грамотѣ 15 марта и въ манифестѣ 23 марта, давались и другими нашими Государями при покореніи разныхъ областей. По Ништадтскому миру, напр., Петръ Великій удостовѣрилъ сословіямъ Лифляндіи и Эстляндіи, что они «при нихъ подъ Свейскимъ правленіемъ имѣвшихъ привилегіяхъ, обыкновеніяхъ и правахъ и справедливостяхъ, постоянно и непоколебимо содержаны и защищены будутъ». Въ 1801 г. особымъ манифестомъ Грузіи были дарованы «всѣ права, преимущества и собственность законно каждому принадлежащая». Видимо, что подобные акты прежнихъ времень послужили образцомъ для грамоты 15 марта, манифеста 23 марта и др.

положеніе, чѣмъ-то въ родѣ англійской «Magna charta», вслѣдствіе того, что въ немъ упоминается о конституціяхъ и говорится объ утвержденіи «коренныхъ законовъ» края, подъ каковыми законами, по ихъ мнѣнію, неизбѣжно предполагаются или подразумѣваются [1]): «Форма Правленія 1772 г.» и «Актъ Соединенія и Безопасности 1789 г.», т. е. государственные законы Швеціи. А если это такъ, то отсюда, по заключенію финляндцевъ, вытекаетъ, что Финляндія возведена была «въ государство» съ монархическо-конституціоннымъ правленіемъ. Иначе говоря, что Финляндія получила государственную конституцію и самодержавная власть Монарха въ предѣлахъ Великаго Княжества ограничена сими законами 1772 и 1789 гг.

Въ виду столь существеннаго значенія, придаваемаго финляндцами манифесту 15 марта 1809 г. и, главнымъ образомъ, словамъ его «коренные законы», необходимо разобраться въ этомъ капитальномъ вопросѣ и установить, дѣйствительно ли Императоръ Александръ I перенесъ на Финляндію государственное устройство Швеціи съ ея «конституціей», ограничивъ свое самодержавіе требованіями законовъ 1772 и 1789 гг.

«Коренной» законъ.

Выраженіе «фундаментальный законъ» (fundamentallag) впервые употреблено было въ Швеціи въ 1672 г., а выраженіе «основной законъ» (grundlag) въ 1755 г. Первоначально подъ сими законами понимались такіе законодательные акты и королевскія распоряженія, которые необходимо было «вѣчно хранить, соблюдать и исполнять». Во всякомъ случаѣ, нельзя сказать, чтобы подъ «фундаментальными» или «основными» законами понимались исключительно законы, разграничивавшіе власть короля и риксдага, или устанавливавшіе извѣстный ограниченный образъ правленія. Основнымъ закономъ являлся, напр., сеймовый уставъ Швеціи (1723 г.), содержавшій въ себѣ постановленія о времени созыва государственныхъ чиновъ, о составѣ и дѣлопроизводствѣ риксдага; затѣмъ еще поста-

---

[1]) Германсонъ, «Вѣстн. Европы» 1890 г., VI, 788.

новленіе о печати (1767 г.) имѣло «прочность и непоколебимость основного закона». Форма правленія 1772 и Актъ соединенія и безопасности 1789 г. были одобрены и утверждены, какъ основные законы «незыблемые», «священные», «неизмѣнные». Эти законы содержатъ въ себѣ также постановленія, которыя нельзя назвать политическими, или имѣющими какое-либо отношеніе къ народному представительству; такъ, напр., въ законѣ 1789 г. говорится о шкатовомъ выкупѣ казенныхъ гейматовъ (имѣній), о поставкѣ войскъ, о поземельной собственности, личной безопасности и т. п.

Ни въ Швеціи до 1809 г., ни въ Финляндіи по настоящее время не установлено съ точностью, что̀ именно слѣдуетъ понимать подъ коренными (основными) законами.

Извѣстно также, что законы 1772 и 1789 гг. въ Швеціи не обозначались, какъ «конституція» королевства, и само слово «конституція» въ началѣ нынѣшняго столѣтія не имѣло того опредѣленнаго смысла, какое ему придается въ настоящее время.

Въ русскомъ законодательствѣ терминъ «основные законы», какъ нормы государственнаго устройства, сталъ извѣстенъ только послѣ появленія свода законовъ, первое изданіе котораго относится къ 1832 году. Подъ «коренными» же законами вообще понимаются законодательныя постановленія болѣе стараго происхожденія. Но кореннымъ закономъ названъ былъ также законъ о престолонаслѣдіи, изданный 5 апрѣля 1797 г. Императоромъ Павломъ I. Сперанскій, кромѣ того, противопоставлялъ «законы коренные» «временнымъ учрежденіямъ» [1]). Въ церковно-славянскихъ словаряхъ говорится: коренной законъ, «составляющій корень, или основаніе, основной». Извѣстный Даль сопоставляетъ «коренной законъ» съ «основнымъ» и «общимъ».

Такимъ образомъ, терминъ «коренные законы» не даетъ права утверждать, что подъ сими законами безусловно необходимо понимать Форму правленія 1772 и Актъ безопасно-

---

[1]) Письмо къ Штейнгелю. Сборникъ матеріаловъ, извлеч. изъ архива собственной Е. И. В. канцеляріи 1890 г., вып. III, подъ ред. Н. Дубровина, стр. 310.

сти 1789 г. и что «коренные законы», по свойству своему, являются политическими и непремѣнно ограничивающими верховную власть.

Уголовное уложеніе Швеціи 1734 г., несомнѣнно, является «кореннымъ» закономъ. Почему, поэтому, не разумѣть, напр., подъ коренными законами боргоской грамоты важнѣйшій законъ, дѣйствовавшій въ Финляндіи въ моментъ ея покоренія? На такое заключеніе финляндцы не согласны и настаиваютъ на томъ, что «коренные законы» суть законы государственные, конституціонные.

Такъ какъ въ грамотѣ 15 марта законы 1772 и 1789 гг. не поименованы, то приходится прибѣгать къ догадкамъ, сопоставленіямъ и къ косвеннымъ доказательствамъ, дабы уяснить, что именно понималъ Государь подъ «коренными законами». Если бы Императоръ Александръ I имѣлъ намѣреніе утвердить законы 1772 и 1789 гг. для Финляндіи, то ничего не было проще, легче и естественнѣе, какъ точно назвать эти законы, такъ какъ ихъ всего было два. Но если они не поименованы, то очевидно, что имѣется чрезвычайно серьезное основаніе отрицать ихъ утвержденіе. «Magna charta» Финляндіи такимъ образомъ на эти законы не указываетъ и, слѣдовательно, нѣтъ прежде всего законодательнаго акта, который бы съ полной юридической точностію устанавливалъ ихъ для края.—Этому обстоятельству финляндцы не склонны придавать надлежащаго значенія, а между тѣмъ указанный фактъ въ корнѣ подрываетъ всѣ ихъ заявленія. «Конституція» должна быть дарована государственнымъ актомъ обоюдно обязательнымъ, какъ для одной, такъ и для другой стороны. Финляндскую же конституцію мѣстные дѣятели составляютъ изъ обрывковъ разныхъ фразъ и словъ, разновременно произнесенныхъ и не только самимъ Монархомъ, но часто даже его министромъ Сперанскимъ. Главной основой конституціи у финляндцевъ являются догадки, предположенія, сопоставленія и т. п. Нормально ли это? Въ Польшѣ, напр., было иначе. Когда Императоръ Александръ I утверждалъ ея конституцію, то былъ изданъ государственный актъ, удостовѣрившій ее.

Догадкамъ, предположеніямъ и косвеннымъ доказатель-

ствамъ финляндцевъ мы противопоставимъ длинный рядъ историко-юридическихъ фактовъ и прочно обоснованныхъ соображеній.

Финляндцы, читавшіе въ 1808 и 1809 гг. прокламаціи, манифесты и грамоту 15 марта и слышавшіе изъ устъ Императора Александра I его обѣщанія, совсѣмъ не такъ поняли эти акты, какъ толкуютъ ихъ нынѣшніе гельсингфорсскіе профессора, публицисты и сеймовые депутаты, а съ ихъ голоса и писатели запада. Финляндскіе дѣятели періода присоединенія великаго княжества находили, что законы 1772 и 1789 гг. къ ихъ краю непримѣнимы и потому всюда вычеркивали ссылки на нихъ тамъ, гдѣ они обязательно выставлялись при шведскомъ владычествѣ. Такъ, напримѣръ:

Примѣнялись ли законы 1772 и 1789 годовъ?

а) Депутатамъ, отправлявшимся на риксдаги, выдавались удостовѣренія съ неизбѣжными указаніями ихъ правъ по законамъ 1772 и 1789 гг. Выборщики города Або вычеркнули указанія на эти законы въ свидѣтельствахъ, данныхъ своимъ уполномоченнымъ, коихъ снарядили на сеймъ въ Борго, и сдѣлали это не случайно, а послѣ предварительнаго сношенія съ генералъ-губернаторомъ края, шведомъ Спренгтпортеномъ, который, къ тому же, являлся однимъ изъ главныхъ борцовъ за независимость Финляндіи и распоряжался всѣми дѣлами сейма [1]).

б) На сеймѣ въ Борго представители финскаго народа обязаны были принести присягу. По шведскимъ порядкамъ, въ присягѣ этой упоминалась Форма правленія 1772 г. Въ присягѣ депутатовъ въ Борго ссылка на эту хартію была исключена, и въ то же время въ сей присягѣ говорилось объ исполненіи основныхъ законовъ «въ томъ видѣ, какъ они существуютъ и дѣйствуютъ» [2]). Какъ это совмѣстить и объяснить? А между тѣмъ форма присяги въ Борго составлялась финляндцами де-Геeромъ и Ребиндеромъ.

Если Форма правленія 1772 г. и Актъ безопасности

---

[1]) Castrén, Skildringar; 122—123 стр.
[2]) «Русскій Вѣст.» 1888, V, 130, Ординъ.

1789 г. не были поименованы въ грамотѣ 15-го марта, то въ манифестѣ отъ 23-го марта (1809 г.), которымъ разъяснялось для народа происходившее на сеймѣ, это возможно было восполнить. Но этого не было сдѣлано, несмотря на то, что его составляли сами же финляндцы Ребиндеръ и Тенгстрёмъ[1]); напротивъ того, въ немъ вычеркнуты были слова по «конституціямъ».

Слѣдовалъ-ли Императоръ Александръ I законамъ 1772 и 1789 годовъ?

Если Императоръ Александръ I дѣйствительно желалъ перенести на Финляндію государственные порядки Швеціи и ограничить свои права «конституціей», то мы въ правѣ ожидать, что онъ первый подчинялся требованіямъ Формы правленія и Акта безопасности; на дѣлѣ же оказывается, что онъ вовсе не слѣдовалъ главнѣйшимъ постановленіямъ этихъ законовъ и въ теченіе всего своего царствованія не считался съ ними. Вотъ тому нѣсколько доказательствъ.

Прежде всего, онъ, утверждая законы 1772 и 1789 гг., обязанъ былъ, согласно § 8 Акта безопасности, собственноручно подписать сей Актъ; однако онъ его не подписалъ.

Точно также онъ не произнесъ конституціонной присяги шведскихъ королей, тогда какъ рѣчь о ней заводилась въ самомъ Борго депутатами фонъ-Моріаномъ и барономъ Маннергеймомъ. Сперанскій сейчасъ же указалъ симъ депутатамъ на непримѣнимость этой присяги «при настоящихъ обстоятельствахъ»[2]). Этой особой присягой короли обязывались управлять «по Формѣ правленія 1772 г.», отвергая «ненавистное единодержавіе»[3]).

Вопреки § 33 Формы правленія, воспрещающему назначеніе генералъ-губернатора, безъ особой необходимости и на неопредѣленное время, Александръ I установилъ въ Финляндіи эту должность и опредѣлилъ на нее, безъ какихъ-либо оговорокъ, генерала Спренгтпортена.

§ 10 Формы правленія и § 1 Акта безопасности тре-

---

[1]) Финлянд. окраина Россіи; I, стр. 132.
[2]) Castrén, Skildringar, 104 стр.
[3]) Finlands Grundlagar, 1861 г.; 58—59 стр. (изд. Пальмена).

бують, чтобы страна управлялась безъ участія «чужихъ иностранныхъ людей». Вопреки сему, Императоръ назначилъ русскаго сановника Сперанскаго канцлеромъ Абоскаго университета, а на постъ начальника края, послѣ Спренгтпортена, русскихъ генераловъ Барклая де-Толли, Штейнгеля и Закревскаго. Послѣ смерти гр. Г. Армфельта, сами же финляндцы избрали канцлеромъ университета гр. Румянцева, который отказался отъ этого званія.

Если Финляндія была сдѣлана «государствомъ» и ей была оставлена Форма правленія 1772 г., то, согласно §§ 20—29, 31, 37 и др., надлежало учредить въ краѣ разныя коллегіи, государственный совѣтъ, верховный судъ, тайный комитетъ, маршаловъ и т. д. Во всемъ этомъ Финляндіи было отказано, несмотря на то, что о тайномъ комитетѣ, напр., ходатайствовали особо депутаты боргоскаго сейма. Впослѣдствіи финляндцы дѣлали попытки перенести на свой сенатъ нѣкоторыя полномочія государственнаго совѣта Швеціи. Но въ 1867 г., особымъ рескриптомъ на имя генералъ-губернатора, имъ было разъяснено, что «никакимъ закономъ сенатъ никогда не былъ облеченъ значеніемъ и правами шведскаго государственнаго совѣта».

Въ Борго былъ созванъ не риксдагъ, а ландтагъ (сеймъ), что сразу опредѣляетъ его компетенцію. Ландтагъ можетъ заниматься только мѣстными, областными земскими дѣлами, а не государственными вопросами.

Если покоритель шведской провинціи хотѣлъ дать ей, какъ говорятъ финляндцы, «политическое существованіе», то въ такомъ случаѣ онъ обязанъ былъ, конечно, оставить новому «государству» его собственный оффиціальный языкъ. Этого косвенно требовало также и уголовное уложеніе 1734 г., въ которомъ говорится, что «на иноземныя узаконенія не слѣдуетъ въ ономъ (т. е. въ рѣшеніи суда) ссылаться, ниже употреблять иностранный языкъ» [1]). Зная все это, Императоръ Александръ I тѣмъ не менѣе повелѣваетъ «всѣ дѣла производить на нынѣ употребляемомъ въ Финляндіи (шведскомъ) языкѣ, доколѣ не войдетъ въ упо-

---

[1]) Отд. о судопроизв., гл. XXIV, § 3.

требленіе (языкъ) Россійскій» [1]). Это требованіе было повторено въ инструкціи 1811 г. (§ 22) Финляндской коммиссіи. Въ 1812 г. (6 іюня) Государь издалъ рескриптъ съ повелѣніемъ назначить во всѣ школы Финляндіи учителей русскаго языка и требовать, чтобы «всѣ молодые люди Финляндіи, намѣревающіеся вступить въ государственную службу, обязаны были публично доказать познанія свои въ русскомъ языкѣ». Въ 1813 г., въ развитіе того же требованія, послѣдовало новое постановленіе (10 апрѣля). Спренгтпортенъ, гр. Г. М. Армфельтъ, Ребиндеръ и другіе финляндцы, наиболѣе вліявшіе на ходъ первоначальнаго политическаго устройства Финляндіи, признавали такое требованіе вполнѣ справедливымъ и естественнымъ. Армфельтъ находилъ требованіе русскаго языка для правительственной службы въ Финляндіи прямо необходимымъ [2]). Изъ этого опять видно, что государь и ближайшіе его сотрудники не находили введеніе иноземнаго (русскаго) языка въ дѣлопроизводство Финляндіи въ чемъ-либо противорѣчащимъ тому новому политическому положенію, которое дано было этому краю.

«Король не можетъ издавать новыхъ законовъ, ниже старыхъ отмѣнять, безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ»,—гласитъ § 40 Формы правленія 1772 г. Исполнялась ли эта капитальнѣйшая статья той государственной конституціи, которая, по увѣренію финляндцевъ, была дарована ихъ краю? Исторія свидѣтельствуетъ, что Александръ I ни въ Борго, ни впослѣдствіи указаніямъ этой статьи вовсе не слѣдовалъ. Приведемъ опять нѣсколько примѣровъ.

Извѣстно, что на разсмотрѣніе боргоскаго сейма было передано четыре вопроса. По смыслу § 40 Формы правленія, Государь обязанъ былъ по симъ вопросамъ дѣйствовать въ полномъ согласіи съ земскими чинами. Однако Государь поступилъ не такъ. При установленіи, напр., размѣра вакантной подати (замѣнившей собою поставку вой-

---

[1]) Полож. объ учрежденіи правленія въ Новой Финляндіи отъ 19 ноября 1808 г., § 6.

[2]) «Наблюдатель», 1896 г., XII, 222 и 240 стр.

ска по поселенной системѣ) Александръ I принялъ во вниманіе не мнѣніе большинства земскихъ чиновъ, какъ надлежало, а заявленіе хозяйственной комиссіи сейма[1]). Издавая затѣмъ манифестъ 17 декабря 1809 г. о монетѣ, Императоръ принялъ лишь во вниманіе «мнѣніе» земскихъ чиновъ, но сеймоваго закона о монетѣ не послѣдовало. Точно также и впослѣдствіи (въ 1840 г.) русскіе серебряные рубли, вмѣсто ассигнаціонныхъ, и новая монетная единица—марка (въ 1860 г.) были введены въ Финляндіи именными указами, а не сеймовыми законами.

Еще нагляднѣе обнаружилось отношеніе Императора Александра I къ ограничительной власти земскихъ чиновъ въ вопросѣ объ утвержденіи и изданіи регламента для совѣта (впослѣдствіи сената). Финляндскій проектъ сего регламента былъ переданъ на разсмотрѣніе сейма въ Борго. Депутаты высказывались по дѣлу, но не всѣ ихъ мнѣнія были приняты. Земскіе чины находили, напр., чтобы не старшій, а членъ, занимающій первое мѣсто, замѣнялъ предсѣдателя совѣта въ его отсутствіи. Государь постановилъ, чтобы именно старшій предсѣдательствовалъ, когда нѣтъ генералъ-губернатора. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что многія постановленія регламента противорѣчатъ основнымъ законамъ 1772 и 1789 гг. (Это признала, между прочимъ, финляндская комиссія Вейсенберга). Такъ, напр., наложеніе податей, изданіе новыхъ законовъ и поясненіе ихъ, установленіе правилъ по пріобрѣтенію крестьянами казенныхъ земель и пр., по силѣ §§ 40, 41, 43, 45 и 57 Формы правленія 1772 г. и §§ 3 и 5 Акта безопасности 1789 г., должны быть производимы верховною властію не иначе, какъ совмѣстно съ сеймомъ. Регламентъ же (§§ 15—18) ставитъ подобные вопросы въ исключительную зависимость отъ Монаршей воли. Замѣчательно еще, что въ регламентѣ,—который, конечно, представляется однимъ изъ главнѣйшихъ законовъ Финляндіи, такъ какъ онъ возложилъ на совѣтъ (или сенатъ) отчасти обязанности шведскихъ коллегій, отчасти верховнаго суда,

---

[1]) Манифестъ 10 іюля 1810 г. Castrén, Skildringar; 156 и 169 стр.

функціи и устройство коихъ въ свое время опредѣлялись законами 1772 и 1789 гг.,—составители сего регламента, мѣстные юристы, не нашли возможнымъ ввести ссылокъ на Форму правленія и Актъ безопасности, тогда какъ ссылки на Общее Уложеніе ими сдѣланы (напр., отд. I, гл. V, § 28, отд. II, §§ 38 и 39).

Для правильнаго освѣщенія вопроса о регламентѣ полезно имѣть также въ виду слѣдующее заявленіе Сперанскаго, сдѣланное имъ въ письмѣ къ генералъ-губернатору Ѳ. Штейнгелю (19 мая 1811 г.): «Совѣтъ устроенъ не по праву конституціи, но по единому усмотрѣнію правительства. Финляндія никогда не имѣла особеннаго совѣта. Утвержденіе правъ ея никакой не имѣло точной связи съ симъ установленіемъ. Права могли существовать и безъ совѣта и были даже утверждены прежде его учрежденія. Мѣсто сіе имѣетъ особенное свое учрежденіе или регламентъ. Регламентъ сей не есть постановленіе ни сеймовое, ни конституціонное и подобно всѣмъ другимъ регламентамъ онъ по существу своему подлежитъ дополненіямъ и ограниченіямъ»...[1]).

Наконецъ, чтобы читатель получилъ болѣе опредѣленное представленіе о превращеніи обыкновенныхъ административныхъ постановленій въ сеймовое законодательство, приведемъ маленькую страничку изъ дѣятельности финляндскихъ юридическихъ обществъ. Эта страничка кстати покажетъ, насколько осторожно необходимо относиться даже къ коллективнымъ заявленіямъ мѣстныхъ ученыхъ синклитовъ.

Регламенту 1809 г. финляндцы придаютъ особое конституціонное значеніе и относятъ его, безъ малѣйшаго къ тому основанія, къ разряду основныхъ законовъ края (напр., Л. Михелинъ). Въ 1881 г. всѣ юридическія общества Финляндіи спеціально обсуждали вопросъ объ этомъ регламентѣ. Они знали, конечно, слова Сперанскаго, исторію происхожденія регламента, его содержаніе, его послѣдующую судьбу, когда онъ многократно измѣнялся (1841, 57, 86, 92 и 96 гг.)

---

[1]) Сборникъ историч. матер., извлечен. изъ архива собствен. Е. И. В. канцеляріи. Изд. Дубровина. Вып. III, 1890 г., стр. 307.

въ административномъ порядкѣ, и все-таки они рѣшили, что части сего регламента (какія именно?), заимствованныя изъ законовъ 1772 и 1789 гг., должны измѣняться не иначе, какъ съ согласія сейма! [1]).

Если Александръ I не слѣдовалъ указаніямъ законовъ 1772 и 1789 гг., то для чего же, въ такомъ случаѣ, регламентъ въ 1809 г. передавался на разсмотрѣніе боргоскаго сейма? Очевидно, для полученія по немъ не рѣшенія сейма, а лишь его мнѣнія. Въ объявленіи о созывѣ сего сейма (отъ 1 февраля 1809 г.) говорилось, что онъ призывается «для совѣщанія». Еще раньше, въ февральской прокламаціи 1808 г., также упоминалось, что сеймъ нуженъ «для совѣщанія о всемъ, относящемся къ пользѣ страны». Надлежащихъ предложеній земскимъ чинамъ въ Борго не дѣлалось, а вопросы о войскѣ, монетѣ, налогахъ и управленіи были переданы сейму на общее обсужденіе. Да и сами сословія сейма тогда понимали, что ихъ роль не простиралась далѣе дачи отзывовъ и мнѣній [2]), и только въ послѣднее время финляндскіе писатели стали приписывать имъ роль законодателей и «второй государственной власти», несмотря на то, что Государь, закрывая сеймъ въ 1809 г., сказалъ: «Созывая сословія Финляндіи на общій сеймъ, Я хотѣлъ знать желанія народа насчетъ его истинныхъ нуждъ... Я приму ихъ (т. е. «мнѣнія») въ соображеніе»... «Надо сдѣлать одно существенное замѣчаніе»,—писалъ Сперанскій Барклаю де-Толли, —«о порядкѣ, въ которомъ велись разсужденія. Отъ сейма требовали не рѣшеній, не декретовъ, а простыхъ мнѣній». Изъ сказаннаго вытекаетъ, что сеймъ въ Борго имѣлъ характеръ совѣщательнаго, а не законодательнаго учрежденія. А если такъ, то вновь удостовѣряется, что Александръ I своей власти не ограничивалъ и на сеймъ въ Борго не перенесъ правъ и полномочій шведскаго риксдага, какъ законодатель-

Совѣщательный сеймъ въ Борго.

---

[1]) Helsingfors Dagblad 1881 г., № 193.

[2]) См. протоколы рыцарства и дворянства, на швед. яз., ч. II, стр. 410; протоколы бюргерскаго сословія, напечатанные въ 1886 г., стр. 172.– Castrén, Skildringar; 149 стр.

наго органа. Другими словами, онъ не имѣлъ намѣренія пересадить на финляндскую почву шведскую конституцію. Упсальскій профессоръ Сведеліусъ, поэтому, несомнѣнно правъ, видя въ боргоскомъ сеймѣ то, что раньше, во время шведскаго владычества, называлось провинціальными съѣздами или мѣстными сеймами. Сведеліусъ не признаетъ также сейма въ Борго «конституціоннымъ собраніемъ», хотя этотъ сеймъ, по его мнѣнію, въ нѣкоторой степени имѣлъ въ виду положить основаніе новому «государственному» устройству или новой правительственной организаціи [1]). Сеймъ въ Борго вообще только въ послѣднія десятилѣтія сдѣлалъ эрой въ исторіи Финляндіи; раньше же его значеніе едва замѣчалось; что же касается его современниковъ, то они его своимъ особымъ вниманіемъ вовсе не отмѣтили [2]). Прибавимъ, что абоскій губернаторъ Тропль, епископъ Тенгстрёмъ, маіоръ Кликъ и друг. высказывались даже противъ созыва боргоскаго сейма.

Итакъ, Императоръ Александръ I въ законодательной области Финляндіи распоряжался настолько самостоятельно, что въ его дѣйствіяхъ невозможно усмотрѣть какого-либо вліянія § 40 Формы правленія 1772 г. Финляндцы обыкновенно отвѣчаютъ на это, что верховной власти, по прежнимъ государственнымъ законамъ Швеціи, предоставлялось широкое право единолично издавать постановленія по экономической, полицейской и административнымъ отраслямъ управленія, а также разнаго рода уставы, относящіеся до командной части войска и, наконецъ, разъяснять истинный смыслъ и значеніе дѣйствующихъ законоположеній, и что Императоръ Александръ I только пользовался этими правами «шведскаго короля». Но, во-1-хъ, такого закона нѣтъ, о которомъ говорятъ финляндцы, и имъ приходится поэтому ссылаться, въ свое оправданіе, на обычай и прежнюю шведскую практику; а, во-2-хъ, Александръ I издавалъ, какъ уже показано, не мелкія или малозначащія постановленія административно-полицейскаго характера, а законоположе-

---

[1]) Svedelius «Om Finlands landtdagar». Upsala. 1872.

[2]) Ирье-Коскиненъ. Исторія Финляндіи, на швед. яз.; стр. 598.

нія первостепенной важности, которыя устанавливали новое управленіе страной. Мало того, какъ при Императорѣ Александрѣ I, такъ и при его державныхъ преемникахъ измѣнялись, дополнялись и отмѣнялись безъ сейма такіе законы, которые были изданы при участіи шведскаго риксдага. Такъ, напримѣръ, вводились поправки къ Общему уложенію 1734 г., которое, несомнѣнно, являлось коренным законом и прошло въ свое время черезъ руки государственныхъ чиновъ риксдага Швеціи: въ 1826 г. былъ изданъ законъ объ отмѣнѣ смертной казни; въ 1833 г. измѣненъ отдѣлъ о торговлѣ; затѣмъ еще мѣнялись въ семъ уложеніи отдѣлы о строеніи, о взысканіяхъ и о судопроизводствѣ; въ 1848 г. отмѣнено позорное наказаніе выставки къ колодкѣ и т. д. [1]).

Въ теченіе 54 лѣтъ сеймы вовсе не собирались въ Финляндіи. Сторонники «конституціи» находятъ, что это обстоятельство ничего не поясняетъ, такъ какъ основные законы

---

[1]) Перечень нѣкоторыхъ законовъ, изданныхъ безъ участія сейма:

въ 1827 г. законъ, дозволявшій лицамъ греко-россійскаго исповѣданія поступать на службу края,

въ 1840 г. манифестомъ 6 апр. послѣдовало переложеніе оброчныхъ статей и притомъ не въ смыслѣ, ранѣе предложенномъ боргоскимъ сеймомъ,

въ 1841 г. разрѣшены были нѣкоторые займы,

въ 1842 г. (8 сентября) гербовый сборъ былъ увеличенъ противъ нормы, принятой сеймомъ въ Борго,

въ 1846 и 1848 гг. были утверждены межевой уставъ и уставъ о землемѣріи, которые во многомъ коснулись положеній Общаго улож. 1734 г.,

въ 1851 г. изданъ лѣсной уставъ,

въ 1851 г. русскіе дворяне получили право пріобрѣтать недвижимость въ предѣлахъ Финляндіи,

въ 1858 г. (29 марта) изданъ вексельный уставъ, взамѣнъ шведскаго устава, прошедшаго черезъ риксдагъ,

въ 1863 г. утвержденъ таможенный уставъ,

въ 1864 г. Сестрорѣцкій участокъ Выборгской губ. присоединенъ къ Петербургской губ.,

въ 1867 г. опубликовано новое положеніе о печати,

въ 1869 г. организовано главное управленіе учебными заведеніями Финляндіи. — Сеймъ высказался по сему вопросу, но законъ 12 декабря тѣмъ не менѣе явился самостоятельно и во многомъ разнится отъ рѣшеній, принятыхъ земскими чинами. Совершенно подобная же исторія повторилась въ 1888—1898 гг. съ тарифомъ по пересылкѣ газетъ и журналовъ,

въ 1872 г. изданъ новый школьный уставъ,

въ 1891 г. утвержденъ законъ о сельской полиціи. Сеймъ въ 1888 г. разсмотрѣлъ проектъ этого закона, а въ 1891 г. явилось Высочайшее постановленіе уже безъ участія сейма.

предоставляли королю собирать когда и гдѣ ему угодно сословія государства. Но извѣстно, что сейму принадлежало право контроля финансоваго управленія, т. е. ему надлежало удостовѣрять, что «доходы идутъ на пользу и благо государства», и, кромѣ того, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ земскихъ чиновъ долженъ былъ находиться государственный банкъ. Въ отсутствіе сеймовъ съ 1809 по 1863 г. ревизія казны и фондовъ банка края, слѣдовательно, не производилась, иначе говоря, не соблюдался весьма существенный конституціонный законъ, а это еще разъ указываетъ, что онъ не былъ утвержденъ для Финляндіи.

При наличности длиннаго ряда приведенныхъ фактовъ, болѣе чѣмъ трудно согласиться съ существованіемъ финляндской государственной «конституціи». Финляндіи было сохранено ея прежнее положеніе (провинціи), но новаго государственнаго положенія для нея не было создано; у нея осталась своя внутренняя самостоятельная администрація, независимая отъ главныхъ управленій имперіи. Финляндцамъ сохранены были исповѣданіе лютеранской религіи, прежній церковный уставъ, права личной свободы, прежнія права поземельной собственности и владѣнія, прежнія гражданскія права и уголовное уложеніе, прежняя система отбыванія воинской повинности, прежніе законы судоустройства и судопроизводства, прежніе торговые порядки и т. п. Финляндцы прежде лишь участвовали въ шведскомъ риксдагѣ, но своего риксдага, т. е. государственнаго сейма, не получили; имъ дарованъ былъ только ландтагъ, т. е. собраніе земскихъ, а не государственныхъ чиновъ. Государственной конституціи Финляндіи не было дано. Это удостовѣряется свидѣтельствомъ многихъ финляндцевъ, какъ современниковъ боргоскаго сейма, такъ и послѣдующаго времени. Государственной «конституціи» не доставало Финляндіи и ее-то всѣми средствами старались пріобрѣсти для края финляндскіе дѣятели. Баронъ Маннергеймъ, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ сейма, двадцать лѣтъ послѣ событій въ Борго, писалъ: «полнаго сеймоваго рѣшенія, требуемаго конституціонными формами, не

Свидѣтельства финляндцевъ о «конституціи».

было подписано. Сеймъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ... Существенною стороною сейма было торжественное обѣщаніе Государя сохранить законы страны, права и привилегіи, а также учрежденіе собственнаго управленія, совершенно обособленнаго отъ русскаго, благодаря учрежденію Правительственнаго Совѣта; но оставалась надежда, что на будущихъ сеймахъ, при болѣе мирныхъ условіяхъ, удастся организовать и укрѣпить конституцію Финляндіи, надежда, которая въ царствованіе Александра I была близка къ осуществленію, но по неизвѣстнымъ причинамъ не осуществилась»[1]). Въ томъ же смыслѣ высказался и архіепископъ Яковъ Тенгстрёмъ, который былъ старшиною духовнаго сословія на боргоскомъ сеймѣ и могъ, слѣдовательно, знать, какія права и привилегіи были дарованы тогда, въ его присутствіи, Финляндіи[2]). Вскорѣ послѣ сейма въ Борго, гр. Г. М. Армфельтъ и Ребиндеръ употребили все свое вліяніе, чтобы обосновать для края настоящую конституцію, но напрасно. «Наши установленія во многомъ такъ дурно составлены,—писалъ гр. Армфельтъ, — такъ нелиберальны, что ихъ слѣдуетъ замѣнить другими». Слѣдовало бы созвать земскихъ чиновъ и предложить конституцію (слѣдовательно, ея не было?)[3]). Пріятель гр. Армфельта Эренстрёмъ, вмѣстѣ съ Аминовымъ, работалъ надъ проектомъ такой конституціи, усматривая при этомъ, что слѣдовало бы сохранить основы Формы правленія 1772 и Акта соединенія и безопасности 1789 г. (слѣдовательно, онѣ не были сохранены?)[4]). Въ 1819 г. статсъ-секретарь Финляндіи Ребиндеръ, вмѣстѣ съ членами Финляндскаго комитета, составилъ обширный проектъ (въ тридцать листовъ) «государственной организаціи и управленія» Финляндіи съ отвѣтственными министрами, съ обязательнымъ контрасигнированіемъ всѣхъ распоряженій правительства статсъ-секретаремъ, съ представленіемъ сейму отче-

[1]) Castrén, Skildringar; стр. 229—230.
[2]) Шюбергсонъ. — Ur Finlands konstitutionella historia 1809 — 1863 H-fors, 1898; стр. 8.
[3]) «Наблюдатель» 1896, XII; 225 и 239 и «Русск. Стар.» 1896.
[4]) «Наблюдатель» 1896, XII, 227.

товъ по управленію краемъ и т. п. Но и этому плану не суждено было осуществиться. «Когда и какимъ образомъ эти столь широко задуманные и разработанные планы реформы были отвергнуты—неизвѣстно». Еще два года спустя надѣялись, что они пройдутъ. Такъ, гр. Аминовъ 28 сентября 1821 г. писалъ: «между другими комиссіями, предстоящими въ Гельсингфорсѣ, мнѣ придется представить редакцію обѣщанной конституціи отечества» [1]). Маіоръ Клингъ, который игралъ очень замѣтную роль во время присоединенія Финляндіи, категорически утверждалъ, что русскимъ правительствомъ никогда не была признаваема Форма правленія 1772 г. [2]). Можно указать еще на отзывъ профессора Гельсингфорскаго университета І. В. Розенборга, который (въ 1857 г.), характеризуя Форму правленія и Актъ безопасности, заявилъ: «такъ называемые основные законы Финляндіи темны и двусмысленны въ своихъ выраженіяхъ и отчасти не заключаютъ въ себѣ того, что въ нихъ ищутъ; права сословій также двусмысленны и могутъ подавать поводы къ спорамъ и недоразумѣніямъ; во всякомъ случаѣ эти права далеко не таковы, какими они должны быть, дабы возможно было поставить Финляндію на ряду съ конституціонными государствами» [3]). Наконецъ, обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что не далѣе, какъ въ 1877 г. наиболѣе вліятельная газета Финляндіи «Helsingfors Dagblad» (№ 1) распространялась о томъ, что въ отношеніяхъ Финляндіи къ Россіи много неопредѣленнаго, что постановленія о правѣ финскаго народа участвовать въ установленіи налоговъ неясны, что статьи Формы правленія часто сомнительныя и колеблющіяся и т. п., почему газета совѣтовала воспользоваться предстоящимъ разсмотрѣніемъ устава о воинской повинности для закрѣпленія нѣкоторыхъ сомнительныхъ правъ.

Такъ писали и думали финляндцы прежде; но въ последнее время въ ихъ воззрѣніяхъ совершился крутой пе-

---

[1]) Castrén. Skildringar, стр. 371—382.

[2]) Ординъ. «Покореніе Финляндіи», II, 160 стр.

[3]) Om Riksdagar—af W. Rosenborg, Helsingfors, 1857 г.; предисловіе и 294 стр.

реворотъ, и они чаще и чаще начинають утверждать, что Финляндіи были сохранены конституціонные законы Швеціи. Но слѣдуетъ только обратиться къ этимъ законамъ, чтобы убѣдиться, что девять десятыхъ ихъ содержанія совершенно непримѣнимы къ тому положенію Финляндіи, которое создалось послѣ 1809 г. Отсюда уже ясно, что они и не могли быть сохранены для нея, послѣ присоединенія къ Россіи, и не могли быть поэтому упомянуты въ грамотѣ 15 марта 1809 г.

Непримѣнимость къ Финляндіи законовъ 1772 и 1789 годовъ.

Форма правленія 1772 и Актъ соединенія и безопасности 1789 г. суть послѣдствія борьбы за власть; оба эти акта суть условія, заключенныя для обладанія этою властью. Когда Густаву III удалось обуздать шведскую олигархію, онъ насильственными мѣрами провелъ Форму правленія для возстановленія значенія короля. Актъ безопасности составляетъ второе завоеваніе короля въ дѣлѣ установленія своихъ правъ; но это завоеваніе было куплено дарованіемъ новыхъ земельныхъ правъ недворянскимъ сословіямъ. Русскіе Монархи правятъ своими подданными не по договорамъ, добытымъ разными сдѣлками и уступками, а по «произволенію Всевышняго»; «Божіею же милостію» и Императоръ Александръ I вступилъ въ державное обладаніе Финляндіею. Обращаясь къ содержанію «основныхъ законовъ» 1772 и 1789 гг., оказывается, что Форма правленія, напримѣръ, обязываетъ короля слѣдовать аугсбургскому исповѣданію (§ 1); относительно престолонаслѣдія предписывается исполнять условія, составленныя и одобренныя въ Стокгольмѣ въ 1743 г. (§ 3); государственные совѣтники обязаны руководиться опредѣленіемъ сейма 1602 г. (§ 4); договоры король заключаетъ не иначе, какъ по совѣщаніи съ государственными совѣтниками (§ 6); безъ вѣдома и согласія сихъ совѣтниковъ король, если онъ чужестранецъ, не имѣетъ права выѣзжать изъ государства (§ 7); войска обязаны присягать не только королю, но государству и государственнымъ чинамъ (§ 18); учрежденіе генералъ-губернаторской должности воспрещено (§ 33); король не можетъ издавать

новыхъ законовъ безъ согласія государственныхъ чиновъ (т. е. риксдага) (§ 40); присягая, король обязывается ненавидѣть «королевское самовластіе», а государственные чины—«имѣть величайшее отвращеніе къ королевскому самодержавію, или такъ называемому неограниченному правленію». Въ Актѣ соединенія и безопасности 1789 г., напротивъ, говорится, что король «имѣетъ полную власть управлять государствомъ», и постановлять по своему высокому благоусмотрѣнію о всѣхъ должностяхъ государства; «шведскій народъ имѣетъ неоспоримое право относительно сего (т. е. средства на содержаніе государства) съ королемъ совѣщаться, уговариваться, отказываться и входить въ соглашеніе»; на риксдагахъ государственные чины не занимаются никакими иными дѣлами, кромѣ тѣхъ, какія имъ предлагаетъ король, «и, наконецъ, что Форма правленія 1772 г. остается въ силѣ ненарушимо во всемъ, что не измѣнено симъ Актомъ».

Для каждаго, кто ознакомится съ полнымъ содержаніемъ сихъ шведскихъ государственныхъ законовъ[1]), станетъ неопровержимо ясно, что въ большей своей части они никоимъ образомъ не могли быть примѣнены къ Финляндіи послѣ отторженія ея отъ Швеціи. Если допустить, что Императоръ Александръ I, говоря о «коренныхъ законахъ», имѣлъ въ виду даровать финскому народу законы 1772 и 1789 гг., то естественно возникаетъ вопросъ: какія части сихъ государственныхъ законовъ онъ находилъ возможными сохранить, какія признавалъ отпадающими, въ силу самаго факта подчиненія Финляндіи самодержавной Россіи, и какія, наконецъ, вовсе не имѣлъ намѣренія утвердить? Вопросъ огромной важности, который, однако, никогда авторитетною властью не былъ разрѣшенъ, и «конституція» Финляндіи до сихъ поръ остается не кодифицированной. Пользуясь этимъ, каждый финляндецъ-государственникъ хозяйничаетъ въ области «основныхъ законовъ» по своему личному усмотрѣнію и вкусу. И въ результатѣ произволь-

---

[1]) См., напр., Сборникъ дѣйствующихъ въ Финляндіи основныхъ законовъ; К. Якубовъ, Гельсингфорсъ, 1889.

наго отношенія къ законамъ 1772 и 1789 гг. получается такая неясность и неопредѣленность, въ которой не разобрались ни ученые, ни публицисты самой Финляндіи, и не пришли ни къ какому соглашенію ихъ русскіе и иностранные послѣдователи. Возможно ли, напримѣръ, преклониться передъ заявленіемъ сейма 1899 г., что «все, что постановлено относительно короля въ шведскихъ основныхъ законахъ, послѣ 1809 г., разумѣется, примѣняется къ Императору и Великому Князю»[1]). Вѣдь это, другими словами, значитъ, что Императоръ и Великій Князь долженъ быть аугсбургскаго вѣроисповѣданія, ненавидѣть единодержавіе, и такъ какъ онъ по отношенію къ Финляндіи—«чужестранецъ» то, какъ Великій Князь, не имѣетъ права выѣзжать изъ края безъ согласія государственныхъ совѣтниковъ. Попытки толковать въ Финляндіи этотъ законъ о правѣ выѣзда изъ государства короля-чужеземца въ означенномъ именно смыслѣ даже дѣлались, когда (1885 г.) старались обосновать власть мѣстнаго сената на государственныхъ законахъ Швеціи. Кодификаціонная комиссія (Вейсенберга) доказывала, что Великій Князь Финляндіи находится въ постоянномъ отъѣздѣ изъ края и потому существованіе мѣстнаго сената обусловливается финляндскою «конституціей»[2]). Сами финляндцы не разъ дѣлали опыты извлеченія изъ законовъ 1772 и 1789 гг. тѣхъ §§, кои могли бы, по ихъ мнѣнію, быть примѣнимы въ предѣлахъ великаго княжества. Получалось, конечно, большое разногласіе. Въ тридцатыхъ годахъ доцентъ Абоскаго университета Арвидсонъ насчиталъ, что изъ 57-ми параграфовъ Формы правленія одиннадцать остаются пригодными для Финляндіи[3]). По послѣднему подсчету, произведенному въ 1898 году, такихъ параграфовъ оказалось двадцать[4]). По увѣреніямъ

---

[1]) Л. Михелинъ. «Противорѣчатъ ли права Финляндіи интересамъ Россіи?» стр. 5 (1890 г.).

Его-же. «Очеркъ основ. законовъ Финляндіи» 1898 г., стр. 5.

Это заявленіе дословно повторено въ отзывѣ сейма 1899 г.; стр. 14, II.

[2]) Якубовъ. Сборникъ. 1889, стр. 92.

[3]) Журн. Мин. Юстиціи; (Абовъ). Эти §§ суть: 1, 2, 5, 9, 40, 41, 42, 43, 45, 46, 50, 57.

[4]) Сборн. Финляндіи, изд. Поповой; 1898, стр. 52.

третьихъ, изъ 57 параграфовъ закона 1772 г. отмѣнено 30[1]) и т. д. Мало того, ни шведскіе, ни финляндскіе ученые не могутъ договориться по вопросу о томъ, что слѣдуетъ вообще отнести къ «основнымъ законамъ» и какіе изъ нихъ остаются въ дѣйствіи до настоящаго времени въ великомъ княжествѣ. Комиссія А. Вейсенберга утверждала, напр., что 2, 4 и 5 главы Королевскаго отдѣла Земскаго Уложенія 1442 г., внѣ всякаго сомнѣнія, являются основными. Л. Мехелинъ оспаривалъ это положеніе и, въ свою очередь, пытался отнести къ разряду «основныхъ законовъ» регламентъ совѣта (сената). Профессоръ Р. Германсонъ возсталъ противъ неосновательности заявленія Мехелина. Одинъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей края, Эренстрёмъ, еще въ 1812 г. высказался въ томъ смыслѣ, что для реформы всего совѣта (сената) нѣтъ ни малѣйшей надобности созывать сейма; иначе говоря, Эренстрёмъ не признавалъ регламента совѣта за основной законъ[2]). И т. д.

По характеру своему и значенію между Формой правленія 1772 г. и Актомъ безопасности 1789 г. огромная разница: первый законъ ограничиваетъ власть короля, а второй — дѣлаетъ его почти самодержавнымъ, чѣмъ — по мнѣнію лучшаго историка шведскаго государственнаго права, профессора Наумана, — и объясняется, что короли Швеціи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX ст. при изданіи законовъ не стѣснялись постановленіями Формы правленія (§ 40) и дѣйствовали внѣ зависимости отъ народныхъ представителей[3]). Такъ, напр., въ 1766 при участіи риксдага былъ изданъ законъ о свободѣ печати, въ 1774 г. Густавъ III собственною властью измѣнилъ этотъ законъ, перейдя вновь къ предварительной цензурѣ, а съ 1798 г. даже къ крутому преслѣдованію печати[4]). Актъ безопасности 1789 г. въ значительной мѣрѣ парализовалъ требованія Формы правленія 1772 г., предоставивъ королю «полную власть упра-

---

[1]) Darest. «Les constitutions modernes» Paris, 1891 г., VII, p. 111—115

[2]) De tre gustavianerna. Hartman. 1899 г., стр. 284.

[3]) Науманъ. Svenska statsförfattingens historiska utveckling; 1878 г., стр. 394—395.

[4]) Juridiskt Album. Rob. Lagus. H—fors. 1861, ч. I, тетрадь 2.

влять государствомъ», а народу, по вопросу о налогахъ, «совѣщаться, уговариваться, отказываться и входить въ соглашеніе» съ королемъ. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что въ составъ какъ Формы правленія, такъ и Акта безопасности, входятъ не только законы спеціально государственные и конституціонные, но и законы, не имѣющіе ничего общаго съ управленіемъ и высшими учрежденіями. «Никто безъ законнаго суда не долженъ быть лишаемъ свободы и имущества; гофгерихты обязаны оказывать каждому правосудіе; всѣ сословія имѣютъ право владѣть землею; крестьяне могутъ выкупать казенные геймату; способности, заслуги, опытность и гражданская доблесть суть основанія для опредѣленія на должности, независимо отъ происхожденія и т. д. Подобными постановленіями, несомнѣнно, руководствовались финляндцы во все время нахожденія ихъ подъ русскимъ владычествомъ. Логика вещей указываетъ, что Императоръ Александръ I скорѣе всего могъ имѣть въ виду сохраненіе сихъ постановленій для Финляндіи, такъ какъ они по своему происхожденію и значенію являлись, съ одной стороны, «коренными законами», а съ другой — составляли ту особенность внутренняго правленія Финляндіи и уклада финской жизни, которые покоритель желалъ оставить неприкосновенными и независимыми отъ порядка управленія, существовавшаго въ Имперіи.

Финляндцы на это возражаютъ: нѣтъ! Покоритель Финляндіи имѣлъ въ виду также и государственные законы, и это лучше всего видно изъ черноваго секретнаго Высочайшаго рескрипта[1]) отъ 14 (26) сентября 1810 г., даннаго на имя тогдашняго генералъ-губернатора края, въ которомъ говорится: «Намѣреніе Мое при устройствѣ Финляндіи состояло въ томъ, чтобъ дать народу сему бытіе политическое, чтобъ онъ считался не

«Политическое бытіе».

[1]) Документъ этотъ воспроизведенъ въ «Сборн. историч. матеріал., извлеченныхъ изъ архива собств. Е. И. В. канцеляріи». Изд. Н. Дубровина, вып. III, 1890, стр. 298 и слѣд. Тутъ документъ названъ не рескриптомъ, а проектомъ наказа финляндскому генералъ-губернатору», по случаю политическихъ осложненій, бывшихъ тогда въ Швеціи.

порабощеннымъ Россіи, но привязаннымъ къ ней собственными пользами; для сего: 1) сохранены ему не только гражданскіе, но и политическіе его законы, 2) самое управленіе ввѣрено подъ надзоромъ вашимъ финляндскому совѣту» и т. д.

По поводу этого указанія необходимо имѣть въ виду, что народъ можетъ имѣть сословныя права, сохранить право собираться на сеймы и т. п., но это не означаетъ еще, что странѣ даны государственное устройство и политическая самостоятельность. Страна можетъ имѣть политическія права и можетъ пользоваться самостоятельной законодательной властью и все-таки не быть государствомъ. Англійская Канада, напр., имѣетъ свой независимый парламентъ, свои доходы, даже отвѣтственныхъ министровъ и проч. и тѣмъ не менѣе она не «политическое цѣлое», не государство. То же самое слѣдуетъ сказать про Исландію: при всей ея законодательной независимости она не самостоятельная, «политическая единица». Индія съ 1877 г. называется даже имперіей (по предложенію Биконсфильда), но все-таки она не государство. Слѣдовательно, политическія права не даютъ еще государственнаго положенія.

Какъ на доказательство своихъ политическихъ правъ, финляндцы указываютъ затѣмъ на отчетъ Сперанскаго (отъ 11 февраля 1811 г.), представленный Государю Императору. Въ этомъ отчетѣ [1]) обозначено, что «Финляндія есть государство, а не губернія» и что важнѣйшія дѣла Финляндіи суть: сеймъ, коимъ положено было твердое основаніе всему устройству края, и что большое количество текущихъ дѣлъ Финляндіи суть слѣдствіе конституціи сего края. «Власть державная, бывъ ограничена въ сей странѣ закономъ, должна бы искать усилить себя подробностями управленія» [2]). Все это написано Сперанскимъ, который былъ «довѣреннымъ лицомъ Императора при устройствѣ дѣлъ Финляндіи», и потому съ его заявленіями необходимо, конечно, считаться. Разсмотримъ ихъ. Прежде всего,

---

[1]) Сборн. Имп. Русскаго Историч. Общ., т. XXI, стр. 156.
[2]) Всеподданнѣйшее представленіе сейма 1899 г., стр. 114.

эти заявленія написаны въ отчетѣ, а не въ какомъ-либо актѣ государственнаго значенія. Рѣчи, напр., которыми Императоръ открылъ и закрылъ боргоскій сеймъ[1]), также составлены были Сперанскимъ, однако въ нихъ подобнаго заявленія онъ не сдѣлалъ. Затѣмъ, какъ извѣстно, государства устанавливаются не «отчетами» сановниковъ, а органическими законами. Сперанскій назвалъ Финляндію «государствомъ»; но онъ же назвалъ ее и «провинціей». Въ запискѣ, также поданной Государю, онъ писалъ: «сверхъ того, такъ называемые государственные доходы сего края поступаютъ въ распоряженіе самой провинціи»[2]). Отмѣтимъ кстати, что генералъ-губернаторъ Штейнгель въ своемъ всеподданнѣйшемъ рапортѣ (19 августа 1811 г., № 416), писалъ о Высочайше ввѣренныхъ его управленію «Финляндскихъ губерніяхъ»[3]). Въ отчетѣ 1811 г. Сперанскій единственный разъ наименовалъ Финляндію «государствомъ»; обыкновенно же онъ называлъ ее «краемъ». Но не министры, а Монархи устанавливаютъ то или другое политическое положеніе покоренной страны, и Державный Повелитель Сперанскаго въ собственноручномъ письмѣ къ Наполеону I сообщилъ: «...mais j'ai déclaré la Finlande Suédoise province Russe»[4]). При указанныхъ обстоятельствахъ, какое можетъ имѣть значеніе ссылка на «отчетъ» Сперанскаго? (О томъ, какъ Сперанскій понималъ вообще «конституцію» рѣчь еще впереди).

Что касается вопроса о сеймѣ и о томъ, насколько онъ, по заявленію того же Сперанскаго, «положилъ твердое основаніе настоящему устройству сего края», и въ какой мѣрѣ ограничивалъ власть Государя, то достаточнымъ отвѣтомъ на это является извѣстный фактъ, что сеймъ въ Борго былъ учрежденіемъ совѣщательнымъ, а не законодательнымъ. Кромѣ того, Императоръ Александръ I послѣ 1809 г. ни разу не созвалъ сейма, несмотря на ходатай-

---

[1]) Жизнь гр. Сперанскаго (барона Корфа), т. I, стр. 262.
[2]) К. Ординъ. Покореніе Финляндіи; 1889, II, 431.
[3]) Сборникъ историч. матер., изд. Дубровина, 1890, вып. III, 313.
[4]) Конституція Финляндіи въ изложеніи Мехелина, переводъ Ордина, 1888, стр. 131; Сборн. Имп. Рус. Историч. Общ. 1893, т. 88, стр. 600.

ство депутатовъ боргоскаго «генеральнаго и конституціоннаго собранія» (какъ называлъ Аракчеевъ сеймъ) и на самыя усиленныя просьбы о томъ гр. Г. М. Армфельта и Ребиндера [1]), а Самъ единолично, безъ всякаго содѣйствія земскихъ чиновъ, издалъ важнѣйшія законоположенія, на коихъ зиждется вся основа нынѣшняго устройства Финляндіи. Отсюда очевидно, что самъ Государь вовсе не относилъ сейма къ «важнѣйшимъ дѣламъ Финляндіи». А если законодательная работа производилась безъ сейма, то чѣмъ же тогда была ограничена державная власть въ Финляндіи?

Государство ли Финляндія?

Финляндцы, какъ было указано, въ послѣднее время особенно упорно настаиваютъ на томъ, что край ихъ является «государствомъ». Земскіе чины чрезвычайнаго сейма 1899 г. признали даже необходимымъ выразить свой «рѣшительный протестъ» противъ тѣхъ, которые ставятъ основаніемъ особаго законодательства не великое княжество, какъ «государство», а великое княжество, какъ «Финляндскія губерніи» [2]). Во всѣхъ своихъ объясненіяхъ и домогательствахъ финляндцы исходятъ изъ этого положенія, какъ не подлежащаго, по ихъ мнѣнію, никакому сомнѣнію, ибо Императоръ Александръ I неоднократно говорилъ и писалъ: «votre constitution», «vos lois fondamentales», «les droits de son existence politique», «la constitution de la Finlande», а о финскомъ народѣ отозвался, что онъ отнынѣ «placé désormais au rang des nations».

Необходимо, поэтому, нѣсколько ближе разсмотрѣть положеніе Финляндіи, съ цѣлью опредѣлить, насколько она въ дѣйствительности обладаетъ тѣми особенностями, кои необходимы всякой странѣ, претендующей на титулъ «государства».

Для наличности государства современная наука требуетъ, чтобы имѣлись у Финляндіи своя собственная тер-

---

[1]) «Наблюдатель» 1896, XII, 225 (статья Абова).

[2]) Всеподданнѣйшій отзывъ земскихъ чиновъ 1899 г., ч. II, стр. 48.

риторія, свое населеніе, или свои подданные, и, наконецъ своя особая власть. Находятся ли эти элементы у Финляндіи? Посмотримъ.

Въ вопросѣ о территоріи Финляндіи слѣдующіе историческіе обстоятельства и документы могутъ явиться достаточно рѣшающими дѣло. По Фридрихсгамскому миру 5 сентября 1809 г. въ собственность и державное обладаніе Россіи поступила не Финляндія, какъ отдѣльная территоріальная единица и нѣчто организованное и цѣльное, а нѣсколько губерній, къ которымъ разновременно приданы были разныя земельныя области. Такъ, по Высочайшему объявленію 2 ноября 1809 г. къ Улеоборгской губерніи присоединили часть шведской провинціи Вестерботніи, которая прежде не принадлежала къ великому княжеству, а по манифесту отъ 11 декабря 1811 г.— Выборгскую губернію, которая съ 1710 г. состояла въ собственности имперіи и успѣла почти обрусѣть. Прибавимъ кстати, что это указаніе исторіи о томъ, что Финляндія сложилась изъ разныхъ земель волею Русскаго Самодержавнаго Повелителя, вѣроятно, было принято во вниманіе, когда въ великомъ княжествѣ учреждена была самостоятельная православная епархія. Высочайшимъ постановленіемъ 1895 г. № 40, глава мѣстнаго православнаго управленія именуется архіепископомъ Финляндскимъ и Выборгскимъ. Отмѣтимъ затѣмъ, что официальные акты не говорятъ о границахъ Россіи и Финляндіи, а всегда включаютъ Финляндію въ предѣлы имперіи. Въ конвенціи, напр., 1821 г. рѣчь идетъ о границахъ «Россіи» и «Швеціи», безъ выдѣленія Финляндіи изъ состава первой. Такъ смотрѣлъ на это дѣло и лично Императоръ Александръ I. Объ этомъ имѣется свидѣтельство въ дневникѣ генерала Михайловскаго-Данилевскаго. «Признайтесь, замѣтилъ Государь, что границы наши порасширились. Я не знаю государства, которое бы имѣло столь выгодныя границы. Возьмемъ отъ самаго сѣвера. Ботническій заливъ есть непреодолимая стѣна, а въ окрестностяхъ Торнео нападеній бояться намъ не должно потому, что тамъ ходятъ одни олени и лапландцы. Обстоятельства

а) Территорія Финляндія.

заставили насъ вести войну со шведами и завоеваніе Финляндіи имѣло уже для Россіи величайшую пользу; безъ онаго въ 1812 г. не могли бы мы, можеть-быть, одержать успѣха потому, что Наполеонъ имѣлъ въ Бернадотѣ управителя своего»[1]). Исходя изъ такого положенія, наши Монархи смотрѣли на измѣненіе границы между Россіей и Финляндіей, какъ на дѣло внутреннее, домашнее. Уже 12 апрѣля 1808 г. повелѣно было товары изъ Финляндіи въ Россію (и обратно) отпускать такъ же, какъ отпускаются товары «изъ одного россійскаго порта въ другой россійскій портъ». Таможенная черта между Финляндіей и Россіей передвигалась въ зависимости отъ обстоятельствъ: въ 1814—1816 г. она проходила, напр., черезъ Парголово, Новую Деревню и Лахту[2]). Въ настоящее время, какъ извѣстно, она проходитъ далѣе къ западу отъ названныхъ мѣстъ.

Но особенно ярко освѣщается вопросъ о финляндской территоріи: а) манифестомъ 11 декабря 1811 г., по которому Выборгская губернія, или, точнѣе говоря, земли, пріобрѣтенныя «въ совершенное непрекословное вѣчное владѣніе и собственность Россіи» по договорамъ 1721 и 1743 гг., [3]) были присоединены къ Новой или Шведской Финляндіи, и б) постановленіемъ великаго княжества Финляндскаго 1864 г. (№ 5), по которому Сестрорѣцкій участокъ отрѣзанъ былъ отъ Выборгской и присоединенъ къ Петербургской губерніи. Эти два документа наглядно показываютъ, что Императоры Александръ I и Александръ II одинаково смотрѣли на подобныя перечисленія земельныхъ участковъ то къ одному, то къ другому «главному управленію», какъ на дѣла внутренняго административнаго распорядка. При господствѣ же иного воззрѣнія на эти факты, пришлось бы признать, что въ 1811 г. отданы были другому «государству» области, находившіяся со времени Ништадтскаго мира «въ вѣчномъ владѣніи и собственности

---

[1]) Русскій біографическій словарь, 1896; I, стр. 352.
[2]) Полное Собр. Зак. № 21,220.
[3]) Полное Собр. Зак. № 3818.

Россіи». Получилось бы положеніе совершенно немыслимое, такъ какъ принципъ единства и нераздѣльности государственной территоріи, конечно, всюду составляетъ первое правило государственной и политической мудрости [1]). Съ другой стороны, причисленіе въ 1864 г. Сестрорѣцкаго участка къ Петербургской губерніи знаменательно особенно потому, что оно произведено было безъ запроса о томъ «второй государственной власти» Финляндіи, и какъ разъ въ то время, когда земскіе чины засѣдали на сеймѣ въ Гельсингфорсѣ, а это, въ свою очередь, свидѣтельствуетъ о томъ, что Императоръ Александръ II не признавалъ свою власть ограниченной никакой шведской конституціей, ибо § 1 второй главы Земскаго Уложенія 1442 г.,—которое финляндцы считаютъ своимъ «основнымъ закономъ» — воспрещаетъ королю «уменьшать свои земли для другого короля».

Говоря о Выборгской губ., нельзя не коснуться интересной страницы, вписанной въ ея исторію министромъ статсъ-секретаремъ Ребиндеромъ. Онъ съ перваго дня оставался недоволенъ планомъ гр. Армфельта и уже въ 1812 г. заявилъ, что «вслѣдствіе соединенія старой Финляндіи съ новой противъ насъ (т. е. финляндцевъ) создалась вліятельная партія (русскихъ)». Въ 1822 г. Ребиндеру вновь пришлось затронуть тотъ же вопросъ, по поводу отчужденія отъ Выборгской губерніи Линтола и Сестрорѣцкаго уѣзда. Въ это время финляндцы считали еще такое отчужденіе вполнѣ естественнымъ и возраженій со стороны мѣстныхъ властей не послѣдовало. Въ 1824 г. Ребиндеръ писалъ одному изъ своихъ друзей: «Я знаю всѣ эти трудности, съ которыми вамъ приходится бороться въ этой проклятой губерніи, дарованной намъ небомъ въ своемъ гнѣвѣ». Наконецъ, въ 1826 г. Ребиндеръ подалъ Государю особую всеподданнѣйшую записку о необходимости возвратить часть Выборгской губ. Россіи, опасаясь, чтобы объ этотъ «утесъ»

---

[1]) У насъ этотъ принципъ косвенно выставляется закономъ о порядкѣ престолонаслѣдія. Профес. А. С. Алексѣевъ, Рус. госуд. прав., 1895 стр. 174.

не разбилась независимость Финляндіи. Записка его была обстоятельно мотивирована. Дѣло поступило на заключеніе мѣстнаго сената, который, руководимый болѣе патріотическими, чѣмъ юридическими соображеніями, высказался, конечно, противъ проекта Ребиндера. Нашлись даже сенаторы, которые заявили, что земли Выборгской губерніи не могутъ быть возвращены Россіи безъ согласія на то сейма, но прокуроръ сената (Валлéнъ) держался другого воззрѣнія и онъ, подобно Ребиндеру, ничего не сказалъ о необходимости держаться основныхъ законовъ и добиться «разрѣшенія» земскихъ чиновъ. И прокуроръ, и Ребиндеръ, очевидно, помнили, что вся губернія была причислена «къ главному управленію» Финляндіи по единому Царскому слову, выраженному въ Высочайшемъ манифестѣ. Мало того, прокуроръ добавилъ, что если уже будетъ рѣшено Монархомъ возвращеніе части губерніи, то полезно было бы къ уѣздамъ (Кивинебъ, Мула и Валкіярви), указаннымъ Ребиндеромъ, присоединить еще одинъ обрусѣвшій уѣздъ (Раутусъ) [1]. Такимъ образомъ даже финляндецъ, игравшій столь видную роль въ исторіи великаго княжества, не усматривалъ въ урѣзкѣ территоріи сего края нарушенія основного закона (Къ сожалѣнію, проектъ его остался безъ послѣдствія). Финляндцы въ 1861 г. хлопотали о томъ, чтобы, въ вознагражденіе за Сестрорѣцкій участокъ, имъ даны были земли около Варангеръ-фіорда, но въ этомъ имъ было отказано, такъ какъ всякая компенсація въ подобномъ дѣлѣ признавалась совершенно неумѣстной даже такими либеральными органами печати, какимъ въ свое время былъ «Голосъ» [2].

При указанныхъ обстоятельствахъ, едва ли возможно говорить о какой-либо особой или собственной финляндской территоріи.

---

[1]) «Наблюдатель», 1896, XII, 228; Castrén, стр. 315 (на швед. яз.), Rob. Lagus. Juridiskt Album. H—fors, 1862 г., вторая серія, I тетрадь стр. 143—161.

[2]) Въ концѣ семидесятыхъ годовъ г. Эрвастъ доказывалъ въ финской газетѣ «Эхо», что Кемскій уѣздъ Архангельской губ., необходимо присоединить къ Финляндіи и что присоединеніе это «есть требованіе и условіе ихъ культурнаго развитія». «Русскій Вѣстн.» 1895, сент., стр. 309.

Въ такомъ же положеніи находится вопросъ и о финляндскомъ подданствѣ. Въ своихъ заявленіяхъ о существованіи такого подданства, финляндцы основываются прежде всего на словахъ Императора Александра I о томъ, что «финскій народъ «placé désormais au rang des nations», а затѣмъ на нѣкоторыхъ законоположеніяхъ, въ которыхъ встрѣчается выраженіе «финляндскій подданный». Такъ, напримѣръ, въ правилахъ о порядкѣ записи въ Финляндіи солдатскихъ и матросскихъ дѣтей, о незаконорожденныхъ дѣтяхъ сихъ солдатъ, о взиманіи пошлинъ, въ правилахъ объ опредѣленіи финляндцевъ въ Пажескій корпусъ и т. п., дѣйствительно, говорится о «подданныхъ того края», «о дѣтяхъ финляндскихъ подданныхъ», «о подданствѣ по великому княжеству» и т. д. [1]).

б) Финляндскіе «подданные».

«Выраженіе, что финскій народъ отнынѣ займетъ мѣсто въ числѣ націй не можетъ имѣть другого значенія,—говорятъ финляндцы,—какъ то, что финскій народъ получилъ государственную форму своего политическаго бытія». Націею не называется населеніе области. Зная все это, мы тѣмъ не менѣе полагаемъ, что на слова Государя въ данномъ случаѣ едва ли можно смотрѣть иначе, какъ на благопожеланія финскому народу, и всего менѣе, какъ на превращеніе Финляндіи изъ провинціи въ «государство».—Императоръ Александръ I, сочувствуя финскому народу, могъ надѣяться, что со временемъ онъ займетъ «мѣсто въ числѣ націй». Для того, чтобы быть націей, надо имѣть извѣстное культурное развитіе, извѣстное историческое прошлое, обладать возможностію обезпечить политическую свою самостоятельность, надо имѣть, наконецъ, свою особую, свою собственную національную верховную власть. Безъ всего этого, народъ можетъ имѣть только этнографическое значеніе А между тѣмъ не во власти монарховъ даровать народу историческое прошлое, столь необходимое для государственной національности, какъ не во власти ихъ произвести финскихъ Данте, Рафаэля, Галилея и др. Монархъ могъ дать финнамъ особую верховную власть, но этого онъ не пожелалъ сдѣлать.

---

[1]) См. Прилож. къ ст. 556 (прим. 1), т. IX, Св. Закон. — Полное Собр. Зак., 1821, № 28560, 1839 г., № 11182, 1855 г., № 29824.

Что касается затѣмъ выраженій «финляндскій подданный», встрѣчающихся иногда въ нѣкоторыхъ законоположеніяхъ, указахъ и распоряженіяхъ, то ихъ скорѣе всего приходится отнести къ недочетамъ и неточностямъ нашего законодательства, происходящимъ отъ отсутствія въ немъ надлежащаго единства и выдержанности въ терминологіи. Нашъ законъ знаетъ «права гражданства» въ Финляндіи, но «финляндскаго подданства», какъ основного положенія, не признаетъ. Финляндскаго «подданства» не знаетъ также и законъ великаго княжества. Если бы существовало это подданство, то нашъ законъ о состояніяхъ (IX томъ) требовалъ бы отъ русскихъ, при водвореніи ихъ въ Финляндіи, такого же принятія подданства, какое требуется отъ иностранцевъ, а между тѣмъ укорененіе, или натурализація, русскихъ въ Финляндіи производится простымъ перечисленіемъ, безъ принесенія присяги.—«Перечисленіе» русскихъ въ Финляндію, таково основное положеніе закона, а правила сего перечисленія составляютъ существо приложеній къ 312 и 556 ст. IX т. Св. Зак.; но затѣмъ, при подробномъ изложеніи сихъ правилъ перечисленія, видимо, вкрались недосмотры и неточности. При описаніи условій и особенностей перечисленія употреблено выраженіе «финляндскій подданный». Но положеніе о «перечисленіи» совершенно несовмѣстимо съ положеніемъ о «подданствѣ», ибо это два разныхъ способа перехода въ другую страну. Государство требуетъ перехода въ его подданство съ принесеніемъ присяги, а не одного только «перечисленія». Если же нашъ законъ устанавливаетъ для Финляндіи одно только «перечисленіе», то очевидно, что онъ не признаетъ Финляндіи «государствомъ». Нигдѣ, ни въ финскихъ, ни въ русскихъ законахъ, Финляндія не называется «государствомъ», а если нѣтъ государства, то не можетъ быть и подданныхъ его. Происхожденіе же выраженій «финляндскіе подданные», которыя встрѣчаются въ указѣ 1821 г. (о предоставленіи финляндскимъ дворянамъ одинаковыхъ правъ съ русскими), въ манифестѣ 1839 г. (о взиманіи пошлинъ съ русскихъ подданныхъ, приписывающихся въ Финляндіи къ торговому классу), въ указѣ 1855 г. (о предоставленіи

въ Пажескомъ корпусѣ трехъ вакансій для финляндцевъ) и т. д., въ значительной мѣрѣ объясняются, вѣроятно, также тѣмъ, что указы и распоряженія эти писались преимущественно въ финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ, и потому не приводились въ надлежащее согласованіе съ основнымъ положеніемъ нашего закона «о перечисленіи» въ финляндскіе граждане.

Исторія присоединенія Финляндіи также не даетъ никакого основанія къ установленію такой терминологіи, по которой, якобы, имѣются «финляндскіе подданные», или «подданство по великому княжеству» и т. п. Въ маѣ 1808 г. обыватели Финляндіи присягали на вѣрное и вѣчное «Скипетру Россійскому подданство» и притомъ по присягѣ, переданной имъ главнокомандующимъ, гр. Буксгевденомъ, а эта присяга ничего общаго не имѣла съ присягой шведскихъ временъ [1]). Въ манифестѣ 5 іюля 1808 г. о присоединеніи Финляндіи также говорится о присягѣ на вѣрное «Скипетру Россійскому подданство»; а далѣе:—«въ чредѣ народовъ Скипетру Россійскому подвластныхъ и единую Имперію составляющихъ»... Допустить же существованіе двухъ подданствъ въ единой имперіи совершенно немыслимо [2]). Обращаетъ на себя вниманіе и то обстоятельство, что земскіе чины перваго сейма въ Борго называли себя «русскими подданными» [3]). Въ 1810 г. съ пріѣзжающими въ Петербургъ финляндцами приказано было поступать, какъ съ прибывшими изъ внутреннихъ губерній людьми, а при выѣздѣ за границу, выдавать имъ виды, согласно общимъ установленнымъ у насъ правиламъ [4]).

Въ полномъ согласіи съ этими указаніями исторіи и постановлено было: во-1-хъ, чтобы жители Финляндіи пользовались въ Россіи, наравнѣ съ остальными подданными

---

[1]) Сборн. Постановл. Финл. I, 8 (на швед. языкѣ).

[2]) Отмѣтимъ кстати, что и по современной присягѣ на вѣрноподданство, финляндецъ даетъ обѣщаніе пребывать Его Императорскому Величеству и Наслѣднику престола и Императорскому Дому вѣрнымъ подданнымъ и защищать Императорскую власть. (Постановл. В. К. Финляндіи 1877, № 34).

[3]) См. Протоколы рыцарства и дворянства, 1809 г., II, 399.

[4]) Полн. Собр. Зак. № 25,513.

единой и нераздѣльной имперіи, всѣми правами, безъ исполненія для сего малѣйшихъ особыхъ формальностей; а, во-2-хъ, чтобы русскіе, путемъ простого «перечисленія», могли пользоваться тѣми привилегіями, кои составляютъ особенность финляндскаго гражданства [1]). Если бы въ дѣйствительности финляндцы являлись иными, а не русскими подданными, то, при водвореніи ихъ въ Россіи, къ нимъ необходимо было бы примѣнить тѣ же правила и ту же присягу, кои въ подобныхъ случаяхъ обязательны для иностранцевъ. Въ Россіи никто и никогда финляндцевъ иностранцами не считалъ. Прибавимъ еще, что если бы Финляндія была особымъ «конституціоннымъ государствомъ» и если бы въ ней существовало свое особое «подданство», то правила натурализаціи должны были бы быть изданы Монархомъ совмѣстно съ народными представителями; но на дѣлѣ этого нѣтъ, а, напротивъ, извѣстно, что правила по пріобрѣтенію гражданскихъ правъ въ Финляндіи всѣ административнаго происхожденія [2]).

За неимѣніемъ указаній о финляндскомъ «подданствѣ» въ законахъ и постановленіяхъ великаго княжества, и въ виду того, что это подданство прямо не предусмотрѣно въ русскомъ законодательствѣ, финляндцы стали искать соотвѣтствующихъ указаній въ разныхъ законоположеніяхъ, могущихъ имѣть какое-либо побочное отношеніе къ сему вопросу. Поэтому обратились къ уставу о паспортахъ, къ консульскому уставу, къ правиламъ о финляндскихъ вакансіяхъ въ Пажескомъ корпусѣ, къ уголовному уложенію и т. п. Въ проектѣ русскаго уголовнаго уложенія 1885 г. финляндцы нашли, напр., что выраженіе «россійскій под-

---

[1]) Приведемъ кстати нѣкоторыя законоположенія, дающія русскимъ людямъ право служить въ Финляндіи: а) Манифестъ 9 февраля 1816 г.; б) Высоч. повелѣніе отъ 11 августа 1827 г.; в) Высоч. объявленіе отъ 21 іюня 1811 г.; г) также отъ 7 марта 1812 г. и 1 марта 1816 г.; д) Высоч. рескриптъ 1 марта 1852 г.; е) Высоч. объявл. 16 іюня 1862 г.; ж) постановл. вел. кн. Финл. 1891, № 27 и др.

[2]) Helsingfors Dagblad 1879 г., №№ 222 и 223. Вопросъ о натурализаціи разсматривается въ прибавленіи къ манифесту 27 марта 1810 г., въ Высочайшемъ объявлен. 8 іюня 1810 г., въ постановленіяхъ вел. кн. Финл. 13 ноября 1819, 20 сентября 1831, 13 марта 1838, 31 января 1812 и 1 марта 1858 гг.

данный» относится къ подданнымъ какъ имперіи, такъ и великаго княжества; отсюда сеймъ сдѣлалъ то заключеніе, что вообще проводится различіе между подданными имперіи и подданными великаго княжества [1]). Нельзя не отмѣтить нѣкоторой своеобразности подобныхъ ссылокъ вообще, а въ особенности ссылки на проектъ русскаго уложенія 1885 г., тогда какъ въ 1894 г. Финляндія получила свое новое уголовное уложеніе, утвержденное и вступившее въ дѣйствіе, въ которомъ опредѣленно говорится: «финляндецъ или иной подданный Россійскаго государства» [2]), и тѣмъ уничтожается всякое различіе въ подданствѣ. Если въ разныхъ законоположеніяхъ и при разныхъ случаяхъ тѣмъ не менѣе дѣлается различіе между русскими и финляндцами, то это вполнѣ естественно и неизбѣжно и вызывается многими причинами, но не фактомъ существованія двухъ отдѣльныхъ подданствъ. Когда въ Высочайшихъ манифестахъ, напр., говорится о «Нашихъ финляндскихъ подданныхъ», то тѣмъ, очевидно, желательно лишь точнѣе опредѣлить извѣстную группу населенія имперіи, а не выразить признанія принадлежности сихъ подданныхъ къ иному «государству» [3]).

в) О Верховной власти Финляндіи.

Остается вопросъ о верховной власти. Эта власть — внѣшній признакъ и условіе національной независимости; власть — одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ отдѣльнаго государства. Финляндія никогда своей особой, собственной, самостоятельной верховной власти не имѣла и въ 1809 г. ея не получила. Финляндцы доказы-

---

[1]) Всеподданнѣйшій отзывъ земскихъ чиновъ сейма 1899 г., II, 43 и др.

[2]) См., напр., главу XII Финл. угол. уложенія 1894 г.

[3]) Выдѣленіе народностей Имперіи въ отдѣльныя политическія группы не можетъ быть болѣе желательнымъ, послѣ опыта, произведеннаго въ Польшѣ. «Вся страна,—писалъ кн. Адамъ Чарторыйскій къ Государю въ концѣ 1815 г.,—ожидаетъ и нетерпѣливо ждетъ того дня, когда сообразно съ основаніями конституціи всѣ безъ изъятія русскіе чиновники покинутъ страну» (Сидоровъ, А. «Русскіе и русская жизнь въ Варшавѣ»; 1899 г. вып. I, 20). Можно ли отвергать въ финляндцахъ желаніе избѣжать русскихъ какъ въ своихъ учрежденіяхъ, такъ и въ войскахъ? Несомнѣнно также, что домогательства эти возросли послѣ распространенія въ краѣ ученія о финляндской государственной конституціи.

ваютъ, что ихъ край уже съ 1581 г. носитъ титулъ великаго княжества, что Финляндія давно уже фактически составляла особую территоріальную единицу, вслѣдствіе различія (со Швеціей) въ языкѣ, національности, географическомъ положеніи и историческихъ судебъ[1]). Изъ словъ одного финляндскаго историка[2]) выходитъ, что Финляндія уже во время шведскаго владычества имѣла свой тронъ, который «не только фактически, но и юридически оказался вакантнымъ раньше, чѣмъ состоялось торжественное открытіе сейма въ Борго». По толкованію другого финляндскаго историка[3]), во время сейма въ Борго «Sa Majesté Impériale assis sur le trône», къ которому былъ прикрѣпленъ гербъ Финляндіи.

Въ 4 ст. основныхъ законовъ Россійской имперіи говорится, правда, что «съ престоломъ Всероссійской Имперіи нераздѣльны суть престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго». Но статья эта, прежде всего, различаетъ не государства русское, польское и финляндское, а только престолы и притомъ она говоритъ не о соединеніи, а, напротивъ, объ ихъ нераздѣльности. Если престолы эти нераздѣльны, то значитъ они составляютъ въ сущности одинъ престолъ: все нераздѣльное есть вмѣстѣ и единое[4]). Провѣривъ всѣ источники, послужившіе основаніемъ для составленія 4 ст., К. Ординъ въ свое время доказалъ, что одинъ только манифестъ 12 декабря 1825 г. говоритъ о финскомъ престолѣ, остальные же, указанные подъ статьею, источники его отрицаютъ. А при какихъ окружающихъ обстоятельствахъ редактировался манифестъ 12 декабря 1825 г., каждому извѣстно[5]). Впрочемъ, вопросъ о томъ, какъ надо понимать 4 ст. нашихъ основныхъ законовъ, давно уже установленъ и разъясненъ манифестами

---

[1]) Всеподдан. отзывъ сейма 1899 г., II, 37.

[2]) Эдварда Берга «Развитіе государственнаго права Финляндіи послѣ 1808 г.», стр. 10 (на швед. яз).

[3]) Р. Даніельсонъ, «Соединеніе Финляндіи съ Россійскою державою»; 1890 г., стр. 9.

[4]) Проф. Н. М. Коркуновъ. «Юридич. Лѣтоп.», 1890 г., апр., стр. 322.

[5]) Ординъ, «Русск. Вѣст.»; 1888 г., XII, и «Финлянд. окраина Россіи», т. II, 308—311.

18 февраля 1855, 1 марта 1881 и 20 октября 1894 гг., въ которыхъ говорится о вступленіи Монарховъ «на прародительскій престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею (т. е. съ Имперіею) Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго». О единомъ престолѣ говорилъ и Императоръ Александръ I послѣ присоединенія Финляндіи, въ манифестѣ отъ 16 августа 1823 г. Единый Императорскій престолъ признавали, наконецъ, и финляндцы, какъ это видно, напр., изъ постановленій великаго княжества Финляндскаго 1863 г. № 13 и 1864 г. № 19. Тѣмъ не менѣе апостолы сепаратизма въ своихъ измышленныхъ кодексахъ посвящаютъ особыя главы и параграфы «Финляндскому престолу»[1]).

Итакъ, престолъ единъ и нераздѣленъ. Изъ разсмотрѣнія титула Монарха также нельзя сдѣлать какихъ-либо выводовъ въ пользу особой верховной власти Финляндіи, такъ какъ великое княжество Финляндское занимаетъ весьма скромное мѣсто среди царствъ Казанскаго и Астраханскаго, княжества Смоленскаго и Литовскаго[2]). Въ виду этого невозможно различать въ Монархѣ имперіи двѣ юридическія личности: Всероссійскаго Самодержца и конституціоннаго великаго князя Финляндіи. Что власть одна, легко убѣдиться, задавшись слѣдующимъ вопросомъ: если Финляндія государство и имѣетъ особаго верховнаго правителя, то въ какомъ соединеніи находится это государство съ Россіей? Огромное большинство финляндскихъ писателей[3]) держится того воззрѣнія, что великое княжество находится въ реальной уніи съ Россіей, т. е. что Финляндія и Россія соединены, какъ два самостоятельныхъ государства, по договору на вѣчныя времена. Ученіе о реальной уніи Финляндіи съ Россіей обошло всѣ страны, несмотря на свою очевидную и полную непримѣнимость въ данномъ случаѣ. Унія означаетъ соединеніе безъ подчиненія. Состоящіе въ уніи сохраняютъ свои суверенныя права и являются равно самостоятельными. Финляндія же «на-

[1]) L. Mechelin. Finl. Grundlagars innehåll; H—fors; 1896, стр. 14.
[2]) Основн. законы Россійской Имперіи, I, ст. 37 и 38.
[3]) Кастрéнъ, Эдв. Бергъ, Л. Мехелинъ и др.

всегда» присоединена къ Россіи, а не связана съ нею общностію царствующей династіи; Финляндія перешла въ «собственность и державное обладаніе» Россійской Имперіи, а не вступила въ ея составъ по какому-либо договору. Послѣ нагляднаго разоблаченія этой теоріи русскими писателями[1]), нѣкоторые финляндцы отказались отъ нея и взамѣнъ выдвинули ученіе о сложномъ (Финско-Русскомъ) государствѣ, въ которомъ Имперія, имѣя первенствующую власть, осуществляетъ суверенныя права, т. е. государственную власть въ общихъ дѣлахъ державы, а Финляндія — является несувереннымъ, слѣдовательно, автономнымъ государствомъ[2]).

Иначе говоря, финляндцы теперь «не признаютъ суверенитета, т. е. неограниченной власти, необходимою принадлежностію государства»; они допускаютъ, такимъ образомъ, существованіе несуверенныхъ государствъ, власть которыхъ ограничивается властью другого, суверениаго государства. Но въ такомъ случаѣ Финляндія теряетъ одинъ изъ признаковъ государства —самостоятельную и независимую власть. «Въ самомъ дѣлѣ, въ союзѣ государствъ положеніе еще таково, что каждое государство въ состояніи сохранить независимость своей высшей власти, т. е. ея неограниченность, но въ сложномъ государствѣ это немыслимо. Суверенная или верховная власть недѣлима по своему существу. Если еще возможно допустить дѣлимость суверенитета по территоріи, то никакъ нельзя разграничить дѣйствія государственной власти по предметамъ вѣдѣнія; это даже трудно допустить абстрактно, а конкретно, на практикѣ, совершенно не мыслимо. Для возможности совмѣстной дѣятельности нѣсколькихъ самостоятельныхъ властей, необходимо, чтобы какой-либо изъ этихъ властей

---

[1]) Особенно проф. Н. Коркуновымъ, М. Пергаментомъ (Юридич. природа реальной уніи; Одесса, 1893 г.) и другими. Когда либеральная партія Финляндіи въ своей программѣ (1880 г.) обозначила укрѣпленіе уніи съ Россіей, то финноманъ Снельманъ высмѣивалъ это положеніе, заявляя, что не знаетъ, съ какой русской властью можно вести переговоры по сему предмету. (См. его сочин., т. VI, 1895, стр. 625).

[2]) Государственно-правовое положеніе Финляндіи, проф. Германсона, 1892, вып. 1, 84.

было предоставлено право рѣшать окончательно могущіе возникнуть сомнѣнія и споры. Но если это право предоставить союзной власти, государственныя власти, составляющія союзное государство отдѣльныхъ государствъ, окажутся ей подчиненными, и она своимъ воздѣйствіемъ ограничитъ и лишитъ верховности». Чтобы сохранить признаки государства, необходимо имѣть право самостоятельнаго независимаго властвованія—властвованія по собственному праву. Короли прусскій, виртембергскій, баварскій, саксонскій получили свою власть не отъ имперской власти. Провинціи же, какою бы широкою автономіей ни обладали, осуществляютъ свою власть не самостоятельно, не по собственному праву, а по порученію государства, почему и подлежатъ надзору сей государственной власти. Государства же, входящія въ составъ союзнаго (или сложнаго) государства, хотя и не суверенны, но имѣютъ власть самостоятельную, по собственному праву, и эта власть принадлежала имъ еще до образованія союзнаго государства [1]). Финляндія этой самостоятельной власти раньше, по собственному праву, не имѣла и теперь не имѣетъ. Профессоръ Еллинекъ [2]), если и допускаетъ сочетаніе нѣсколькихъ отдѣльныхъ государствъ въ одно государственное цѣлое (при чемъ одно государство — суверенное, а другое — несуверенное), то при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы эти отдѣльныя государства имѣли отдѣльныхъ другъ отъ друга носителей власти. Финляндія и Россія отдѣльныхъ носителей власти не имѣли и не имѣютъ. Въ постановленіяхъ великаго княжества Финляндскаго Государь титулуется «Императоромъ» Самодержцемъ Всероссійскимъ; высшій органъ исполнительной власти края называется «Императорскимъ» сенатомъ; по дѣламъ края Государь имѣетъ «Финляндскую Его Императорскаго Величества Канцелярію». Практика, наконецъ, показала, что въ дѣлахъ Россіи и Финляндіи нѣтъ двухъ государственныхъ властей. «Да и вообще едва ли кто можетъ представить себѣ возможнымъ ограниченіе одной

---

[1]) Н. Коркуновъ. «Журналъ Журналовъ»; 1896, № 6.
[2]) Ueber Staatsfragmente (1896 г.).

власти другою, когда обѣ они принадлежать одному лицу». Какъ совмѣстить, напр., что Александръ II, какъ Великій Князь Финляндіи, есть вассалъ Александра II, какъ Императора Россійскаго?[1]) Ни одинъ изъ нашихъ Монарховъ не отдѣлилъ свою «сферу дѣятельности въ качествѣ Императора отъ таковой же дѣятельности въ качествѣ Великаго Князя». Подобное правовое раздѣленіе личности русскаго Монарха надлежало сдѣлать посредствомъ спеціальнаго законодательнаго акта. Но этого не сдѣлано. Въ виду отсутствія главнѣйшаго элемента государства — собственной, своей, самостоятельной, монархической власти, профессоръ Еллинекъ нашелъ возможнымъ отнести Финляндію лишь къ обрывкамъ государства, къ государственному фрагменту (или зачатку), а не къ государству[2]).

Финляндія — часть Имперіи.

Въ нашихъ основныхъ законахъ для Финляндіи никакихъ изъятій не сдѣлано, и свойства самодержавной власти русскихъ Монарховъ не измѣнены по отношенію къ Финляндіи, точно также какъ для нея не произведено никакихъ измѣненій въ началахъ нашего общегосударственнаго строя. Все политическое положеніе Финляндіи мы въ правѣ, поэтому, разсматривать «подъ угломъ зрѣнія общеимперскаго строя русской автократіи» и въ привилегіяхъ сего края видѣть не что иное, какъ внутреннее государственное дѣло Россіи. Какъ объектъ государственной власти, Финляндія есть часть Россіи. Императоръ Александръ I говорилъ Р. Ребиндеру, что финны могутъ упрочить свое положеніе и работать «на пользу державы, часть которой ихъ край составляетъ отнынѣ»[3]). То же самое было повторено Императоромъ Александромъ II

---

[1]) По этому поводу припомнимъ слова генерала Лубинскаго: «полякамъ не слѣдуетъ забывать, что царь конституціонный въ Польшѣ есть Императоръ самодержавный въ Россіи, и что въ борьбѣ свободы съ властью должно всегда имѣть эту истину передъ глазами». Соч. Кн. П. А. Вяземскаго, VIII, 61.

[2]) Полузависимыя государства создаются обыкновенно путемъ международныхъ соглашеній и во главѣ ихъ всегда стоитъ собственная верховная власть. (Напр., Болгарія).

[3]) Даніельсонъ. Соедин. Финл. съ Россійскою Державою, 1890, стр. 87.

въ рѣчи 12 (24) марта 1856 г., произнесенной въ финляндскомъ сенатѣ: «.... вы составляете часть великой семьи, глава которой — Императоръ Россіи» [1]). Всѣмъ, что Финляндія сохранила изъ своего прошлаго, она обязана исключительно единой личной волѣ главы сей великой семьи. Когда Императоръ Александръ I создавалъ новое положеніе Финляндіи, онъ не предоставилъ даже шведскому королю, въ моментъ заключенія Фридрихсгамскаго мирнаго трактата, чинить въ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія-либо условія [2]), т. е. онъ и здѣсь дѣйствовалъ совершенно не такъ, какъ въ 1819 г., когда учреждалъ Польское королевство. — «Я создалъ это королевство, — говорилъ Императоръ, — и создалъ его на весьма прочныхъ основаніяхъ, потому что принудилъ европейскія державы обезпечить договоромъ его существованіе» [3]). Кромѣ того, Императоръ Александръ I подписалъ конституціонную хартію Царства Польскаго и короновался въ Варшавѣ. Его примѣру послѣдовалъ и Императоръ Николай I (12 мая 1828 г.), въ виду того, что въ § 45 польской конституціи говорилось о необходимости короноваться польскими королями и произнести присягу о «выполненіи Конституціонной хартіи» [4]). Ничего подобнаго по отношенію къ Финляндіи не было сдѣлано, изъ чего мы въ правѣ заключить, что этому краю даровано было только внутреннее самоуправленіе, но не новое государственное положеніе.

Для государственнаго положенія Финляндія не имѣетъ, какъ мы видѣли, въ полномъ объемѣ тѣхъ трехъ элементовъ, — территоріи, подданныхъ и особой власти, — которые

---

[1]) Лагусъ. Взглядъ на развитіе Финляндіи съ 1855 по 1880 г., стр. 6 (на швед. яз.).

[2]) Статья VI Фридрихсгамскаго трактата 5 сент. 1809 (Полное Собр. Зак. № 23883).

[3]) Русскій біографич. словарь, т. I, 316.

[4]) Рус. Старина; 1900, мартъ. — Въ періодъ сочиненія всякихъ финляндскихъ «конституцій» одинъ изъ мѣстныхъ самозванныхъ законодателей попытался-было ввести въ свою книгу упоминаніе о коронованіи финляндскою короною, но далѣе сей робкой попытки вопросъ этотъ пока еще въ краѣ не двинутъ. См. «Государственное устройство велик. княж. Финл.» Гельсингфорсъ, 1885 г., стр. 15, гдѣ сказано: «Коронованіе не обязательно».

требуются наукою для наличности государственной независимости.—Финляндія получила кое-что изъ того, что обыкновенно относятъ къ атрибутамъ государства, но тѣмъ не менѣе многаго у нея недостаетъ.—Помимо того, что у нея нѣтъ своего собственнаго отдѣльнаго трона, она не имѣетъ своего liste civil, своего флага, своего гимна, своей государственной полиціи, своихъ чиновъ и орденовъ; ея монетная единица, по закону 1860 г., составляетъ подраздѣленіе русской монеты; ея таможня регулируется положеніями, устанавливаемыми въ Государственномъ Совѣтѣ Имперіи; ея войска во многихъ случаяхъ руководятся указаніями Свода Военныхъ Постановленій Россіи; ея почта и телеграфъ подчинены министру внутреннихъ дѣлъ имперіи; ея кадетскій корпусъ, по вопросамъ преподаванія и дисциплины, вѣдается главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній; ея русскія школы состоятъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія Россіи; духовное управленіе всѣми греко-россійскими церквами Финляндіи прежде было непосредственно подчинено Святѣйшему Синоду, а послѣ 1893 г.— выдѣлено въ особую епархію и т. д. Этотъ перечень ясно показываетъ также, что не все въ Финляндіи основано на ея собственныхъ законахъ. Не говоря уже о томъ, что Финляндія не имѣетъ своего внѣшняго представительства, у нея нѣтъ своего собственнаго права на уваженіе и честь, что̀ должно составлять неотъемлемую принадлежность всякой страны, претендующей на государственное положеніе.— Финляндія имѣетъ свое законодательство, но и оно не столь самостоятельнаго характера, чтобы могло исключить всякую возможность предложенія ей законовъ, выработанныхъ помимо ея собственныхъ учрежденій. Списокъ законоположеній, составленныхъ для Финляндіи въ петербургскихъ правительственныхъ сферахъ и прошедшихъ черезъ Государственный Совѣтъ и Комитетъ Министровъ, очень значителенъ [1]).

---

[1]) Вотъ нѣкоторые изъ сихъ законовъ: 1) 18 декабря 1826 г. изданы были правила о судопроизводствѣ по преступленіямъ, совершеннымъ жителями россійскихъ губерній въ Финляндіи и обратно (Второе Полное Собр. Зак., 1826, № 210).

Все это, вмѣстѣ взятое, еще разъ показываетъ, что при указанныхъ условіяхъ Финляндія не можетъ быть признана государствомъ. И дѣйствительно, ни въ офиціальныхъ актахъ русскаго правительства, ни въ постановленіяхъ великаго княжества она никогда государствомъ не называлась. Когда Императоръ Александръ I говорилъ о Польшѣ, то называлъ ее королевствомъ: «Я создалъ это королевство»... «гражданская часть этого королевства»... [1]). По отношенію къ Финляндіи онъ этого не дѣлалъ и всегда называлъ ее то областью, то краемъ, страной, но не государствомъ. Въ циркулярномъ рескриптѣ, напр., отъ 7 сентября 1809 г. военнымъ губернаторамъ Россіи значилось: «присоединивъ къ имперіи страну»... [2]). Въ указѣ о коммисіи финляндскихъ дѣлъ Финляндія опять наименована «страной»... [3]). 13 сентября 1809 г. Императоръ Александръ I писалъ къ адми-

---

2) О подсудности по наслѣдству въ имуществѣ (Полное Собр. Зак. № 13841).

3) О взиманіи сборовъ съ россійскихъ и финляндскихъ судовъ въ шведскихъ и норвежскихъ портахъ (1840 г., № 13940).

4) Табель о рангахъ и о пріобрѣтеніи гражданскою службою въ Финляндіи правъ, сопряженныхъ съ русскими чинами (1842, № 15191).

5) О порядкѣ подсудности въ движимомъ имуществѣ послѣ лицъ, водворенныхъ въ имперіи, но временно-пребывающихъ въ Финляндіи, и обратно (1843, № 16717).

6) О содержаніи директора канцеляріи статсъ-секретаря (1844, № 17768).

7) О введеніи штемпельныхъ конвертовъ для частной корреспонденціи (1848, № 21927).

8) О порядкѣ свидѣтельствованія подлинныхъ актовъ, совершаемыхъ въ Финляндіи и приводимыхъ въ дѣйствіе въ имперіи и обратно (1852, № 26441).

9) О порядкѣ перечисленія русскихъ въ Финляндію (1858, № 25911).

10) О порядкѣ сношенія судебныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ имперіи съ судебными мѣстами Финляндіи (1867, № 45213).

11) О торговыхъ сношеніяхъ имперіи съ великимъ княжествомъ Финляндскимъ (1885, № 2987).

12) О преобразованіи мѣстныхъ почтовыхъ и телеграфныхъ учрежденій (1885, № 2989).

13) Высочайшій манифестъ 3 февр. 1899 г. объ изданіи законовъ общегосударственныхъ, т. е. для имперіи со включеніемъ вел. княж. Финляндскаго.

14) Высочайшій манифестъ 7 іюня 1900 г. о введеніи русскаго языка въ дѣлопроизводствѣ вел. княж. Финляндскаго.

[1]) Русскій біографич. словарь, I, 316, 317 и др.

[2]) Сборн. Археологич. Инстит. 1879, кн. II.

[3]) Сборн. Якубова основн. зак. Финлядіи, стр. 273.

ралу Кронстедту о цѣлости и безопасности этихъ «областей»: участь этого «края», прибавилъ онъ, окончательно опредѣлена... Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 19 августа 1811 г. генералъ-губернаторъ Штейнгель доносилъ о ввѣренныхъ его управленію «финляндскихъ губерніяхъ».— Спренгтпортенъ и Маннергеймъ, не обинуясь, называли Финляндію «провинціей»...[1]). Такъ поступалъ и гр. Г. Армфельтъ и др. Въ мѣстныхъ учебникахъ исторіи и географіи Финляндія также государствомъ не называлась. Вплоть до шестидесятыхъ годовъ даже въ юридическихъ руководствахъ края Финляндію относили къ русскимъ «провинціямъ»[2]). Земскіе чины въ Борго писали: «если Финляндія одна приметъ теперь иную главную монетную единицу, чѣмъ ту, которую вообще признали и имѣютъ прочія «провинціи», то...»[3]). Можно затѣмъ указать много трактатовъ съ иностранными державами, въ которыхъ Финляндія (иногда вмѣстѣ съ герцогствомъ Курляндскимъ) называется то провинціей, то областью[4]). Въ офиціальныхъ документахъ мѣстныхъ финляндскихъ учрежденій (если не считать проектовъ разныхъ комиссій, въ томъ числѣ и Сената по кодификаціи основныхъ законовъ), едва ли не въ первый разъ во всеподданнѣйшемъ отзывѣ чрезвычайнаго сейма 1899 г. Финляндія именуется государствомъ. Въ частныхъ же изданіяхъ это стали практиковать въ послѣдніе годы довольно часто. Въ шведскомъ языкѣ имѣется слово «stat», которое обозначаетъ «государство», «казенный», «правительственный», «штатъ».—Въ частныхъ изданіяхъ послѣдняго времени его значеніе обязательно принято переводить словомъ «государство», «государственный»; такимъ образомъ появились финляндскіе государственные дѣятели, лица,

---

[1]) Ординъ. «Русскій Вѣстн.»; 1888, V, 123.

[2]) См., напр., учебники Пальмена и Лундаля. — Писатель Кастренъ, разработавшій исторію сейма въ Борго и періодъ присоединенія, называетъ Финляндію «провинціей». См. его «Skildringar», 172 стр.; о гр. Г. М. Армфельтѣ см. «Русск. Стар.»; 1896, іюль, 139.

[3]) Протоколы рыцарства и дворян., Ч. I, 115, 147 (143, 217, 277—288) на швед. языкѣ.

[4]) См., напр., Сборн. Постановл. вел. княж. Финляндскаго, т. VI, стр. 255, на шведск. языкѣ т. I, 163—164, т. II, 253; 13 марта 1819, 9 октября 1827 г. и др.

банки, архивы, школы и пр.[1]). Въ офиціальныхъ изданіяхъ тотъ же архивъ называется, «статсъ-архивъ»[2]), въ другихъ случаяхъ говорится о «статной землѣ», «статсъ-кассѣ» и т. п. Рядомъ съ этимъ желѣзныя дороги Финляндіи называются «правительственными», а не государственными, какъ архивъ или банкъ, что происходитъ оттого, что русское наименованіе желѣзныхъ дорогъ установлено было ранѣе расцвѣта ученій о финляндскомъ государствѣ.

При всемъ сказанномъ до сихъ поръ, остается, однако, несомнѣннымъ, что Императоръ Александръ I въ своихъ рѣчахъ, обращенныхъ къ финскому народу, и въ нѣкоторыхъ актахъ, собственноручно имъ подписанныхъ, употреблялъ выраженія: «votre constitution», «vos lois fondamentales», «la constitution du pays» и т. п. Необходимо поэтому разсмотрѣть, что могъ самъ Императоръ, по обстоятельствамъ того времени, понимать подъ такими словами, и какъ вообще тогда понимали «конституцію» у насъ и на Западѣ и особенно среди ближайшихъ сотрудниковъ Александра I. Такъ какъ все въ политикѣ обусловливалось прежде всего личностію самого Императора и такъ какъ важнѣйшая роль принадлежала ей, то необходимо нѣсколько возстановить характеристику Александра I.

Либеральныя воззрѣнія Александра I.

Нѣтъ сомнѣнія, что Императоръ Александръ Павловичъ въ первые годы своего царствованія былъ приверженцемъ свободныхъ конституціонныхъ учрежденій и что мысль о введеніи реформы правительственныхъ учрежденій на европейскій ладъ входила въ его программу. Ф. Ц. Лагарпъ,—которому, по собственнымъ словамъ Императора, онъ обязанъ былъ всѣмъ, что зналъ, и тѣми правилами, которыя руководили его умомъ и сердцемъ,—этотъ Лагарпъ былъ швейцарцемъ, воспитанникомъ школы Вольтера, Руссо и Дидеро, совершеннымъ идеалистомъ и теоретикомъ, знакомымъ болѣе съ книгами, чѣмъ съ людьми.—Россіи Лагарпъ вовсе не зналъ и по-

[1]) Финляндія XIX ст., стр. 197, 218, 242 и др.
[2]) Постановленія вел. кн. Финляндскаго 1896, № 21.

тому не понималъ ни нашего народа, ни нашей исторіи. Лагарпъ (и Екатерина II), воспитывая первенца Павла I, упустили изъ вида, что «важнѣйшая наука для царей знать свойства своего народа и выгоды земли своей». Лагарпъ развивалъ въ своемъ ученикѣ «отвлеченный либерализмъ», породившій рядъ неосуществимыхъ проектовъ и взглядовъ [1]). Лагарпъ, по мѣткому выраженію Ф. Вигеля, былъ преисполненъ республиканскихъ правилъ и ставилъ свою «карманную республику» образцомъ будущему самодержцу; Лагарпъ воспиталъ не царя-самодержца, а гуманнаго космополита. Плоды воспитанія сказались очень скоро. Уже въ 1797 г. Императоръ Александръ I писалъ Лагарпу: «Когда придетъ мой чередъ, тогда нужно будетъ стараться, само собою разумѣется, постепенно, образовать народное представительство, которое, должнымъ образомъ руководимое, составило бы свободную конституцію (constitution libre), послѣ чего моя власть совершенно бы прекратилась». Не разъ, затѣмъ, Александръ I высказывалъ, что одному человѣку невозможно управлять государствомъ. Впослѣдствіи, встрѣтившись въ Парижѣ съ Талейраномъ, Императоръ говорилъ о себѣ, какъ о человѣкѣ всегда вѣрномъ «либеральнымъ идеямъ», коихъ не намѣревался покинуть. Въ Лайбахѣ онъ заявилъ: «Я люблю конституціонныя учрежденія и думаю, что всякій порядочный человѣкъ долженъ ихъ любить». Извѣстно также, что «тріумвиратъ» или «негласный комитетъ» обсуждалъ вопросы о конституціи, при посредствѣ которой Государь мечталъ обезпечить благо Россіи. Въ 1809 г. Сперанскій составилъ обширный проектъ подобной конституціи для имперіи. Въ 1818 году Новосильцовъ, подъ руководствомъ юриста Дешана, работалъ надъ такой же конституціей для Россіи [2]). «Несомнѣнно,— писалъ Данилевскій,—что Александръ Павловичъ первый

---

[1]) Надо помнить, что «мечтательность» вообще была тогда въ правахъ вѣка; вездѣ господствовала нѣкоторая «философическая сантиментальность». Очевидно, что эпоха отражалась на впечатлительной натурѣ Александра I. Соч. П. Вяземскаго, VIII, 201.

[2]) Русскій біографическій словарь, I т., 309, 356, 367; Шильдеръ, Исторія Императора Александра I, т. I—стр. 38, 40, 42, 92, 113, 118, 161 и др.; II, 48.

началъ вводить нѣкоторое подобіе конституціонныхъ формъ и ограничивать власть самодержавную» [1]). Тѣ совѣщательныя учрежденія, которыя имѣются въ Россіи, основаны Императоромъ Александромъ I. Въ 1809 году онъ созвалъ народныхъ представителей Финляндіи на сеймъ въ Борго и самъ открылъ и закрылъ ихъ засѣданія конституціонными рѣчами. Въ 1818 году онъ говорилъ польскому народу на сеймѣ въ Варшавѣ о «законно-свободныхъ учрежденіяхъ», о томъ, что «возстановленіе» сего народа «опредѣлено торжественными договорами. Оно освящено законоположительною хартіею (charte constitutionelle). Ненарушимость сихъ внѣшнихъ обязательствъ и сего коренного закона назначаютъ отнынѣ Польшѣ достойное мѣсто между народами Европы» [2])...

Такъ говорилъ и дѣйствовалъ Государь, охваченный идеями Лагарпа и мечтами своей молодости, не помышлявшій о невозможности осуществленія плановъ своего «политическаго идеализма». Но, какъ извѣстно, Императоръ Александръ I былъ очаровательной личностью, чрезвычайно величественной и въ то же время очень сложной. Онъ — глубокая историко-психологическая загадка, — неразгаданный до сей поры сфинксъ XIX стол. Его юность прошла между «геніальной бабкой и гатчинской кардегардіей», и это обстоятельство развило въ его характерѣ ту двойственность, которая замѣтно проходитъ черезъ все его царствованіе, давая себя знать въ дѣлахъ и мысляхъ. Либерально-законныя начинанія у него смѣнялись введеніемъ военныхъ поселеній; послѣ великаго героическаго подвига освобожденія народовъ отъ тираніи Наполеона, греки, какъ бунтовщики, были предоставлены турецкому произволу; отъ плацъ-парадовъ дѣлался переходъ къ религіозному мистицизму, Сперанскаго и Лагарпа смѣнилъ Аракчеевъ. Его варшавская рѣчь въ свое время произвела глубокое впечатлѣніе въ Россіи. По этому поводу Дашкевскій занесъ въ свой

---

[1]) Русскій біографическій словарь; I т., стр. 315 и 382.
[2]) Шильдеръ, Н. Исторія Императора Александра I; IV, 86.

дневникъ: «Безъ сомнѣнія, весьма любопытно было слышать подобныя слова изъ устъ Самодержца, но надобно будетъ видѣть, приведутся ли предположенія сіи въ дѣйствіе». Долго и внимательно наблюдая Императора Александра I, тотъ же ген. Данилевскій не разъ замѣчалъ, что Государь всегда помнилъ, что онъ рожденъ Самодержцемъ и это глубокое монархическое самосознаніе никогда не покидало его [1]). Вотъ тому нѣсколько доказательствъ. Государь установилъ, что «власть сената ограничивается единою властью Императорскаго Величества; иной же высшей власти надъ собою не имѣетъ». Случилось такъ, что докладъ военнаго министра объ обязательномъ 12-тилѣтнемъ срокѣ службы дворянъ унтеръ-офицерскаго званія прошелъ общее собраніе сената и былъ утвержденъ; но затѣмъ сенаторъ гр. Потоцкій подвергъ этотъ докладъ критикѣ, находя, что нарушены права дворянства, которыя Императоръ Александръ I торжественно наименовалъ и удостовѣрилъ «коренныиъ и непрелагаемымъ закономъ». Большинство сенаторовъ присоединилось къ мнѣнію гр. Потоцкаго. Исторія эта кончилась, однако, тѣмъ, что сенату поставлено было на видъ его вмѣшательство не въ свое дѣло [2]). Въ 1803 г. Державинъ, докладывая Государю, высказывалъ при этомъ свои соображенія. «Ты меня всегда хочешь учить; Я самодержавный Государь и такъ хочу», замѣтилъ ему Александръ I [3]). Въ 1812 г (17 марта) Императоръ Александръ I говорилъ де-Санглену: «Я спрашивалъ его (Сперанскаго), какъ онъ думаетъ о предстоящей войнѣ и участвовать ли мнѣ въ ней своимъ лицомъ? Онъ имѣлъ дерзость, описавъ мнѣ всѣ воинственные таланты Наполеона, совѣтовать, чтобы, сложивъ все съ себя, я собралъ боярскую думу и предоставилъ ей вести отечественную войну. Но что же я такое? Развѣ нуль? Изъ этого я убѣждаюсь, что онъ своими министерствами точно подкапывался подъ самодержавіе, котораго я не въ

Александръ Самодержецъ.

---

[1]) Русскій біографическій словарь; т. I, 355, 358 и 383.
[2]) Шильдеръ. Императоръ Александръ I; т. II, 104.
[3]) Русскій біографическій словарь, I, 174.

правѣ сложить съ себя самовольно къ вреду моихъ наслѣдниковъ» [1]). Еще примѣръ. По порученію Императора, Новосильцовъ составлялъ проектъ конституціи. Н. Тургеневъ разсказываетъ по поводу ея слѣдующее. Въ главѣ о выборѣ членовъ собранія говорилось, что депутаты будутъ назначаться избирателями. Императоръ остановился на этой статьѣ и замѣтилъ, что такимъ образомъ избиратели могутъ, пожалуй, назначить кого имъ вздумается, напримѣръ, Паппа. Статья была тотчасъ измѣнена и избирателямъ было предоставлено только право представлять трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ правительство будетъ выбирать депутата [2]). «Если бы Александръ I искренно хотѣлъ воскресить Польшу,—отмѣтила въ своихъ мемуарахъ графиня Потоцкая,—то онъ не поручилъ бы это дѣло своему брату Константину, зная, что его идеи и характеръ противорѣчили либеральнымъ намѣреніямъ Императора» [3]). Въ 1820 г. Государь закрылъ польскій сеймъ строгой рѣчью потому, что отвергнуты были, почти безъ разсужденій, всѣ правительственныя предложенія. Изъ Варшавы онъ отправился въ Тропау, сильно разочарованный въ своихъ либеральныхъ стремленіяхъ. Меттернихъ отмѣтилъ, что Государь сталъ гораздо разсудительнѣе, чѣмъ въ эпоху 1813 года. Императоръ сознался, что измѣнился: «Въ 1820 году я ни за что не сдѣлаю того, что говорилъ въ 1813 году» [4]). Все это показываетъ, что конституціонныя идеи далеко не безраздѣльно господствовали въ сознаніи Александра Павловича и что исконное самодержавіе во многихъ случаяхъ имѣло въ немъ рѣшительнаго сторонника. Ученіе Лагарпа повліяло, но не захватило его всецѣло. Борьба двухъ началъ кончилась въ немъ побѣдой принципа единой твердой власти.

---

[1]) «Русская Старина», 1899, іюль, стр. 107. Въ словахъ Александра I ясно слышно повтореніе словъ Карамзина изъ записки «О древней и новой Россіи».

[2]) Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, соч. А. Пыпина; 1885 г., изд. 2, стр. 358.

[3]) «Историч. Вѣстн.» 1897, іюль.

[4]) Русскій біографическій словарь; I, 365.

Свидѣтель этой внутренней борьбы, человѣкъ, близко стоявшій къ Государю, князь Адамъ Чарторижскій, оставилъ слѣдующую характеристику внутренняго смысла всѣхъ дѣяній Александра I въ разсматриваемую эпоху. Онъ пишетъ: «Великіе помыслы объ общемъ благѣ, великодушныя чувства, желаніе принести имъ въ жертву собственныя удобства и часть своей власти, отказаться, наконецъ, отъ неограниченнаго могущества, дабы тѣмъ вѣрнѣе обезпечить въ будущемъ счастье людей, подчиненныхъ его волѣ, все это нѣкогда искренно занимало Императора; все это продолжало занимать его и теперь; но это былъ юношескій порывъ, а не твердое рѣшеніе зрѣлаго человѣка. Императоръ любилъ наружныя формы свободы, подобно тому, какъ увлекаются зрѣлищами. Ему нравился призракъ свободнаго правительства, и онъ хвастался имъ, но онъ домогался однѣхъ формъ и наружнаго вида, не допуская обращенія ихъ въ дѣйствительность; однимъ словомъ, онъ охотно даровалъ бы свободу всему міру при томъ условіи, чтобы всѣ добровольно подчинились исключительно его волѣ» [1]. Въ этихъ чертахъ, намъ кажется, кроется довольно правдивая оцѣнка личности великаго Государя начала нашего вѣка.

Характеристика Александра I.

Обращаясь теперь къ выясненію того смысла, который вкладывался въ слова «конституція» и «коренные законы», необходимо припомнить, что слово «constitution» имѣетъ многоразличныя значенія и означаетъ также «организацію, состояніе, порядокъ сочетанія частей цѣлаго» и т. д.; такъ, напримѣръ, говорятъ constitution d'une armée—военное устройство арміи; кромѣ того, «constitution» означаетъ образъ правленія государства и вообще устройство, учрежденія и установленія разнаго рода

Конституція на Западѣ.

[1] Воспоминанія кн. Ад. Чарторижскаго (на франц. яз.). Т. I, стр. 311. Болѣе рѣзкое мнѣніе по тому же вопросу находимъ въ мемуарахъ гр. Потоцкой: «Конституціонное правленіе, въ родѣ того, какое существовало въ Англіи, было въ то время мечтой Александра I, и онъ игралъ въ конституцію, какъ дѣти играютъ въ жмурки». («Историч. Вѣстн.» 1897, іюль).

по разнымъ отраслямъ законодательства. Наконецъ, по терминологіи, бывшей въ употребленіи въ началѣ вѣка, слово «constitution» могло прилагаться ко всякому уставу или регламенту, опредѣляющему права и устройство какого-нибудь учрежденія (говорили, напримѣръ, о «конституціяхъ» университета) [1]).

Истинная конституція долго развивалась въ Англіи, не обращая на себя серіознаго вниманія остальной Европы. На континентѣ Европы конституцію впервые стали распространять въ теоріи Монтескье въ 1748 г., Блекстонъ въ 1765 и де-Лольмъ въ 1771 г. Сколько извѣстно, трактатъ объ «Англійской конституціи» де-Лольма былъ той книгой, по которой члены «негласнаго комитета» ознакомились со свободными учрежденіями Великобританіи. Надо отмѣтить что англійское право у де-Лольма было представлено въ нѣсколько искаженномъ видѣ, и вообще англійская конституція въ передачѣ названныхъ авторовъ подвергалась довольно рѣзкимъ отклоненіямъ отъ дѣйствительности. Вниманіе къ англійской конституціи возрастало по мѣрѣ пробужденія общественнаго сознанія; но понятія о ней распространялись по Европѣ почти исключительно французскими писателями. Первая конституція Франціи относится къ 1789 г., но тогда еще въ Европѣ не знали, напримѣръ, о существованіи парламентаризма или отвѣтственнаго министерства. Парламентское управленіе во Франціи установлено только хартіей 1814 г. Въ періодъ времени съ 1814 по 1848 г. Франція въ своихъ хартіяхъ продолжала копировать конституцію Англіи [2]).

Чтобы наглядно видѣть, какими робкими шагами представительное правленіе распространялось на Западѣ, возьмемъ Германію начала нынѣшняго столѣтія. Отдѣльныя государства Германскаго Союза были независимы и владѣтельные князья устраивали по своему

Германія.

---

[1]) Франц. словари Littré и Bescherelles.
[2]) Проф. А. Эсменъ (Esmein). Общія основанія конституціоннаго права; 1898, Отд. I.

усмотрѣнію внутренній ихъ строй. Составители проекта государственнаго устройства Германскаго Союза предполагали дать нѣкоторыя гарантіи подданнымъ отдѣльныхъ государствъ, заявивъ (въ 13 статьѣ), что «въ годичный срокъ должно быть введено учрежденіе земскихъ чиновъ въ отдѣльныхъ государствахъ». Но въ окончательномъ актѣ упразднили срокъ и замѣнили слова «должно быть» словомъ «будетъ». Чтобы избѣжать революціоннаго слова «конституція», намѣренно было употреблено странное выраженіе «Landständische Verfassung». Всѣми признавалось тогда то основное начало, что «государь одинъ пользуется верховною властью, что онъ имѣетъ право привлечь своихъ подданныхъ къ участію въ управленіи государствомъ. Внутреннее устройство каждаго государства зависѣло, такимъ образомъ, отъ личной воли государя». Въ Австріи и Пруссіи существовалъ неограниченный образъ правленія, безъ всякихъ собраній выборныхъ. Курфюстъ гессенскій сперва созвалъ собраніе представителей, но въ 1816 году распустилъ его и управлялъ затѣмъ единолично; большая часть государей сѣверной Германіи управляли при содѣйствіи земскихъ чиновъ (Landstände). Но къ чему сводилось это содѣйствіе? Государи не принимали никакихъ обязательствъ относительно своихъ подданныхъ, но созывали обычное собраніе именитыхъ граждан страны и требовали отъ него, слѣдуя старинному обычаю, утвержденія налоговъ и гарантіи займовъ. Дѣйствительнаго контроля надъ администраціей не было. Въ Саксоніи, напримѣръ, правительство отказалось сообщать земскимъ чинамъ свѣдѣнія о финансахъ и запретило предавать гласности пренія, происходившія на засѣданіяхъ земскихъ чиновъ. Наиболѣе либерально поставлено было дѣло о народномъ представительствѣ въ герцогствѣ Саксенъ-Веймарскомъ. Писанныя конституціи появились преимущественно во владѣніяхъ южной Германіи. Въ такомъ положеніи находилось дѣло примѣрно до двадцатыхъ годовъ [1]).

[1]) Политическая исторія современной Европы. Ш. Сеньобосъ, т. II. 363—372.

Въ Россіи также занимались конституціей. Александръ I и окружавшіе его члены негласнаго комитета, а также Сперанскій и др., обдумывая планы «реформы безобразнаго зданія» управленія имперіи, обратили свое вниманіе на конституцію. Чтобы выяснить, въ какомъ смыслѣ и значеніи тогда понималась «конституція» въ Россіи, очень полезно разсмотрѣть проекты «Государственнаго Уложенія» и «Государственной Уставной Грамоты», которыя были написаны сотрудниками Александра I—Сперанскимъ и Новосильцовымъ и составляли основу того, что тогда разумѣлось у насъ подъ конституціей. Оба эти дѣятеля олицетворяли собою «либеральныя идеи» того времени. «Сила всѣхъ предположенныхъ преобразованій въ томъ состояла,—писалъ Сперанскій,—чтобы поставить управленіе имперіи на непремѣнномъ законѣ и дать Россіи внутреннее политическое бытіе, и съ сею цѣлью опредѣлить прежде всего разумъ коренныхъ государственныхъ законовъ, т. е. начертать планъ конституціи». Планъ былъ представленъ Императору въ 1809 году. Въ проектѣ Сперанскаго говорилось: «Въ коренныхъ государственныхъ законахъ, т. е. тѣхъ, которые суть предметъ Государственнаго Уложенія, установляются составъ Совѣта, существо и главная форма его дѣйствій... Коренные законы Совѣта суть слѣдующіе: въ порядкѣ государственныхъ установленій Совѣтъ представляетъ сословіе... Всѣ законы, уставы и учрежденія, въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ, предлагаются и разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ. Совѣтъ составляется изъ особъ, Высочайшею довѣренностью въ сіе сословіе призываемыхъ»...

Конституція въ Россіи.

Заключалъ ли этотъ проектъ Сперанскаго въ себѣ то, что нынѣ принято называть конституціей? Едва ли. Чтобы усмотрѣть въ планѣ Сперанскаго представительный образъ правленія, надо его анализировать столь кропотливо, и съ такими широкими догадками и комментаріями, какъ это сдѣлалъ, напр., А. Пыпинъ. Въ несоотвѣтственномъ наименованіи Государственнаго Совѣта «сословіемъ», онъ усматриваетъ намекъ на тѣ «états» и «Stände», которыя въ другихъ странахъ выражаютъ собою извѣстную представитель-

ную дѣятельность общества. Въ томъ обстоятельствѣ, что отчеты министровъ предполагалось разсматривать въ Государственномъ Совѣтѣ, А. Пыпинъ видитъ желаніе установить отвѣтственное министерство и т. д. [1]). Намъ представляется, что ближе къ истинѣ стоялъ Н. Тургеневъ, находившій, что трудъ Сперанскаго ушелъ на созданіе «формы», а не сущности. Проектъ Сперанскаго на дѣлѣ верховной власти вовсе не ограничивалъ, такъ какъ въ немъ нѣтъ упоминанія «о законодательномъ сословіи» и вообще нѣтъ «народнаго представительства» [2]). Изъ извѣстнаго пермскаго письма Сперанскаго къ Александру I видно, что Императоръ желалъ составить «твердое и на законахъ основанное положеніе, сообразно духу времени и степени просвѣщенія и слѣдовать ему неуклонно». Поясняя далѣе ту же мысль, Сперанскій писалъ: «весь разумъ плана состоялъ въ томъ, чтобы, посредствомъ законовъ и установленій, утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію ея власти болѣе правильности, достоинства и истинной силы» [3]). Наконецъ, касаясь Совѣта (Государственнаго), Сперанскій говоритъ: «Одни видѣли въ семъ установленіи подражаніе французскому... Другіе утверждали, что разумъ сего учрежденія стѣсняетъ власть Государеву. Гдѣ и какимъ образомъ? Не по Государеву ли повелѣнію дѣла вносятся въ Совѣтъ? Не единымъ ли словомъ его?»... [4]).

Трудъ Сперанскаго продолжалъ Новосильцовъ. Въ 1818 году Государь поручилъ Новосильцову составить проектъ политическаго переустройства Россіи, и такимъ образомъ явилась «Государственная Уставная Грамота Россійской Имперіи». Новосильцовъ, вводя извѣстныя свободныя учрежденія, также «оберегалъ всѣ прерогативы власти и весь

---

[1]) Пыпинъ: стр. 138 и 139. Въ 1811 г., при реформѣ министерствъ, постановлено было, чтобы каждый министръ представлялъ ежегодные отчеты по своему вѣдомству въ Государственный Совѣтъ; но это исполнилось всего одинъ годъ.

[2]) Н. Шильдеръ; II, 391.

[3]) Н. Шильдеръ; III, 516 и 517.

[4]) Н. Шильдеръ; III, 518.

механизмъ представительства оставилъ въ ся рукахъ» [1]). «Государь, — писалъ въ своемъ проектѣ Новосильцовъ, — есть единственный источникъ всѣхъ въ Имперіи властей гражданскихъ, политическихъ, законодательныхъ и военныхъ». «По законодательной власти Государя содѣйствуетъ государственный сеймъ»... «Государь располагаетъ доходами государства». «Общіе законы постановляются Государемъ при содѣйствіи общаго государственнаго сейма»... Коренной россійскій законъ: «безъ суда никто да не накажется»; «чтобы никто, безъ объявленія ему вины и снятія съ него допроса въ теченіе трехъ дней по задержаніи, не лишался свободы и не содержался въ тюрьмѣ»... Въ проектѣ Новосильцова говорится далѣе: «Да будетъ Россійскій народъ отъ нынѣ навсегда имѣть народное представительство. Оно должно состоять въ государственномъ сеймѣ (изъ двухъ палатъ); первую палату, подъ именемъ высшей, «образуетъ сенатскій департаментъ... по назначенію Государя... изъ извѣстнаго числа сенаторовъ». Вторая, или палата земскихъ пословъ, «составляется, по назначенію Государя, изъ половиннаго числа пословъ и депутатовъ, въ каждой помѣстнической области посольскою палатою изъ среды своей избранныхъ». Общій государственный сеймъ разсуждаетъ по предположеніямъ, вносимымъ по Высочайшему же повелѣнію, о прибавленіи и уменьшеніи налоговъ, податей, сборовъ и всякаго рода общественныхъ повинностей»... Сеймъ излагалъ лишь «свое мнѣніе». «Общій отчетъ о состояніи государства, составленный въ Государственномъ Совѣтѣ, выслушивается въ совокупленныхъ палатахъ». Палаты «излагали мнѣніе» свое касательно поданнаго отчета. Право созывать, распускать, отсрочить и продлить сеймы... принадлежитъ одному Государю. Государственныя должности обязательно было возлагать «на россійскихъ подданныхъ». Грамота эта признавалась «кореннымъ и уставнымъ закономъ нашего государства»; право дополнять ее оставлялось за Государемъ [2]).

---

[1]) А. Пыпинъ; 360 стр.
[2]) Н. Шильдеръ, IV, 499—526.

Уже изъ сказаннаго можно вывести достаточно опредѣленное представленіе о томъ, какъ вообще понималась въ Россіи «конституція» въ началѣ столѣтія.

Но для выясненія личнаго отношенія къ «конституціи» Императора и М. Сперанскаго имѣются драгоцѣнные документы, недавно впервые опубликованные проф. Н. Коркуновымъ [1]. Сперанскій, какъ показываетъ его собственная записка объ «Изслѣдованіи порядка государственнаго управленія», относящаяся къ 1803 или 1804 году, до личнаго знакомства съ Александромъ I, былъ особенно ретивымъ монархистомъ. Въ это время конституціонный порядокъ Сперанскій называлъ «истиннымъ монархическимъ». «Государь, — писалъ онъ,—соединяющій въ особѣ своей всѣ роды силъ, единственный законодатель, судія и исполнитель своихъ законовъ; вотъ въ чемъ состоитъ на первый взглядъ вся конституція сего государства». Разсмотрѣвъ, затѣмъ, какимъ образомъ можно «приступить къ усовершенію системы государственнаго управленія», Сперанскій замѣчаетъ: «Итакъ, вопросъ объ усовершеніи настоящаго управленія... состоитъ въ томъ, какимъ образомъ составить образъ управленія, который бы соединялъ въ себѣ слѣдующія свойства: 1) онъ долженъ быть весь расположенъ въ настоящее (состояніе?) самодержавной конституціи, безъ всякаго раздѣла власти законодательной отъ власти исполнительной; 2) онъ долженъ сохранить и усилить народное мнѣніе, власть сію ограничивающее не въ существѣ ея, но въ формѣ ея дѣйствій»... Проектировавъ затѣмъ сенатъ законодательный и сенатъ исполнительный и описавъ ихъ «составъ и образованіе», Сперанскій продолжаетъ: «въ существѣ своемъ они суть непосредственныя только его (Государя) орудія и собственной силы не имѣютъ. Между тѣмъ, наружною важностью своею и составомъ они утверждаютъ въ народѣ мнѣніе, возводятъ его ближе къ идеямъ монархическимъ и сливаютъ Россію на од-

Конституція «кажущаяся» и дѣйствительная.

[1]) «Вѣстникъ Права»; 1899, октябрь.

ной чредѣ съ прочими государствами монархическими, не отнимая ничего отъ силы ея необходимаго самодержавія. Государь благонамѣренный не найдетъ, конечно, въ сихъ установленіяхъ никакихъ препятствій къ совершенію своихъ предположеній. Но Самодержецъ, который бы хотѣлъ употребить во зло неограниченную его власть, встрѣтилъ бы твердую преграду своимъ насиліямъ, если не въ самихъ сихъ установленіяхъ, то въ мнѣніи, въ укоренности и привычкахъ народныхъ... Сей образъ управленія столько сближаетъ съ монархическимъ, сколько конституція Россіи можетъ сіе дозволить, не вводя великихъ переломовъ»... Ясно, слѣдовательно, что Сперанскій до 1806 г. былъ поклонникомъ самодержавной власти. Исполняя волю своего повелителя, онъ къ 1809 г. составилъ проектъ государственнаго уложенія, или «конституціи», для Россіи, но и въ ней, какъ мы видѣли, все сводилось къ установленію формы, а не сущности ограниченія власти.

О взглядахъ самого Александра I на конституцію имѣется любопытное «Разсужденіе», въ которомъ приводятся мысли его «о духѣ и зрѣлости политическихъ реформъ въ Россіи». «Разсужденіе» это состоялось со Сперанскимъ и записано съ его словъ другомъ Цейеромъ. Высказавшись о трехъ великихъ политическихъ системахъ — республиканской, феодальной и деспотической, — Государь дѣлаетъ очень оригинальный обзоръ русской исторіи, выискивая въ ней слѣды стремленій народа къ политической свободѣ. «Со времени Алексѣя Михаиловича чувствуется необходимость ограничить абсолютную власть». Отсюда, по мнѣнію Александра I, явилось обязательнымъ «совѣщаться съ боярами и получить согласіе патріарха»... Коснувшись послѣдовательно царствованій Петра В., Анны Іоанновны, Елисаветы, Екатерины II, Павла I и начала своего собственнаго правленія, Александръ Павловичъ спрашиваетъ себя, какъ улучшить положеніе дѣла и приходитъ къ тому заключенію, что «общій предметъ преобразованія состоитъ въ обоснованіи абсолютнаго правленія на почвѣ основныхъ законовъ. Нельзя имѣть правленіе, опирающееся на основные законы, покуда абсо-

лютная власть будетъ въ то же время творцомъ и исполнителемъ закона. Отсюда необходимо установить учрежденія для содѣйствія въ составленіи и исполненіи закона. Эти учрежденія должны быть согласованы съ тройнымъ порядкомъ политическихъ властей. Одно учрежденіе содѣйствовало бы составленію закона, другое—его исполненію, третье—осуществляло бы правосудіе. Первое и важнѣйшее различіе происходитъ отъ степени силы и отъ существа внѣшнихъ формъ, какими онѣ будутъ надѣлены». Засимъ слѣдуетъ другое также чрезвычайно характерное воззрѣніе Александра I. «Два рода преобразованія представляются съ перваго раза. Первое состоитъ въ облеченіи абсолютной власти кажущимися конституціонными формами, ничего не отымая отъ широкаго свойства его могущества. Второй способъ состоитъ не въ прикрытіи абсолютной власти кажущимися конституціонными формами, а въ ея дѣйствительномъ ограниченіи народными учрежденіями, надѣленными внутренней и реальной силой и постановленіи абсолютной власти на почвѣ основного закона. ...Если выбрать первый способъ, учрежденія будутъ казаться дѣйствовавшими по волѣ народа, между тѣмъ въ дѣйствительности этого не будетъ. Главныя черты самаго устройства суть слѣдующія: 1) установить сословіе, кажущееся носителемъ независимой законодательной власти, но въ дѣйствительности находящееся подъ вліяніемъ и въ полной зависимости отъ абсолютной власти». Второй родъ преобразованія долженъ былъ заключать въ себѣ такое законодательное учрежденіе, которое бы дѣйствительно выражало народныя желанія. Первый родъ преобразованія можетъ быть оправданъ у народа мятежнаго, непостояннаго, склоннаго къ новшествамъ. Второй свойственъ народу, имѣющему больше здраваго смысла, чѣмъ любопытства, и духъ простой и прямой. Короче—народу сѣверному, каковъ и русскій народъ.

Естественно возникаетъ вопросъ, какое преобразованіе, изъ числа указанныхъ, было болѣе по душѣ Государю; которому изъ двухъ родовъ ихъ онъ былъ склоненъ скорѣе слѣдовать? Проекты Сперанскаго и Новосильцова сви-

дѣтельствуютъ, что рѣчь могла идти только о «кажущихся конституціонныхъ формахъ», но не о дѣйствительномъ ограниченіи власти. Государственный Совѣтъ, по плану Сперанскаго, есть «сословіе», но не полный носитель независимой законодательной власти. Для рѣшенія вопроса вспомнимъ еще отзывъ кн. Чарторижскаго.

Переходя отъ теоретическихъ соображеній къ практикѣ, мы видимъ, что Александръ I созвалъ земскихъ чиновъ на сеймъ въ Борго, но пожелалъ лишь выслушать ихъ «мнѣнія»; они разсматривали разные вопросы, но рѣшалъ Государь самостоятельно; финляндцы добивались новыхъ сеймовъ, но имъ въ этомъ Александръ I всегда отказывалъ. Ясно, что «конституція» не ограничивала его власти, а земскіе чины призывались только для «содѣйствія» по законодательству.

Дѣйствительное отношеніе Александра I и Сперанскаго къ финляндской «конституціи» отлично было извѣстно гр. Г. М. Армфельту. При всемъ расположеніи Государя къ гр. Армфельту, послѣднему не удалось выпросить созванія второго сейма. Что же касается Сперанскаго, то Армфельтъ всталъ къ нему въ явную оппозицію и былъ душою той интриги, которая свалила его. Не странно ли, что финляндецъ вооружается противъ того, кто, по мнѣнію нынѣшнихъ мѣстныхъ писателей, болѣе всего трудился надъ созданіемъ «конституціи» великаго княжества? Разгадку можно найти въ слѣдующемъ отзывѣ Императора Николая I о Сперанскомъ: «Сперанскаго не всѣ понимали и не всѣ довольно умѣли цѣнить.....Мнѣ столько было наговорено объ его либеральныхъ идеяхъ.....Но потомъ всѣ эти обвиненія разсыпались, какъ пыль. Я нашелъ въ немъ самаго вѣрнаго, преданнаго и ревностнаго слугу, съ огромными свѣдѣніями и огромною опытностью».

Сдѣланный нами очеркъ положенія представительнаго правленія на Западѣ въ началѣ столѣтія и обзоръ проектовъ политическаго переустройства Россіи (Сперанскаго и Новосильцова) показываютъ, что «конституція» едва только перенесена была изъ Англіи на кон- Нѣкоторые итоги.

тинентъ Европы и понималась тогда далеко не такъ, какъ теперь. Ея обязательная и ограничивающая сила для главы государства не проникла еще въ общее сознаніе даже въ Германіи. Только въ тридцатыхъ годахъ (т. е. послѣ смерти Александра I) «конституція» получила положительное значеніе собранія «основныхъ законовъ» государства, опредѣляющихъ отношеніе верховной власти къ подданнымъ въ законодательствѣ и управленіи. Проекты Сперанскаго и Новосильцова не были конституціонными хартіями, ограничивавшими верховную власть и вводившими народное представительство въ надлежащемъ его значеніи. Въ этихъ проектахъ дѣлалась попытка создать что-то въ родѣ смѣси земскихъ соборовъ съ польскими сеймами, но безъ нарушенія русскаго самодержавія. Подъ «коренными законами» не понималась исключительно одна только юридическая формулировка основныхъ началъ конституціоннаго устройства государства, или законы, возникшіе изъ договора правителя съ народомъ. «Конституція» разумѣлась тогда (въ Россіи) не какъ «формальное представительное правленіе, а въ смыслѣ основныхъ законовъ, обязательныхъ для главы государства», т. е. въ смыслѣ порядка, основаннаго на законѣ, или, просто, законнаго управленія. Сперанскій, правда, сопоставлялъ слово «конституцію» съ «коренными государственными законами», но когда онъ ближе опредѣлилъ ихъ, то оказалось, что коренные законы устанавливаютъ права и обязанности Государственнаго Совѣта, какъ сословія; но этотъ Совѣтъ, по собственнымъ словамъ Сперанскаго, «не стѣснялъ власти Государевой», т. е. эти законы, по господствующимъ тогда понятіямъ, не заключали въ себѣ того, что въ нихъ ищутъ нынѣ, такъ какъ они не устанавливали народнаго представительства. «Коренной законъ» это—законъ «непремѣнный», заключающій въ себѣ «начала постоянныя», и въ этомъ отношеніи онъ походилъ на основные законы Швеціи, кои необходимо было «вѣчно сохранять, соблюдать и исполнять», и кои являлись поэтому «незыблемыми, священными, неизмѣняемыми». «Коренной законъ» есть,—цитировали мы недавно слова Новосильцова,—«безъ суда никто да не накажется». Въ «раз-

сужденіи о духѣ и зрѣлости политическихъ реформъ въ Россіи» къ числу «основныхъ законовъ» отнесены постановленія о предоставленіи права покупки земель всѣмъ свободнымъ состояніямъ, объ образованіи состоянія свободныхъ хлѣбопашцевъ, объ устройствѣ отвѣтственныхъ министерствъ и сельскій статутъ Лифляндіи, какъ ограниченіе сборовъ съ поселянъ[1]). «Кореннымъ закономъ» Александръ I назвалъ также права россійскаго дворянства и т. д. «Либералы не думали при Александрѣ I о полной конституціонной формѣ, а только о первыхъ освободительныхъ мѣрахъ, о первомъ возбужденіи общественной дѣятельности»[2]). Проекты Сперанскаго и Новосильцова, конституція Польши и проч.—все это были порывы мечтательности и политической идиллистичности молодого Государя, не соприкоснувшагося еще въ достаточной мѣрѣ съ дѣйствительностью[3]).

Какая неопредѣленность по отношенію къ смыслу слова «конституція» существовала въ то время, можно видѣть, напр., изъ письма Сперанскаго къ де-Гееру, изъ манифеста 9 февраля 1816 года о переименованіи Финляндскаго совѣта въ сенатъ, и изъ другихъ историческихъ документовъ. Въ первомъ изъ нихъ читаемъ: «хотя представляются еще предметы, регулированіе коихъ очень интересно для пользы страны и въ особенности для упроченія устройства (constitution), но».... и т. д. Въ манифестѣ говорится: «Бывъ удостовѣрены, что конституція и за-

---

[1]) Вѣстн. Права 1899, стр. 34, окт.

[2]) А. Пыпинъ; 230 стр.

[3]) Имѣются указанія Саблукова на существованіе начертанной конституціи во времена Екатерины II; но и тогда слово «конституція» понималась въ смыслѣ основного закона, обязательнаго для главы государства, а не формальнаго представительнаго правленія. «Слово: конституція»,— замѣчаетъ издатель воспоминаній Саблукова,—«такъ часто повторяющееся въ его запискахъ, не должно быть принято въ обычномъ, слишкомъ тѣсномъ, смыслѣ парламентскаго представительства; еще менѣе — демократической формы правленія. Оно означаетъ здѣсь не болѣе, какъ великую хартію, или незыблемые законы». Кромѣ того извѣстно, что императрица, стремясь къ введенію правильной общественной организаціи, сама лично вовсе не склонна была къ чему-либо формально-конституціонному. (См. Наблюд. 1897, I, 61; А. Пыпина, стр. 68; и «Рус. Архивъ» 1869, стр. 1883).

коны къ обычаямъ, образованію и духу финляндскаго народа примѣненные, и съ давнихъ временъ положившіе основаніе гражданской его свободѣ и устройству.... Данное Нами обѣщаніе о святомъ сохраненіи особенной конституціи края»...[1]). Въ учрежденіи Главнаго управленія Новой Финляндіи, утвержденномъ 19 ноября 1808 г., говорилось (въ § 10): «когда послѣдуетъ преобразованіе финляндской арміи по древней ея конституціи»...[2]) Уставы Абоскаго университета до 1828 г. также назывались «конституціями»; конституціями назывались еще рѣшенія польскихъ сеймовъ[3]). Новое модное слово, какъ видно, пріобрѣло популярность, стало ходячимъ, но смыслъ его еще не успѣлъ установиться и вполнѣ кристаллизироваться. При вступленіи на престолъ Императора Александра II усмотрѣно было, что слово по «конституціямъ» не соотвѣтствуетъ своему мѣсту въ текстѣ манифеста о финляндскихъ привилегіяхъ, почему оно было замѣнено болѣе подходящимъ словомъ «установленіе». И съ тѣхъ поръ въ обѣщаніяхъ о сохраненіи Финляндіи религіи, коренныхъ законовъ, правъ и преимуществъ слово по «конституціямъ» болѣе не употребляется[4]).

Что же касается лично Императора Александра I, то онъ понималъ «конституцію» двояко, при чемъ, какъ мы видѣли, болѣе близка его сердцу была конституція «кажущаяся», т. е. та, которая не ограничивала, а только упорядочивала власть. Слѣдовательно, корни конституціонныхъ ученій нельзя считать глубоко внѣдрившимися въ его чувствахъ, почему легко было обнажить и указать ихъ несостоятельность. Эту послѣднюю работу успѣшно произвела оппозиція, вызвавшая въ его же царствованіе преобразовательными планами.

Повторяемъ, что Вѣнценосный ученикъ Лагарпа въ началѣ своего царствованія, внѣ всякаго сомнѣнія, мечталъ

---

[1]) Сборникъ Якубова 1889 г., 301—302.

[2]) Correspondance officiell G. M. Sprengtporten. Изданіе Коскинена, Гельсингфорсъ, 1882 года, стр. стр. XVII.

[3]) Св. Зак. ст. 1817 (примѣч.), т. X., ч. I, изд. 1887 г.

[4]) Сборн. Постанов. В. К. Ф. 1855 г. 19 фев.; 1881 № 7; 1891 № 40.

о конституціонномъ строѣ и едва ли не готовъ былъ даровать Россіи «Уставную Грамоту» или «Государственное Уложеніе», которыя явились результатомъ кабинетнаго труда Сперанскаго и Новосильцова. Но замѣчательно, что самъ Новосильцовъ въ цѣлительность конституціи не вѣрилъ. Уже въ 1813 году онъ измѣнилъ свои воззрѣнія на представительный образъ правленія и обратился изъ «русскаго вольтеріанца» въ государственнаго мужа съ трезвымъ пониманіемъ нуждъ и интересовъ Россіи. Если онъ тѣмъ не менѣе въ 1819 г. составилъ «Уставную Грамоту», то, очевидно, лишь исполняя данное ему повелѣніе. Сперанскій, до его личнаго знакомства съ Александромъ I, также отлично понималъ, что немыслимо вводить конституціонные порядки въ странѣ, гдѣ народъ не освобожденъ отъ рабства, гдѣ не существуетъ свободы печати и гдѣ нѣтъ общественнаго мнѣнія [1]). Но Государь нашелъ въ немъ ловкаго и скораго редактора и потому поручилъ ему составленіе «Государственнаго Уложенія». Исполняя желаніе Монарха, Сперанскій написалъ его, увлекаясь нѣсколько «редакціонною легкостію», которою онъ обладалъ въ изобиліи. Слѣдовательно, и Новосильцовъ и Сперанскій явились только исполнителями желаній Александра I, и потому не могли особенно поддерживать въ немъ стремленія къ новымъ государственнымъ порядкамъ и укрѣпить его «мечтательныхъ думъ». (Сперанскій къ тому же сталъ лично извѣстенъ Императору только съ 1806 г., а въ 1812 г. онъ былъ уже сосланъ).

Не могли этого сдѣлать также и другіе члены неофиціальнаго комитета, такъ какъ, во-первыхъ, комитетъ просуществовалъ недолго, а, во-вторыхъ, члены его болѣе увлекались словомъ, чѣмъ дѣломъ.

А между тѣмъ оппозиція росла, находя немалый матеріалъ для своей критики во многихъ начинаніяхъ царствованія Александра I.

---

[1]) «Вѣстн. Права» 1899, VIII, ст. Н. Коркунова.

Подъ вліяніемъ конституціонныхъ и космополитическихъ идей Александръ I, какъ извѣстно, едва согласился на присоединеніе Грузіи; 17 сентября 1801 г. онъ подписалъ грамоту Остзейскихъ привилегій и въ 1802 г. основалъ «германскій» университетъ въ Дерптѣ. Польша получила конституцію и дала государю при этомъ случай «показать отечеству то, что онъ давно для него приготовлялъ» [1]). Изъ Бессарабіи едва не образовано было нѣчто конституціонное для Стурдзы, а для гр. Огинскаго намѣчалось особое Литовское герцогство. Ясно, что при этомъ упускались изъ вида первѣйшія правила внутренней политики, которыя требуютъ возможнаго политическаго объединенія государства. «Юридическое неравенство и разноправность различныхъ частей государства будетъ вѣчнымъ подрывомъ внутренней крѣпости и внѣшней его силы, вѣчнымъ источникомъ всякихъ затрудненій для правительства и взаимнаго антагонизма и отчужденія между подданными этихъ, неодинаково надѣленныхъ правами, частей. Особенно вредно и опасно, если преимущество въ этомъ отношеніи падаетъ на сторону чужаковъ, въ ущербъ и, такъ сказать, въ униженіе передъ ними, господствующей народности, гражданское и политическое право которой должно служить нормою для всего государства» [2]). Либеральныя идеи въ царствованіе Александра I широкой волной хлынули въ Россію. Новиковъ (сынъ извѣстнаго мистика), Никита Муравьевъ и Пестель сочиняли конституціи по разнымъ образцамъ. На торжественныхъ выходахъ въ Варшавѣ Государь являлся въ польскомъ мундирѣ и при лентѣ Бѣлаго Орла, «словно забывая,—какъ писала гр. Потоцкая,—что царствовалъ и надъ другимъ народомъ, онъ хотѣлъ возбудить въ насъ любовь и преданность къ своей особѣ» [3]). Къ Александру I обращались (въ Варшавѣ) исключительно,

Оппозиція.

---

[1]) О возстановленіи Польши особенно хлопоталъ также графъ Г. М. Армфельтъ, желая тѣмъ косвенно закрѣпить обособленность Финляндіи, дабы она не стояла одинокой по своимъ исключительнымъ правамъ въ монархіи Царя. «Наблюдат.» 1896, XII, 251 и «Русск. Стар.» 1896, сент. 344—345.

[2]) Письма о недавнемъ быломъ. «Голосъ» 1866 г.

[3]) «Историч. Вѣстн.» 1897, Іюль.

какъ къ королю польскому. Поляки ставились въ образецъ русскимъ. Любезность къ Польшѣ простерлась такъ далеко, что Константинъ Павловичъ согласился быть депутатомъ въ сенатѣ отъ Пражскаго предмѣстья гор. Варшавы и такимъ образомъ Наслѣдникъ Россійскаго престола выступалъ трибуномъ и защитникомъ народныхъ вольностей. Оцѣнка этимъ отношеніямъ Александра I къ Польшѣ дана была Императоромъ Николаемъ I, когда онъ сказалъ: «Императоръ Александръ учинилъ для поляковъ болѣе, нежели должно было учинить Россійскому Императору. Онъ имѣлъ о васъ болѣе попеченія, нежели о собственныхъ подданныхъ». Космополитическія воззрѣнія Государя сказывались также въ томъ явномъ предпочтеніи, которое отдавалось иностранцамъ. Достаточно сказать, что члены дипломатическаго нашего корпуса, обязанные отстаивать интересы Имперіи, не умѣли говорить по-русски. «Въ Россіи всего лучше быть не русскимъ», сказалъ не безъ основанія кн. А. Чарторижскій, характеризуя господствовавшее тогда направленіе. Въ началѣ царствованія всѣ симпатіи были перенесены на Европу, а къ своему народу у Государя сохранилось лишь чувство сострадательнаго участія. Такой порядокъ и такое направленіе не могли, конечно, считаться нормальными и желательными для Россіи. И такъ какъ патріотами русская земля никогда не оскудѣвала, то нашлись личности съ гражданскимъ мужествомъ, которыя подвергли смѣлой критикѣ всѣ «новшества» времени. Особенное недовольство было вызвано польскими дѣлами. Когда пронесся слухъ о томъ, что царь намѣревается,—подобно тому какъ онъ присоединилъ въ 1811 г. къ Финляндіи Выборгскую губернію,—присоединить къ Польшѣ нѣсколько «западныхъ провинцій», и такимъ образомъ расширить границы ея до Днѣпра, одинаково взволновались какъ консерваторы, такъ и умѣренные, и либералы «тайныхъ обществъ» [1]). Недовольство и протесты раздавались, впро-

[1]) А. Пыпинъ, стр. 381 и Русскій біографич. словарь, I, 358.—Новосильцову (въ 1819 г.) поручено было Государемъ представить историческую записку о соединеніи Литвы съ Польшею. См. «Рус. Старину» за 1882 г.

чемъ, съ перваго же дня, когда стали извѣстны воззрѣнія членовъ «негласнаго комитета». Планы молодыхъ реформаторовъ подвергали безпощадному осужденію. По поводу одного проекта кн. Безбородко писалъ тогда: «Россія должна быть государствомъ самодержавнымъ; малѣйшее ослабленіе самодержавія повлекло бы за собой отторженіе многихъ провинцій, ослабленіе государства и безчисленныя народныя бѣдствія». Еще опредѣленнѣе высказался С. Р. Воронцовъ въ письмѣ къ Ростопчину: «Александръ I имѣетъ несчастіе быть окруженнымъ людьми, которые были исполнены самолюбія и тщеславія. Эти господа начали работать надъ бѣдной Россіей учрежденіями, появлявшимися каждый день; эти господа были настоящими машинами для изготовленія учрежденій.... Ихъ указы основывались на гипотетическихъ идеяхъ ихъ воображенія и на непереваренномъ чтеніи».... И дѣйствительно, они часто дѣлали второй шагъ, не окончивъ перваго. Особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что въ числѣ охлаждавшихъ привязанность Государя къ конституціоннымъ учрежденіямъ находился самъ Лагарпъ. Это немаловажное обстоятельство упускается обыкновенно изъ вида обозрѣвателями царствованія Александра I. Лагарпу случилось, по окончаніи воспитанія царственнаго ученика, вновь поселиться въ Швейцаріи и принять непосредственное участіе въ дѣлахъ управленія республикой. Тутъ, на практикѣ, онъ позналъ всю призрачность свободы народныхъ собраній и отказался отъ многихъ своихъ теоретическихъ умозаключеній. Въ 1801 г., вторично пріѣхавъ въ Россію, Лагарпъ усмотрѣлъ величайшее благо въ разумномъ самодержавіи, и теперь совѣты его сводились къ одному основному началу — твердой и непоколебимой власти. Онъ поднялъ свой голосъ даже противъ расширенія власти сената, отговаривалъ отъ рѣшительныхъ дѣйствій въ крестьянскомъ вопросѣ, совѣтовалъ избѣгать самаго слова «освобожденіе» и замѣнить его выраженіемъ: «улучшеніе въ экономическомъ бытѣ»[1]). Въ числѣ воспитателей Александра находился Протасовъ, который пи-

---

[1]) В. И. Семевскій «Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. I, стр. 245.

когда не раздѣлялъ системы Лагарпа и признавалъ его «свободомысліе опаснымъ и вреднымъ» для Великаго Князя[1]). Но главнымъ оппонентомъ Сперанскаго и Государя явился Н. М. Карамзинъ. Въ 1811 г. (15 марта) ему удалось передать Александру I записку «О древней и новой Россіи», въ которой говорилось, между прочимъ, о конституціонныхъ планахъ слѣдующее: «Кому дадимъ право блюсти неприкосновенность этого закона? Сенату ли? Совѣту ли? Кто будутъ члены ихъ? Выбранные Государемъ или государствомъ? Въ первомъ случаѣ они угодники царя, во второмъ — захотятъ спорить съ нимъ о власти; вижу аристократію, а не монархію. Далѣе, что сдѣлаютъ сенаторы, когда Монархъ нарушитъ уставъ? Представятъ о томъ Его Величеству? А если онъ десять разъ посмѣется надъ ними, объявятъ ли его преступникомъ? Возмутятъ ли народъ? Всякое доброе русское сердце содрогается отъ сей ужасной мысли. Двѣ власти государственныя въ одной державѣ суть два грозные льва въ одной клѣткѣ, готовые терзать другъ друга, а право безъ власти есть ничто». Самодержавіе, доказывалъ Карамзинъ, необходимо для единства громадной и состоящей изъ разнообразныхъ частей имперіи. «Государь! ты преступаешь границы своей власти. Наученная долговременными бѣдствіями, Россія передъ святымъ алтаремъ вручила самодержавіе Твоему предку и требовала, да управляетъ ею верховно, нераздѣльно. Сей завѣтъ есть основаніе Твоей власти; иной не имѣешь; можешь все, но не можешь законно ограничить ее».... Узнавъ о намѣреніи Государя возстановить Польшу, Карамзинъ (17 октября 1819 г.) написалъ «Мнѣніе русскаго гражданина», которое тогда же подалъ Александру I въ Царскомъ Селѣ[2]). «Богъ далъ Вамъ Царство и вмѣстѣ съ симъ обязанность исключительно заниматься благомъ онаго... Любите людей, но еще болѣе любите Россіянъ, ибо они и люди, и Ваши подданные, дѣти Вашего сердца. И поляки слушаются Александра; но Александръ взялъ ихъ Русскою силою, а Рос-

Карамзинъ.

[1]) Русскій біографическій словарь I, 146.

[2]) Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина, ч. I, 1862, стр. 3—8.

сіями далъ ему Богъ...... Вы думаете возстановить древнее королевство Польское; но сіе возстановленіе согласно ли съ законами государственнаго блага Россіи?... Можете ли съ мирною совѣстію отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волынію, Подолію, утвержденную собственность Россіи еще до Вашего царствованія? Не клянутся ли Государи блюсти цѣлость своихъ державъ? Сіи земли уже были Россією, когда митрополитъ Платонъ вручилъ Вамъ вѣнецъ». Если возстановить Польшу,—разсуждалъ мужественный гражданинъ,—то надлежитъ возстановить царство Казанское и Астраханское, Новгородскую республику, великое княжество Рязанское и т. д... «Доселѣ нашимъ государственнымъ правиломъ было: ни пяди ни врагу ни другу.... Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россію бездушной, безсловесной собственности? Нѣтъ, Государь, никогда. Поляки не будутъ намъ ни искренними братьями ни вѣрными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны; слабые не любятъ сильныхъ, а сильные презираютъ слабыхъ.... Въ дѣлахъ государственныхъ чувство и благодарность безмолвны, а независимость есть главный законъ гражданскихъ обществъ. Пусть существуетъ и даже благоденствуетъ королевство Польское, какъ оно есть нынѣ, но да существуетъ, да благоденствуетъ и Россія, какъ она есть»....

Возраженія Карамзина признавались для своего времени очень вѣскими и сильными. Есть поэтому основаніе предполагать, что идеи его, воплотившіяся въ «Запискѣ» и въ «Мнѣніи русскаго гражданина», имѣли практическое вліяніе и побудили Государя измѣнить свои прежнія возрѣнія; по крайней мѣрѣ онѣ въ сильной степени способствовали этому[1]). Тѣмъ болѣе вѣроятно такое предположеніе, что Карамзинъ былъ не одинъ. Директоръ царскосельскаго лицея Е. А. Энгельгардъ, напр., подалъ подобную же записку[2]). Въ литературѣ выступали еще и другіе, хотя и менѣе извѣстные авторы, высказываясь горячо про-

---

[1]) А. Пыпинъ; стр. 230, 218, 259. Русскій Біографическій Словарь, т. I, 240.
[2]) А. Пыпинъ; стр. 401

тивъ введенія конституціонныхъ учрежденій. Одинъ неизвѣстный писатель прямо заявилъ: «Намъ потребенъ другой Петръ со всѣмъ его самодержавіемъ, а не Вильгельмъ III и Людовикъ XVIII съ ихъ конституціями» [1]). Не малое число голосовъ было подано также противъ дарованія Польшѣ конституціи. Предсѣдатель временнаго верховнаго совѣта В. С. Ланской представилъ въ 1814 г. Государю записку, въ которой высказывался противъ образованія конституціоннаго и автономнаго Царства Польскаго. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ также не раздѣлялъ плановъ конституціоннаго устройства Польши. Еще раньше ихъ, Новосильцовъ въ 1813 г. (а затѣмъ и въ 1814 г.) подалъ, черезъ Аракчеева, записку объ организаціи Варшавскаго Герцогства, находя конституцію совершенно не желательной [2]). Противъ конституціонныхъ вольностей высказался въ 1820 г. даже Заіончекъ. Въ числѣ русскихъ генераловъ, находившихся въ Варшавѣ при открытіи сейма (1818 г.), былъ также Ив. Ѳ. Паскевичъ; онъ усмотрѣлъ, что рѣчь Государя была оскорбительна для русскаго самолюбія. «Въ Варшавѣ русскихъ какъ будто вовсе не было, мы всѣ черезчуръ стушевались.... насъ, чтобы нравиться полякамъ, держали въ черномъ тѣлѣ; вездѣ первенствовали поляки...... Такое положеніе не было естественно и не могло долго продолжаться» [3]). На одномъ изъ смотровъ (на которомъ по обыкновенію захваливалось польское войско),— продолжаетъ Паскевичъ,— подхожу я къ гр. Милорадовичу и къ гр. Остерману и спрашиваю ихъ: «Что изъ этого будетъ?» Гр. Остерманъ отвѣтилъ: «А вотъ что будетъ: что ты черезъ 10 лѣтъ съ своею дивизіею будешь ихъ штурмомъ брать». Онъ ошибся только на 3 года. «Рѣчь государя на сеймѣ,— писалъ Закревскій къ П. Д. Киселеву,— прекрасная, но послѣдствія для Россіи могутъ быть ужаснѣйшія».....[4]).

---

[1]) А. Пыпинъ; стр. 466.

[2]) А. Сидоровъ. «Русскіе въ Варшавѣ», 1899, вып. I, стр. 8 и 55.

[3]) Н. Шильдеръ; IV, 94—95.

[4]) Н. Шильдеръ, стр. 95. Графъ Г. М. Армфельтъ предсказывалъ, что «либеральныя реформы, предпринятыя Александромъ I, это предвѣстники гибели колосса». «Наблюдат.» 1896; XI, 96 (Абовъ).

Напомнимъ еще о словамъ Ф. Вигеля, занесенныхъ имъ въ свой дневникъ при извѣстіи о присоединеніи Выборгской губерніи къ шведской Финляндіи. Эти слова по духу совершенно родственны приведенной патріотической рѣчи Карамзина. «Какое право имѣете вы, Государь,—можно было бы сказать ему,—безъ боя, безъ всякой видимой причины, не для спасенія цѣлаго государства, а по одному произволу Вашему, отрывать отъ Россіи области не Вами, а Вашими предками и ихъ подданными пріобрѣтенныя? Въ исторіи народовъ найдите другой примѣръ столь несправедливому дѣйствію.... Что бы ни говорили, завоеваніе Финляндіи есть слава Александра I, а не преступленіе его. Нельзя однако же умолчать о томъ, что сдѣланное Имъ изъ нея послѣ можно назвать измѣной..... такъ точно, первой измѣной Россіи!..» [1]).

Ф. Вигель.

Конечно, не всѣ эти и имъ подобные голоса доходили до Государя, но они свидѣтельствуютъ о тѣхъ воззрѣніяхъ, которыя держались въ обществѣ, и о томъ настроеніи, съ которымъ нужно было считаться. Общее же настроеніе не могло остаться неизвѣстнымъ Александру I и не сказаться на немъ. Послѣ 1818 г. Лагарпъ не получалъ болѣе писемъ отъ своего духовнаго ученика. Та же участь постигла Паррота [2]). Сперанскій былъ сосланъ. «Негласный комитетъ» разошелся. Открылись тайныя общества.... Наступила реакція. Главный источникъ ея находился, конечно, въ личномъ характерѣ Государя. Онъ колебался и затѣмъ измѣнилъ принципамъ своей молодости, охладѣлъ къ «законно-свободнымъ учрежденіямъ» и разочаровался въ «европеизмѣ». Конецъ его царствованія, какъ извѣстно, не походилъ на начало...

Каковы бы ни были перемѣны во взглядахъ Государя и колебанія въ его дѣйствіяхъ, но, имѣя передъ собою рядъ изложенныхъ фактовъ и желая подвести итоги сказанному по отношенію Финляндіи, получается полное основаніе утверждать, что Импера-

Финляндіи сохранено ея внутреннее управленіе.

[1]) Русскій архивъ 1892, V; Воспоминанія (2 изд.); III, 66.
[2]) Русскій біографическій словарь, I, 373.

торъ Александръ I, говоря о сохраненіи краю правъ и привилегій, понималъ подъ ними «вѣками сложившійся въ этомъ краѣ порядокъ», особый укладъ жизни финскаго народа, всю совокупность особенностей Финляндіи, коими она рѣзко отличалась отъ Россіи и т. п. Все это Государь желалъ сохранить покоренному населенію, вмѣстѣ съ тѣми коренными законами, на которыхъ основывался этотъ порядокъ, т. е. съ законами, «кои странѣ сей свойственны», какъ говорилось въ указѣ Комиссіи финляндскихъ дѣлъ отъ 18 октября 1809 г. Законы оставлялись (судя по тексту присяги сословій, собранныхъ въ Борго) «въ томъ видѣ, какъ они существуютъ и дѣйствуютъ». На финляндской же территоріи «lois fondamentales» не могли, конечно, дѣйствовать и примѣняться въ полномъ ихъ объемѣ, ибо Финляндія не представляла изъ себя нѣчто цѣлое, или самостоятельное: она была частью шведскаго государства и потому она отдѣльно въ коренныхъ законахъ Швеціи вообще не упоминалась. Финляндія не имѣла своего Государственнаго Совѣта, своего двора, своихъ государственныхъ атрибутовъ; она не рѣшала вопросовъ о войнѣ и мирѣ, о союзѣ съ иностранными государствами, не имѣла своей монеты, своего особаго войска, флота и т. п. Очевидно, поэтому, что коренные законы дѣйствовали въ ней лишь отчасти, а не полностію. Этимъ обстоятельствомъ объясняется также и тотъ фактъ, что грамота 15 марта 1809 г. не содержитъ въ себѣ упоминанія о законахъ 1772 и 1789 гг., а Ребиндеръ, Тенгстрёмъ, де-Гееръ и Спренгтпортенъ вычеркивали ссылки на нихъ въ присягѣ депутатовъ, регламентѣ совѣта и другихъ актахъ. Своихъ собственныхъ коренныхъ законовъ Финляндія не имѣла, а принимала лишь участіе въ нихъ, какъ составная часть Швеціи. Финны посылали своихъ представителей на риксдаги, когда ихъ звали, но своего риксдага не имѣли и отъ русскихъ Монарховъ его не получили: имъ дарованъ былъ ландтагъ, т. е. сеймъ или мѣстное земское собраніе, а не собраніе государственныхъ чиновъ[1]). Мѣстные сеймы существовали

---

[1]) Представленіе о сеймѣ во время присоединенія Финляндіи было у всѣхъ неясно и неопредѣленно: одни полагали, что сеймъ въ Борго со-

въ провинціяхъ Швеціи, но къ началу XVII ст. они прекратили свое существованіе. Полномочія риксдага на финляндскій сеймъ никогда ни однимъ закономъ не были перенесены. На сеймѣ въ Борго, за неимѣніемъ другихъ правилъ, руководились отчасти сеймовымъ уставомъ Швеціи (1617 г.) и примѣнительно къ нему устроили внутренній распорядокъ сего собранія представителей края; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы прежній шведскій сеймовый уставъ сохранилъ свою силу въ Финляндіи послѣ 1809 г. Лучше всего эту истину сознавали сами финляндцы. Когда въ 1863 г. нужно было созвать сеймъ въ Гельсингфорсѣ, то они не рѣшились руководствоваться прежнимъ закономъ Швеціи, а сочинили свое «Краткое изложеніе дѣйствующихъ (?) постановленій и принятыхъ обычаевъ (!), которые примѣняются къ порядку на сеймахъ въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ» [1]). Отсюда ясно, что дѣйствіе шведскаго сеймоваго устава финляндцы на себя не распространяли, и своимъ представителямъ не присвоивали правъ, принадлежавшихъ шведскому риксдагу.

Все это вновь и вновь показываетъ, что «государственныхъ» правъ Финляндія не получила. Она сохранила права сословій, религію, прежнія права поземельной собственности, судъ, административное дѣленіе края, весь прежній свой строй и порядокъ, получила свой банкъ, осталась при прежней системѣ отбыванія воинской повинности, короче — ей даны были весьма широкія права, но все-таки права провинціи. Провинціи могутъ быть оставлены неприкосновенными ея законы, ея администрація, языкъ и пр., но отсюда до государственныхъ правъ и формъ весьма далеко. Даже «наличность цѣлой народной стихіи не даетъ еще

берется только для принесенія присяги; другіе — для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ. Государь колебался: то онъ желалъ сейма, то откладывалъ его.

[1]) Постановл. вел. кн. Финл. 1863 г., № 13. Этотъ своеобразный документъ, попавшій въ сборникъ постановленій, подписанъ однимъ только сенаторомъ Снельманомъ и тѣмъ не менѣе это «Краткое изложеніе» въ 1863 г. замѣнило собою сеймовый уставъ Швеціи, который въ свое время изданъ былъ при участіи риксдага, а не въ административномъ порядкѣ!

права предполагать или требовать государственной самостоятельности», какъ справедливо заявилъ Юр. Самаринъ (т. I). Завоеванной области можно было предоставить широкую «мѣстную автономію», но нельзя было допускать полнаго ея отчужденія, доходившаго до обособленія ея въ отдѣльное государство, съ особыми подданными и съ особой территоріей. Завоеватель Финляндіи этого и не допустилъ, поставивъ ее на подобающее ей мѣсто «въ чредѣ народовъ, скипетру Россійскому подвластныхъ и единую Имперію составляющихъ», какъ значится въ манифестѣ 5 іюня 1808 г., т. е. въ государственномъ смыслѣ финляндцы не были отдѣлены отъ остальнаго населенія Россіи. Сенатъ Финляндіи также не знаменуетъ собою ея государственнаго положенія. Когда проектъ сената (или правительственнаго совѣта) передавался на заключеніе сейма въ Борго, то М. Сперанскій писалъ по этому поводу, что Государь одобрилъ этотъ «планъ общей администраціи для Финляндіи» (le plan de l'administration general de la Finlande). Впослѣдствіи (1811 г.) тотъ же Сперанскій увѣдомилъ финляндскаго генералъ-губернатора, что «совѣтъ (сенатъ) устроенъ не по праву конституціи, но по единому усмотрѣнію правительства» [1]). Припомнимъ еще манифестъ 9 февраля 1816 г., на который такъ часто и охотно ссылаются финляндцы. Переименовывая совѣтъ въ сенатъ, Императоръ писалъ: «Нынѣ достигши.... случая, безъ препятствій отъ попеченій внѣшнихъ, посвятить занятія на управленіе внутренними дѣлами государства Нашего, а въ числѣ оныхъ и касающимися особенно до Финляндіи, находимъ Мы, для вящшаго ознаменованія намѣренія Нашего объ упомянутомъ мѣстномъ управленіи края... дать Финляндскому высшему правительству названіе Финляндскаго сената»... Послѣ сказаннаго становится также вполнѣ понятнымъ заявленіе барона Маннергейма — современника присоединенія Финляндіи — что «существенною стороною сейма (въ Борго) было торжественное обѣщаніе Государя сохранить законы страны, права и привилегіи, а также учрежденіе упра-

---

[1]) Сборн. историч. матер. (изд. Н. Дубровина); вып. III, 1890 г., стр. 307.

вленія совершенно обособленнаго отъ русскаго, благодаря учрежденію Правительственнаго Совѣта». Въ этомъ обособленномъ отъ Россіи внутреннемъ управленіи— вся конституція Финляндіи, по мысли ея Державнаго Покорителя. Объ ограниченіи власти, въ смыслѣ нынѣшнихъ конституцій, тогда и рѣчи не было. Этого ограничивающаго значенія слово «конституція» въ началѣ вѣка еще не успѣла пріобрѣсти даже на европейскомъ континентѣ. Сеймовый уставъ Швеціи 1617 года также власти короля не ограничивалъ, такъ какъ предоставлялъ ему право выбирать между мнѣніями большинства и меньшинства[1]). Не слѣдуетъ къ тому же забывать, что, благодаря Акту соединенія и безопасности 1789 г., т.-е. незадолго до присоединенія Финляндіи, шведскіе короли вернулись къ самодержавію.

Остается еще самый фактъ созыва земскихъ чиновъ въ Борго въ 1809 г. Знаменуетъ ли собою этотъ сеймъ дарованіе Финляндіи конституціи, т. е. признаніе Императоромъ Александромъ I обязательной силы шведской Формы правленія 1772 г., въ смыслѣ основного государственнаго закона, ограничивающаго державныя права Россійскихъ Монарховъ и предоставляющаго Финляндіи право на государственную самостоятельность? То, что было ранѣе сказано о Сеймовомъ уставѣ 1617 г. и о примѣненіи Формы правленія 1772 г. въ значительной мѣрѣ уже разрѣшаетъ вопросъ. Первымъ закономъ установленъ былъ институтъ сеймоваго представительства, въ видѣ общихъ сеймовъ (риксдаговъ), вмѣсто существовавшихъ ранѣе областныхъ сеймовъ, и этотъ институтъ существовалъ въ Швеціи совершенно независимо отъ того, какими правами пользовались сеймы. А права эти въ разное время были неодинаковы. Въ XVII столѣтіи они опредѣлялись въ такъназываемыхъ королевскихъ присягахъ и удостовѣреніяхъ, и до 1682 г. сеймъ пользовался правомъ ограничивать королевскую власть въ законодательствѣ и въ другихъ дѣлахъ. Съ 1682 г. королевская власть въ Швеціи по закону

---

[1]) См. соч. Эдв. Берга, Finlands Statsl. utveckling; 1889 г., стр. 21.

сдѣлалась совершенно неограниченною, и король получилъ право, по своему усмотрѣнію, принимать или не принимать въ соображеніе заключенія сейма. Историкъ шведскаго государственнаго права Науманъ[1]), по поводу состоявшагося тогда на сеймѣ 1682 г. закона о правахъ короля, пишетъ: «такимъ образомъ, теперь отъ королевскаго благоусмотрѣнія зависѣло, предоставлять сеймовымъ чинамъ участіе въ измѣненіи общаго закона или нѣтъ. Вся законодательная власть безъ исключенія передана была королю. Въ своемъ утвержденіи постановленія сеймовыхъ чиновъ король (Карлъ XI) объявилъ, что «возводитъ это постановленіе въ законъ на вѣчныя времена и постановляетъ, что всякій, кто будетъ замышлять что-либо противъ этого закона, признаваемъ будетъ виновнымъ въ государственномъ преступленіи». Послѣ изданія постановленія 1682 г., сеймы въ Швеціи созывались попрежнему, на основаніи Сеймоваго устава 1617 г., но они имѣли лишь совѣщательный характеръ. Такъ продолжалось до 1720 г., когда начался періодъ сословной вольницы.

Какъ въ самой Швеціи институтъ сеймоваго представительства существовалъ (при короляхъ Карлѣ XI и Карлѣ XII) на основаніи Сеймоваго устава 1617 г. безъ права ограниченія верховной власти, а лишь съ совѣщательнымъ голосомъ, такъ могъ и можетъ онъ существовать въ Финляндіи, независимо отъ Формы правленія 1772 г. Въ иномъ видѣ этотъ институтъ и невозможно было оставить для Финляндіи послѣ того, какъ она перешла «въ собственность и державное обладаніе Имперіи Россійской» и стала составною частью русскаго царства съ его исконно Самодержавною Верховною властью. Такъ въ дѣйствительности и поставлено было дѣло сейма. Сословные представители засѣдали въ Борго, но шведской Формы правленія 1772 г. они не примѣняли и, слѣдовательно, въ созывѣ сейма 1809 г. нельзя видѣть признанія Александромъ I прерогативъ «второй государственной власти».

[1]) «Исторія шведскаго государственнаго права» изд. 1878 г. (на швед. яз.), стр. 282 (284—288).

Въ теченіе полустолѣтія послѣ сейма въ Борго, земскіе чины Финляндіи не собирались. Финляндскіе дѣятели прибѣгали и къ просьбамъ и къ ухищреніямъ, но безрезультатно. Гр. Г. М. Армфельтъ и его друзья, видя, что сеймъ не созывается, задумали поднять вопросъ о національномъ войскѣ, въ надеждѣ, что столь большое и серьезное дѣло не будетъ рѣшено Императоромъ безъ представителей народа. Отвѣтъ Государя очень поучителенъ. «Слушайте!—сказалъ Александръ Павловичъ... Зачѣмъ мнѣ подвергать себя отказу, если бы я посовѣтовался съ народомъ (на сеймѣ), или порицанію или недовѣрію, если бы я захотѣлъ воздѣйствовать на него мѣрами произвольными» [1]). Въ этихъ словахъ достаточно опредѣленно сказалось отношеніе Императора Александра I къ сеймамъ.

Открывались затѣмъ неоднократно сеймы въ Польшѣ, но финляндскій сеймъ не возобновлялся.

Объясненіе этому обстоятельству кроется не только въ томъ «реакціонномъ» движеніи, которое проявилось въ Европѣ, не только въ нарожденіи тайныхъ обществъ и перемѣнахъ, происшедшихъ въ самомъ характерѣ Государя, но также и въ тѣхъ колебаніяхъ, которыя сказались въ воззрѣніяхъ самихъ финляндцевъ на пользу и значеніе сейма. Колебались такіе руководители финляндской политики того времени, какъ Эренстрёмъ (Ehrenström) и Аминовъ[2]). Въ 1812 г. гр. Армфельтъ задумалъ преобразовать все управленіе Финляндіи. Эренстрёмъ, высказываясь по этому

[1]) Наблюдатель, 1896, XII, 213 и 237; Русская Старина, 1866, VIII, 131 и 152 (та и другая статьи суть извлеченія изъ соч. E. Tegnéra о гр. Г. М. Армфельтѣ).

[2]) De tre gustavianerna, соч. T. Hartman'a; H-fors, 1899; стр. 275, 281 и 318. Можно кстати указать на крупнаго финляндскаго дѣятеля сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ—сенатора Гартмана,—который также не сочувствовалъ возобновленію сеймовъ въ Финляндіи. Онъ опредѣленно держался того воззрѣнія, что основные принципы управленія Финляндіи должны быть однородны съ тѣми, которые дѣйствуютъ въ Имперіи, съ коей Финляндія соединена. Въ одномъ изъ своихъ писемъ 1854 г. къ гр. А. Армфельту, Гартманъ сказалъ: «не смотря на то, что Финляндія управляется сама по себѣ, единообразіе должно быть господствующимъ въ принципѣ управленія. Въ этомъ именно отношеніи, по мнѣнію моему, ассимиляція съ родственной страной («la mère patrie», т. е. съ Россіей) можетъ быть исподволь осуществлена». См. I. W. Snellman, соч. Т. Рейна; т. II, ст. 243.

поводу, писалъ тогда: «Я не вижу никакого достаточнаго основанія къ тому, чтобы для реформы управленія (сената) были созваны земскіе чины и нужно было испрашивать на то ихъ согласіе, такъ какъ вопросъ не касается наложенія новыхъ налоговъ. Я признаю даже опаснымъ (vådligt) выслушивать ихъ въ этомъ отношеніи... и это означало бы излишне далеко расширять ихъ власть». Аминовъ въ 1817 г. подалъ Государю особую записку, въ которой вовсе отсовѣтывалъ (afstyrka) созывать сеймы въ иныхъ случаяхъ, кромѣ необходимости установленія новыхъ налоговъ и изданія новыхъ законовъ, такъ какъ Монархъ самъ имѣетъ возможность рѣшать дѣла безъ содѣйствія земскихъ чиновъ. Для новыхъ налоговъ, по мнѣнію Аминова, не было надобности созывать сейма, такъ какъ страна не въ состояніи была ихъ нести; что же касается вопроса объ изданіи законовъ, то Аминовъ считалъ своею вѣрноподданническою обязанностію указать, во-первыхъ, на то, что финляндскія сословія еще не созрѣли для исполненія столь серіознаго долга, и, во-вторыхъ, какъ показала вся исторія Швеціи, частые сеймы лишь подрываютъ основы государства. Наконецъ, авторъ промеморіи предостерегалъ Государя, что сословіямъ не слѣдуетъ передавать на разсмотрѣніе вопросовъ, подлежащихъ единоличному рѣшенію Монарха [1]). Чтобы мнѣнія, высказанныя въ запискѣ, имѣли бо́льшее значеніе, Аминовъ подчеркнулъ свой опытъ и свою компетентность въ подобныхъ дѣлахъ. Финляндцы сперва терялись въ догадкахъ, не умѣя объяснить причинъ, вызвавшихъ столь рѣзкую перемѣну въ воззрѣніяхъ Государя на финляндскій сеймъ и приписывали ихъ вліянію лукавыхъ совѣтниковъ и ложныхъ инсинуацій, которые могли проникнуть къ Императору, во время его поѣздки въ Або въ 1812 г.

Послѣ извѣстной варшавской рѣчи 1818 г. финляндскій статсъ-секретаріатъ пріободрился, и Ребиндеръ осторожно принялся за составленіе проекта «конституціи». Чтобы всесторонне обсудить вопросъ, онъ вступилъ въ

---

[1]) Hartman; стр. 348.

переписку съ друзьями и дѣятелями того времени. Теперь уже Аминовъ измѣнилъ свои взгляды и стоялъ за необходимость сейма, надѣясь, между прочимъ, при посредствѣ его расшевелить народъ, который совершенно безучастно относился ко всѣмъ конституціоннымъ планамъ своихъ господъ. Однако, какъ извѣстно, ни одному изъ проектовъ не суждено было осуществиться, и положеніе Финляндіи, по выраженію Эренстрёма, оставалось временнымъ (provisoriska) [1]. Чтобы выйти изъ этой неопредѣленности, нужна была, по мнѣнію мѣстныхъ дѣятелей того времени, новая «конституція», согласовашая съ тѣмъ положеніемъ, которое заняла Финляндія послѣ 1809 г. въ чредѣ народовъ, Россійскому скипетру подвластныхъ.—Необходимость такого согласованія не должна быть забываема, и первые сотрудники Государя по устроенію края понимали, что иначе нельзя обезпечить новаго устройства Финляндіи. Генералъ Спренгтпортенъ, напр., наиболѣе хлопотавшій о самостоятельности Финляндіи, отлично понималъ, что этому краю Императоръ Александръ I могъ даровать новые законы лишь «поскольку они не противорѣчили интересамъ имперіи». Точно также и гр. Г. М. Армфельтъ, когда добивался учрежденія «особаго бюро для дѣлъ Финляндіи» съ чиновниками «изъ среды финской молодежи», находилъ, что незамѣтно и постепенно нужно образовать «людей, способныхъ занимать административныя мѣста, приспособляя ихъ къ правамъ и обычаямъ остальной имперіи» [2]. Форма же правленія 1772, очевидно, противорѣчила интересамъ имперіи и не согласовалась съ русскими правами и обычаями.

Царствованіе Императора Николая I.

Царствованіе Императора Николая I не богато отдѣльными эпизодами, рисующими сочувственное отношеніе сего Монарха къ финляндской «конституціи», поэтому оно не нашло себѣ мѣста въ исторіи «государственнаго» права Финляндіи и не упоминается въ отзывахъ сейма и сената [3].

---

[1]) Соч. Hartman'a; 1899 г., стр. 348—361.
[2]) Дубровинъ, Н.—Сборникъ, 1890, вып. III, 289.
[3]) Существуетъ разсказъ, передаваемый біографомъ министра статсъ-

Манифестъ о финляндскихъ привилегіяхъ былъ подписанъ 12 декабря, и такимъ образомъ вновь были удостовѣрены коренные законы, права и преимущества княжества, однако сеймы ни разу при Императорѣ Николаѣ I не созывались, и новыя законоположенія исходили обычнымъ порядкомъ отъ Россійскаго Самодержца, который являлся единственнымъ законодателемъ Финляндіи. Ссылаясь на Высочайшее постановленіе 2 августа 1827 г.,—въ которомъ имѣется оговорка о томъ, что обстоятельства не позволили Государю созвать земскихъ чиновъ великаго княжества,—финляндцы дѣлаютъ тотъ выводъ, что Императоръ Николай I признавалъ свою власть ограниченной сеймами. Одинъ частный случай едва ли можетъ служить основаніемъ къ такому широкому обобщенію. Но кромѣ того, достаточно только прочесть все это чрезвычайно характерное постановленіе, чтобы оцѣнить выводъ, дѣлаемый изъ него финляндцами.

«Мы, при всегдашнемъ Нашемъ попеченіи о способствованіи общему благосостоянію и пользамъ всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ и о водвореніи единодушія и взаимнаго довѣрія между различными, подвластными Скипетру Нашему, народами, обратили съ прискорбіемъ вниманіе Наше на то, что натурализованныя въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ лица той вѣры, которую Мы сами исповѣдуемъ, не имѣютъ права вступать въ службу онаго края, хотя перемѣнившіяся политическія его отношенія, равно какъ истинная и съ просвѣщеніемъ вѣка сообразная терпимость, требуютъ измѣненія въ древнихъ законоположеніяхъ, состоявшихся при обстоятельствахъ, вовсе отличныхъ отъ тѣхъ, кои нынѣ существуютъ».

«Мы увѣрены, что жители Финляндіи, извѣстные по прямодушію и свободному отъ предразсудковъ образу мыслей ихъ, сами усмотрятъ, что собственная ихъ и страны

секретаря Ребиндера, о томъ, что въ 1825 г., когда Императоръ Николай Павловичъ, при подписаніи манифеста о финляндскихъ привилегіяхъ, пожелалъ измѣнить его текстъ, то Ребиндеръ произнесъ: «Sire, tout ou rien» По другой же версіи, Ребиндеръ, стоя на колѣняхъ, умолялъ Государя подписать «обычное удостовѣреніе». Какая версія болѣе согласуется съ истинной не трудно опредѣлить. См.: соч. Кастрена и Спельмана.

ихъ польза требуетъ прекращенія отношеній, кои вмѣсто соединенія и взаимнаго между собою сближенія подданныхъ, пользующихся отеческими Нашими попеченіями и состоящихъ подъ покровительствомъ и защитою одного и того же Государства, заключаютъ въ себѣ начала недовѣрія, несогласія и недоброжелательства».

«Принявъ же въ уваженіе, что обстоятельства и попеченія Наши по прочимъ частямъ управленія не дозволяютъ Намъ нынѣ созвать земскихъ чиновъ великаго княжества и что съ другой стороны дальнѣйшее существованіе вышеизображенныхъ отношеній могло бы произвесть важныя неудобства, Мы, сообразно съ обязанностями Державнаго Нашего сана, признали за благо постановить правила, главнѣйшее изъ коихъ заключалось въ томъ, что лица грекороссійскаго исповѣданія, пріобрѣвшія уже въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ гражданское право или впредь оное пріобрѣтающія, получили право поступать въ гражданскую и военную службу того края и, соразмѣрно способностямъ и заслугамъ своимъ, быть опредѣляемыми въ должности, съ соблюденіемъ однакожъ при томъ дѣйствующихъ мѣстныхъ постановленій, исключая изъ того токмо экзамены по богословскому факультету, отъ коихъ помянутыя лица грекороссійскаго исповѣданія во всѣхъ случаяхъ освобождаются».

Царствованіе Имп. Александра II. Приготовленія къ сейму 1863 г.

Новый періодъ въ исторіи финляндскаго сейма начался съ марта 1856 г., т. е. съ того дня, когда Императоръ Александръ II, лично предсѣдательствуя въ финляндскомъ сенатѣ, намѣтилъ рядъ реформъ для края. Приступивъ къ осуществленію ихъ, финляндцы, пользуясь случаемъ, чаще и чаще стали указывать на необходимость выслушать «голосъ народа». О необходимости созвать земскихъ чиновъ говорила и раньше мѣстная печать, но очень робко и рѣдко. Чаще другихъ дерзалъ произносить это слово публицистъ и профессоръ (а впослѣдствіи сенаторъ) I. В. Снельманъ въ своихъ изданіяхъ. Но громко впервые оно было произнесено во время коронаціонныхъ торжествъ (1856 г.) въ университетѣ (спи-

скопомъ Шауманомъ и ректоромъ Рейномъ [1]). Рѣчи признаны были въ правительственныхъ сферахъ неумѣстными, но на нихъ обратили вниманіе. Слово «сеймъ» сдѣлалось лозунгомъ всѣхъ патріотовъ; его подхватила печать и разнесла по странѣ.

Въ 1859 г. сенатъ неожиданно получилъ запросъ изъ статсъ-секретаріата о томъ, какія дѣла наиболѣе настоятельно требуютъ созыва земскихъ чиновъ. Политическія обстоятельства не благопріятствовали тогда созыву сейма, почему въ статсъ-секретаріатѣ задумали открыть особую комиссію изъ сословныхъ представителей, которая въ прежнія времена въ Швеціи иногда замѣняла собой риксдаги. Несмотря на то, что генералъ-губернаторъ края, гр. Бергъ, находился тогда въ Петербургѣ, планъ этой комиссіи былъ разработанъ настолько отъ него тайно, что онъ узналъ о немъ лишь тогда, когда Государь, встрѣтивъ его на выставкѣ, пригласилъ во дворецъ для обсужденія плана, представленнаго уже на Высочайшее утвержденіе [2]).

Отношенія гр. Берга къ сейму настолько своеобразны, что заслуживаютъ быть отмѣченными, тѣмъ болѣе, что онѣ недавно впервые сдѣлались извѣстными. О нихъ, стоявшій близко къ нему, Снельманъ разсказываетъ слѣдующее. Изъ Петербурга получена была телеграмма, съ воспрещеніемъ дальнѣйшихъ приготовленій къ сейму. «Дѣло (сейма),—прибавилъ графъ, сообщившій о телеграммѣ,—для меня не новое; куда я ни пріѣзжалъ въ Финляндіи, всюду мнѣ говорили о необходимости сейма. Но объ этомъ не нужно кричать на площадяхъ. Смотрите, въ Лифляндіи мы имѣемъ ландтаги, однако о нихъ никто не говоритъ и, благодаря этому, мы получили возможность сохранить ихъ». По словамъ Снельмана, гр. Бергъ часто и охотно возвращался къ этому наглядному примѣру. Газетамъ воспрещено было касаться вопроса о сеймѣ. Нетерпѣливый Снельманъ порывался завести рѣчь о земскихъ чинахъ въ своемъ изда-

---

[1]) Біографія Снельмана, составленная Т. Рейномъ; 1899, ч. II, стр. 145 и др. (на швед. яз.). Шюбернсонъ. Ur Finlands Konstitutionella historia 1809—1863. H—fors, 1898, стр. 61 и др.

[2]) Соч. Снельмана, Postuma.

nii. но графъ отклонилъ его просьбу, прибавивъ: «Sonst verderben Sie mir mein Werk». Прошло еще нѣкоторое время, и приготовленія къ сейму возобновились. Предстояло созвать (въ 1861 г.) такъ-называемую январскую коммиссію для составленія проектовъ сеймовыхъ предложеній [1]). Манифестъ объ этой комиссіи подняль на ноги либеральную партію края, которая, усмотрѣвъ въ распоряженіи правительства полнѣйшее нарушеніе основныхъ законовъ края, опасалась, что впредь подобныя коммиссіи замѣнятъ собою сеймы. «Если бы этотъ манифестъ былъ принятъ спокойно и безучастно, — писалъ публицистъ Авг. Шауманъ: — то тѣмъ самымъ Финляндія навсегда отказалась бы отъ своихъ политическихъ правъ» [2]). Рѣшено было возбудить общество къ протесту. Съ этой цѣлью устроены были тайныя сходки въ Гельсингфорсѣ. При разсмотрѣніи дѣла о коммиссіи въ сенатѣ, большинство преклонилось предъ ходомъ событій. но пятеро изъ сенаторовъ остались при особомъ мнѣніи. Протестовавшимъ устроили серенаду изъ патріотическихъ пѣсней. Затѣмъ произошла уличная демонстрація съ пѣніемъ финляндской марсельезы - «Бьернеборгскаго марша» — и съ криками: «да здравствуютъ основные законы» [3]). Однако толпа не превышала 500 человѣкъ.—Въ то же время на сходкѣ въ Гельсингфорсѣ постановили добиться отмѣны манифеста путемъ подачи особаго адреса. Чтобы придать адресу значеніе общественнаго протеста, посланы были гонцы за окрестными помѣщиками [4]).

Члены январской коммиссіи, съ своей стороны. поспѣшили заявить, что «они, по образу своего собранія и по свойству своей дѣятельности, не представляютъ края и его земскихъ чиновъ»... Снельманъ выразилъ желаніе образумить соотечественниковъ особой статьей. Бесѣдуя по по-

---

[1]) «Нов. Время» 1897 г., № 7555.

[2]) Воспоминанія его (на швед. яз.): 1891, вып. VIII, стр. 379—399.

[3]) Гр. Бергъ находилъ, что «Бьернеборгскій маршъ» болѣе на мѣстѣ въ лагерѣ Гарибальди, чѣмъ среди финскихъ студентовъ. (Письмо его къ гр. Армфельту 7 авг. 1860 г.).

[4]) Событія 1899 г. и адресъ-протестъ, направленный противъ манифеста 3 февраля, значительно напоминаютъ собою все описанное. являясь въ нѣкоторомъ родѣ какъ бы повтореніемъ плана агитаторовъ 1861 г.

воду ея съ гр. Бергомъ, онъ услышалъ отъ него слѣдующее заявленіе: «Совершенно вѣрно, что за коммиссіей неизбѣжно долженъ послѣдовать сеймъ, но намъ нельзя показывать нетерпѣнія: man darf seine Majestät nicht brüskiren». Заканчивая біографію сего генералъ-губернатора, Снельманъ прибавляетъ: «Гр. Бергъ былъ лифляндецъ по образованію и по воззрѣніямъ, и потому у него не могло возникнуть желанія устроить въ Финляндіи русскую пропаганду»[1]). «Я смѣю утверждать,—прибавляетъ другой публицистъ края:—что Финляндія за свою автономію обязана благодарить именно этого человѣка» (т. е. гр. Берга)[2]).

6 (18) сентября 1863 г. Государь Императоръ Александръ II открылъ второй финляндскій сеймъ въ Гельсингфорсѣ рѣчью, исполненной широкихъ конституціонныхъ обѣщаній. Рѣчь эту поручено было составить финляндскому сенатору Снельману, чѣмъ и объясняются многія ея особенности[3]). Не касаясь всей рѣчи, остановимся на той ея части, въ которой говорилось о томъ, что «многія постановленія коренныхъ законовъ великаго княжества оказываются несовмѣстными съ положеніемъ дѣлъ, возникшихъ послѣ присоединенія этого княжества къ имперіи; другія страдаютъ недостаткомъ ясности и опредѣленности. Желая исправить эти недостатки, Я имѣю намѣреніе, —говорилъ Императоръ,— поручить составленіе проекта законовъ, который, заключая въ себѣ поясненія и дополненія къ этимъ постановленіямъ, предложенъ будетъ на разсмотрѣніе послѣдующаго сейма, который Я предполагаю созвать черезъ три года». Вотъ, слѣдовательно, съ чего должны были начаться нововведенія. Нужно было составить проектъ коренныхъ законовъ; пока же эти законы оставались неясными и неудобопримѣнимыми, они не могли, конечно, «стѣснять

---

[1]) Полное собр. соч. Снельмана. Біографія гр. Берга, написанная въ 1874 г. См. еще т. VI, 1895 г., стр. 620.

[2]) Авг. Шауманъ. Воспомин., VIII, 226.—Когда гр. Бергъ уѣхалъ изъ Финляндіи, то обрадованная публика, собравшаяся въ шведскомъ театрѣ, потребовала исполненія «національнаго гимна».

[3]) См.: Minnestal öfver I. W. Snellman af Th. Rein. H-fors; 1892, стр. 27—28. Редактированіе французскаго текста рѣчи возложено было на русскаго дипломатическаго чиновника, г. Гамбургера.

или въ чемъ-либо ограничивать исконную Самодержавную власть».

Подготовительными работами по составленію проекта коренныхъ законовъ занялись въ статсъ-секретаріатѣ и опять настолько тайно, что генералъ-губернаторъ края Рокасовскій узналъ о нихъ лишь случайно. Между тѣмъ министръ статсъ-секретарь, гр. А. Армфельтъ, успѣлъ достичь утвержденія Государемъ предварительныхъ программъ намѣченныхъ реформъ [1]). Въ тѣ времена съ представителемъ русской власти въ краѣ считались вообще очень мало, и статсъ-секретаріатъ, помимо его, велъ свою политику, пользуясь своей близостью къ трону и высокимъ довѣріемъ Монарха. Въ декабрѣ 1864 г. финляндскіе дѣятели статсъ-секретаріата задумали также преобразовать сенатъ, съ тѣмъ, чтобы изъ судебнаго его департамента создать отдѣльный верховный судъ, а главное, чтобы генералъ-губернаторъ «перестатъ быть предсѣдателемъ сената» [2]). Подобные проекты преобразованія возникали и раньше. Въ 1812 г., напр., Эренстрёмъ предлагалъ реформу совѣта произвести въ томъ направленіи, чтобы создать при генералъ-губернаторѣ особый совѣтъ изъ четырехъ членовъ и въ немъ сосредоточить высшую власть края, и выдѣлить изъ состава совѣта Высшій судъ. Такой же проектъ былъ составленъ сенаторомъ Рутчиркомъ (Rotkirch). Баронъ П. Н. Рокасовскій узналъ о проектѣ преобразованія сената въ маѣ 1865 года и поспѣшилъ представить свое объясненіе. «Для меня какъ ни дороги интересы финляндцевъ къ правильному ихъ развитію и благоденствію края, — писалъ онъ:—но не могу этого желать въ ущербъ интересовъ имперіи... Въ предполагаемомъ преобразованіи сената, съ назначеніемъ финляндскаго уроженца предсѣда-

Программа 1864 г.

[1]) Финл. окраина Россіи 1891 г.; I, 70. -Для чего нужно было скрыть начало дѣла отъ генералъ-губернатора? Не указываетъ ли это на шаткость того основанія, въ силу котораго оно задумано было въ статсъ-секретаріатѣ, и на потребность сими скрытыми ходами обезпечить успѣхъ первыхъ шаговъ.

[2]) Отношеніе статсъ-секретаріата къ тайн. сов. Кронстедту, за № 283 (1864 г.).

телемъ онаго, повидимому, главная цѣль заключается въ уничтоженіи вліянія генералъ-губернатора на дѣла управленія». Рокасовскій понялъ, что новый порядокъ поставитъ генералъ-губернатора въ «фальшивое положеніе» и окончательно лишитъ его возможности «добросовѣстно исполнять свои обязанности». Въ заключеніе онъ указалъ на то, что «въ послѣднее время многое измѣнилось въ здѣшнемъ обществѣ, явились новыя понятія о самостоятельности края, стремленіе къ сепаратизму и неуклонное желаніе обезпечить будущность. Испрошены были мало-по-малу и систематически разныя уступки, сами по себѣ незначительныя, но которыя, наконецъ, довершили отдѣленіе великаго княжества отъ имперіи» [1]).

Одновременно съ этимъ, барону Рокасовскому пришлось высказаться и противъ другой программы отъ 7 (19) декабря 1864 г., которая должна была лечь въ основу выработки новаго уложенія (или Формы правленія) для великаго княжества Финляндскаго. Въ названной программѣ говорится о томъ, чтобы комитетъ, которому поручено будетъ составленіе проекта объясненій и дополненій основныхъ законовъ великаго княжества, «имѣлъ въ виду не только, чтобы Форма правленія 1772 г. и Актъ соединенія и безопасности 1789 г., а также ниже сего указанныя Его Величествомъ узаконенія были соединены въ одинъ актъ или основной законъ подъ названіемъ «Уложенія для великаго княжества»... Вслѣдствіе того, что въ программѣ 1864 г. поименованы законы 1772 и 1789 гг., финляндскій сенатъ нынѣ приложилъ ее къ своему всеподданнѣйшему заключенію, какъ доказательство того, что эти основные законы признавались Государемъ и, слѣдовательно, являлись дѣйствующими въ Финляндіи [2]). Ни въ какія дальнѣйшія объясненія по сему вопросу сенатъ не вдался.

Но указанное интересное дѣло имѣетъ и другую сто-

---

[1]) Финляндскія власти, отрицая наличность сепаратизма, о которомъ писалъ Рокасовскій, признали однако, что въ краѣ есть «лица, питающія не совсѣмъ доброе расположеніе къ Россіи, а быть-можетъ, и желанія, несогласныя съ зависимостію Финляндіи отъ имперіи»...

[2]) Всепод. заключеніе финл. сената, 1899 г., стр. 31.

рону и очень существенное продолженіе, которыя сенатомъ не пояснены и не разсказаны, почему исторія програмы 1864 г. освѣщена, по обыкновенію, очень односторонне. До какой степени односторонне финляндскій сеймъ и сенатъ вообще освѣщаютъ политическое положеніе великаго княжества въ своихъ отзывахъ и заключеніяхъ, можно видѣть уже изъ одного того обстоятельства, что ни земскіе чины ни сенаторы ни разу не упомянули о Фридрихсгамскомъ договорѣ, которымъ установлено было новое положеніе Финляндіи послѣ 1809 г.! Такъ какъ цѣль настоящаго очерка заключается главнымъ образомъ въ томъ, чтобы восполнить недосказанное финляндцами, то мы представимъ здѣсь нѣсколько фактовъ изъ времени, непосредственно послѣдовавшаго за тронною рѣчью 1863 г., дабы явилась возможность вѣрнѣе и многостороннѣе опредѣлить отношеніе Императора Александра II къ основнымъ законамъ Финляндіи.

Програма начинается ссылками, хотя и неопредѣленными, на Форму правленія 1772 г. и Актъ соединенія и безопасности 1789 г. Но вслѣдъ за сими ссылками сейчасъ же дѣлается указаніе на то, чтобы не упускался изъ вида основной принципъ, составляющій главное основаніе прежнихъ законоположеній и особо означенный въ § 1 Акта безопасности. А въ этомъ § 1 значится, что наслѣдственный король (Швеціи) «имѣетъ полную власть управлять государствомъ, защищать, спасать и оборонять его; начинать войну, заключать миръ и союзъ съ иностранными державами; миловать, возвращать жизнь, честь и имущество; постановлять по своему высокому благоусмотрѣнію о всѣхъ должностяхъ государства, которыя должны замѣщаться урожденными шведскими людьми и примѣнять и соблюдать законъ и правосудіе. Остальныя дѣла, относящіяся къ попеченію о государствѣ, «завѣдуются какъ королю покажется наиполезнѣйшимъ». Присоединимъ къ этому еще слѣдующія дальнѣйшія указанія програмы, что Финляндія—часть имперіи и съ ней неразрывно соединена и что по вопросамъ о престолонаслѣдіи, совершеннолѣтіи Наслѣдника и т. п. въ Финляндіи должны имѣть силу

основные законы имперіи. Все это, вмѣстѣ взятое, прежде всего показываетъ, что источникомъ всякой власти въ Финляндіи долженъ былъ остаться Всероссійскій Монархъ. И дѣйствительно, права земскихъ чиновъ намѣчались въ программѣ очень скромно и притомъ еще въ весьма неясныхъ выраженіяхъ.

О нихъ говорилось, что они имѣютъ право (сами?) собираться на сеймъ, что безъ ихъ содѣйствія впредь не желательно заключать займовъ и нельзя налагать податей; что же касается законодательства, то въ программѣ упоминается лишь о правѣ предложенія законовъ и постановленій, при чемъ сдѣлана ссылка на § 42 Формы правленія 1772 г., который оказывается совершенно неприменимъ къ Финляндіи уже по одному тому, что край этотъ не имѣетъ ни государственныхъ совѣтниковъ въ томъ значеніи, въ какомъ они существовали въ Швеціи, ни государственныхъ чиновъ, собиравшихся на риксдаги. Все это сейчасъ же и выяснилось на практикѣ. Когда земскіе чины сейма 1867 г. сослались на § 42 Формы правленія, то имъ немедленно было указано, въ особомъ рескриптѣ, что финляндскій сенатъ никакимъ закономъ не былъ облеченъ значеніемъ и правами существовавшаго до 1789 г. шведскаго государственнаго совѣта; а безъ наличности учрежденія, соотвѣтствующаго сему (шведскому) совѣту, невозможно говорить о примѣненіи къ Финляндіи § 42 Формы правленія 1772 г.[1]).

Разсмотрѣніе другихъ частей программы 1864 г. не входитъ въ нашу задачу, такъ какъ ихъ не касается и самъ сенатъ, приложившій эту программу къ своему заявленію.

Для составленія Уложенія великаго княжества Фин-

[1]) § 42 Формы правленія гласитъ: «когда нужно издавать новый законъ, то надлежитъ соблюдать слѣдующее: если его желаютъ государственные чины, то они совѣщаются между собою и когда достигнутъ соглашенія, то проектъ четырьмя тальманами передается Королевскому Величеству для истребованія Королевскаго мнѣнія. Королевское Величество спрашиваетъ тогда совѣта у государственныхъ совѣтниковъ и освѣдомляется объ ихъ мнѣніяхъ, а потомъ, обсудивши ихъ Самъ и принявъ свое рѣшеніе, Онъ призываетъ государственные чины въ государственную залу» и т. д.

ляндскаго по началамъ, указаннымъ программою 1864 г., учреждена была особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ ген.-лейт. Норденстама. Подъ перомъ коммиссіи Норденстама главное руководящее начало программы измѣнилось до полной его неузнаваемости. Въ подтвержденіе этого достаточно указать на двѣ статьи проекта Уложенія (или Формы правленія), выработаннаго этой коммиссіей.

Въ § 39 сказано: «Земскіе чины Финляндіи имѣютъ право сообща съ Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ постановить основной законъ, а также общія гражданское, уголовное, церковное и морское уложенія и измѣнить или прекратить таковые прежде изданные законы. Слѣдовательно, ни Государь Императоръ не можетъ безъ согласія земскихъ чиновъ, ни земскіе чины не могутъ безъ согласія Государя Императора постановить какіе-либо подобные законы или отмѣнить прежніе. Основными законами Финляндіи считаются сіе Уложеніе и Сеймовый уставъ» (составлявшійся одновременно съ симъ Уложеніемъ). Въ § 40 говорилось: «Основной законъ можетъ быть постановленъ, измѣненъ или прекращенъ только по предложенію Государя Императора. Вопросы объ установленіи, измѣненіи или отмѣнѣ общаго гражданскаго, уголовнаго, церковнаго и морскаго уложенія могутъ, кромѣ таковаго предложенія, быть возбуждаемы также и чрезъ предложенія сословій. Одинаковое право предложенія предоставлено земскимъ чинамъ также по всѣмъ другимъ вопросамъ, зависящимъ отъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора и земскихъ чиновъ».

Гдѣ же въ этихъ §§ «основной принципъ, составляющій главное основаніе прежнихъ законоположеній и особо означенный въ § 1 Акта безопасности» о томъ, что государь «имѣетъ полную власть управлять государствомъ?» Ясно, что коммисія Норденстама дѣлала не то, что ей поручено было.

Направленіе работъ коммиссіи было тогда же оцѣнено, и проектъ Уложенія для великаго княжества Финляндскаго не удостоился Высочайшаго утвержденія. Съ одной стороны, какъ мы видѣли, Уложеніе не соотвѣтствовало глав-

ной мысли програмы 1864 г., а съ другой, очевидно, что Императоръ Александръ II вовсе не былъ склоненъ на такія ограниченія своей власти, которыя вели къ полному обособленію Финляндіи въ отдѣльное государство. Кромѣ того, Государь замѣтилъ, что на сеймахъ сразу же стали обнаруживаться такія домогательства, которыя не обѣщали ничего хорошаго для интерессовъ имперіи, что побудило Его Величество въ слѣдующей же тронной рѣчи выразить свое сожалѣніе по поводу поведенія сословій[1]). Наконецъ, надо полагать, что не осталось безъ послѣдствій и слово генералъ-губернатора П. Н. Рокасовскаго, который написалъ, что «изданіе полнаго Уложенія, при настоящемъ настроеніи умовъ, можетъ дать поводъ къ неумѣстнымъ преніямъ на сеймѣ и въ нѣкоторой степени подкрѣпить невѣрныя понятія жителей о самостоятельности ихъ страны». Проектъ Уложенія не былъ переданъ на разсмотрѣніе сейма и остался такимъ образомъ безъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Итакъ, указаніе сената на програму 1864 г. не можетъ имѣть особаго значенія. Она составлена была одними финляндцами, которые въ данномъ дѣлѣ руководились весьма прозрачными цѣлями, кои и пытались скрыть отъ русской власти. Уложеніе не удостоилось утвержденія, и тѣмъ роль програмы 1864 г. была исчерпана. Этихъ фактовъ, очевидно, нельзя обходить молчаніемъ, разъ уже рѣчь заведена о програмѣ, такъ какъ въ нихъ заключается рѣшеніе затронутаго вопроса[2]).

Одновременно съ Формой правленія для великаго княжества Финляндскаго, комиссія ген.-лейт. Норденстама выработала проектъ Сеймоваго устава, который, по разсмотрѣніи его земскими чинами, былъ утвержденъ въ 1869 г.

Сеймовый уставъ.

---

[1]) На сеймѣ 1863 г. депутаты заспорили, напр., о томъ, допускать ли въ засѣданія земскихъ чиновъ — финляндскихъ дворянъ, пріѣхавшихъ изъ Россіи, а не постоянно проживающихъ въ Финляндіи?

[2]) Финляндцы вообще придаютъ преувеличенное значеніе програмамъ (1864 г.), отчетамъ (1811 г. М. Сперанскаго), черновымъ рескриптамъ, или проектамъ наказовъ (Штейнгелю, въ 1810 г.), что, конечно, свидѣтельствуетъ, въ извѣстной мѣрѣ, о силѣ ихъ аргументаціи, заставляющей прибѣгать къ подобнымъ доказательствамъ.

Этому уставу сеймъ и сенатъ придаютъ особое значеніе, во-1-хъ, потому, что въ § 71, — а также въ особой припискѣ подъ уставомъ, — имѣются ссылки на Форму правленія и Актъ соединенія и безопасности, а во-2-хъ, §§ 71 и 73, по мнѣнію финляндцевъ, ограничиваютъ Верховную власть. Въ виду такихъ указаній, необходимо разсмотрѣть названные §§ и приписку.

а) §§ 71 и 73.

Въ § 71 дѣйствительно имѣется упоминаніе о «Формѣ правленія». «Относительно вопросовъ объ измѣненіи или отмѣнѣ данныхъ сословіямъ привилегій, льготъ и преимуществъ или о пожалованіи новыхъ привилегій, дѣйствуютъ узаконенія, установленныя о томъ въ «Формѣ правленія». О которой Формѣ правленія идетъ здѣсь рѣчь? О Формѣ ли правленія въ 1772 г., или о «Формѣ правленія», проектъ которой былъ выработанъ въ 1865 г. комиссіей ген. Норденстама? Въ данномъ случаѣ это вопросъ довольно существенный, который не разрѣшается столь категорически въ пользу Формы правленія 1772 г., какъ это находитъ сеймъ. Дѣло въ томъ, что одновременно комиссія Норденстама вырабатывала и Форму правленія (или Уложеніе, какъ оно называлось въ русскомъ переводѣ для какихъ-то цѣлей) и Сеймовый уставъ, и оба проекта имѣли между собою тѣснѣйшую связь. Въ Формѣ правленія сосредоточены были всѣ главнѣйшія основныя законоположенія края; это былъ проектъ той полной конституціонной хартіи, которой до сей поры финляндцамъ не удалось провести. Тутъ изложены были статьи о политическомъ положеніи Финляндіи, объ ограниченной власти Монарха, о Верховномъ судѣ и т. д. Въ этой же Формѣ правленія находились тѣ знаменитые §§ 39 и 40, которые были уже нами цитированы и ставили Русскаго Монарха въ положеніе безправныхъ шведскихъ королей періода вольностей. Но, какъ уже указано, проектъ Формы правленія не былъ утвержденъ Императоромъ Александромъ II. Такъ какъ Сеймовый уставъ былъ составленъ въ полномъ соотвѣтствіи съ Формой правленія (1865 г.) и даже въ его развитіе, какъ законъ процессуальный, то не удивительно, что въ свое время въ Сеймовомъ уставѣ сдѣлана была ссылка на Форму правле-

нія 1865 г. Это представляется тѣмъ болѣе естественнымъ, что вслѣдъ за Формой правленія не поставлено никакой даты (не обозначено даже года). При работахъ комиссіи Норденстама предполагалось слить въ одну Форму правленія всѣ основные законы края. Эта Форма правленія (1865 г.) должна была упразднить Форму правленія 1772 г. и Актъ соединенія и безопасности 1789 г.; слѣдовательно, при обозначеніи новой Формы правленія не было надобности выставлять года, такъ какъ имѣлось въ виду, что она будетъ единственной въ Финляндіи. Все сказанное даетъ основаніе предположить, что въ § 71 Сеймоваго устава сдѣлана ссылка на новую Форму правленія 1865 г., а не на прежнюю 1772 г. Проектъ Формы правленія, составленный комиссіей ген. Норденстама, не удостоился утвержденія, но ссылка на нее въ Сеймовомъ уставѣ могла остаться. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Сеймовый уставъ вообще прошелъ безъ надлежащихъ исправленій, тогда какъ отклоненіе Формы правленія (1865 г.) вызывало существенныя измѣненія въ нѣкоторыхъ частяхъ устава и, прежде всего, въ редакціи § 71 въ полномъ его объемѣ.

Въ началѣ § 71 говорится: «Изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна основного закона можетъ послѣдовать не иначе, какъ по предложенію Государя Императора и Великаго Князя и съ согласія всѣхъ сословій»... Какое это положеніе? Имѣетъ ли оно значеніе и характеръ конституціоннаго закона, ограничивающаго власть Монарха, или только положенія процессуальнаго свойства, указывающаго, при наличности какихъ именно условій основной законъ считается принятымъ или отмѣненнымъ земскими чинами? Если это законоположеніе конституціонное, то какъ могло оно попасть въ Сеймовый уставъ, все назначеніе котораго заключается исключительно въ опредѣленіи правилъ, касающихся собраній и засѣданій земскихъ чиновъ? Такому законоположенію первостепенной важности, которое должно указывать отношеніе Верховной власти къ земскимъ чинамъ и права этой власти, очевидно, мѣсто не въ уставѣ сеймоваго дѣлопроизводства, а въ особомъ законѣ великаго

княжества. Остается, такимъ образомъ, признать, что въ § 71 Сеймоваго устава рѣчь идетъ не объ ограниченіи власти, а о процессуальномъ правилѣ, показывающемъ, при какихъ условіяхъ и въ какомъ порядкѣ получаются сеймовыя рѣшенія по основнымъ законамъ. Такъ именно и понимали сами финляндцы первоначально § 71 (и § 73)[1]. Такъ, въ сущности, понимаютъ они и теперь весь Сеймовый уставъ. «Сеймовый уставъ не предоставляетъ земскимъ чинамъ законодательной власти, которой они не имѣли бы уже раньше; въ немъ эта власть предусматривается, какъ уже существующая. Сеймовый уставъ имѣлъ цѣлью опредѣленіе, между прочимъ, условій, требуемыхъ для дѣйствительности рѣшеній земскихъ чиновъ, т. е. выясненіе вопроса о томъ, во всѣхъ ли или только въ нѣкоторыхъ случаяхъ требуется единогласное рѣшеніе всѣхъ сословій, каковой вопросъ ранѣе не былъ опредѣлительно предусмотрѣнъ закономъ». Эта выписка сдѣлана изъ всеподданнѣйшаго отзыва земскихъ чиновъ 1899 г. (I, 120 стр.).—Законодательная власть, по словамъ того же отзыва, предоставлена земскимъ чинамъ Формою правленія 1772 г. и Актомъ соединенія и безопасности 1789 г. Неправильность сего послѣдняго положенія опровергается главнымъ содержаніемъ настоящаго очерка. Заслуживаетъ вниманія еще слѣдующее обстоятельство. Если бы § 71 имѣлъ не процессуальное значеніе, то зачѣмъ понадобилось бы отдѣльно отмѣтить въ § 83, что Сеймовый уставъ остается въ силѣ до отмѣны его «совокупнымъ рѣшеніемъ» Монарха и земскихъ чиновъ; достаточно было бы, въ виду опредѣленія § 71, обозначить только, что уставъ сей отнесенъ къ числу «основныхъ законовъ». Однако, этимъ не ограничились, очевидно, вслѣдствіе того, что въ Сеймовомъ уставѣ видѣли только указанія процессуальнаго характера[2].

Указанныя обстоятельства вообще упускаются изъ вида

---

[1] Эдв. Бергъ. «Наше управленіе и наши сеймы» (на шведск. языкѣ), т. I, стр. 528.

[2] Въ § 83 значится: «Настоящій Сеймовый уставъ имѣетъ во всѣхъ своихъ частяхъ пребывать ненарушимымъ основнымъ закономъ для Монарха и земскихъ чиновъ Финляндіи, до измѣненія или отмѣны онаго совокупнымъ рѣшеніемъ».

при толкованіи Сеймоваго устава, почему получаются значительныя недоразумѣнія. А если уставъ опредѣляетъ лишь, при какихъ условіяхъ получаются сеймовыя рѣшенія, то ясно, что онъ весь имѣетъ условное значеніе, и требованія его надо понимать такъ: если Верховная власть предложитъ на обсужденіе земскихъ чиновъ основной законъ, то онъ считается принятымъ сеймомъ при условіи, когда за него выскажутся всѣ четыре сословія; если сейму предложено будетъ высказаться по простому законоположенію, то сеймовое рѣшеніе считается состоявшимся, когда это законоположеніе принято тремя сословіями. Иное толкованіе врядъ ли будетъ правильнымъ, такъ какъ оно обозначало бы превращеніе процессуальнаго закона въ конституціонную хартію. Если даже не признавать сего превращенія, то всетаки остается необъяснимая странность: въ массѣ статей чисто-процессуальнаго характера неожиданно отыскивается положеніе, ограничивающее Самодержавную власть и устанавливающее такой образъ правленія, который совершенно не оправдывается исторіей и вовсе не согласуется съ дѣйствіями правительства на финляндской окраинѣ. Разсказанная же исторія устава вполнѣ устраняетъ эту несообразность.

б) Приписка подъ Сеймовымъ уставомъ.

Подъ Сеймовымъ уставомъ имѣется особая приписка, въ которой также упоминается о законахъ 1772 и 1789 гг. Сеймъ и сенатъ усиленно подчеркиваютъ это обстоятельство, находя въ немъ новое доказательство того, что эти законы признавались дѣйствующими въ Финляндіи. Въ припискѣ говорится: «Сохраняя за Собою принадлежащее Намъ право въ томъ видѣ, какъ оно установлено въ Формѣ правленія 1772 г. и Актѣ соединенія и охраненія 1789 г. и не измѣнено точными словами въ вышеизложенномъ Сеймовомъ уставѣ, Мы Высочайше одобряемъ и утверждаемъ сей уставъ, какъ ненарушимый основной законъ»... Засимъ слѣдуетъ подпись Государя Императора Александра II[1]).

[1]) На подлинномъ Сеймовомъ уставѣ приписка эта сдѣлана не собственноручно Монархомъ, утвердившимъ законъ.

Своеобразная приписка невольно вызываетъ недоумѣніе. Для чего она понадобилась и что собственно она обозначаетъ? Несомнѣнно, что финляндскіе дѣятели не безъ умысла внесли ее и редактировали столь странно.

Что такое Сеймовый уставъ? Онъ заключаетъ въ себѣ «узаконенія и правила касательно собраній и засѣданій земскихъ чиновъ», какъ значится въ первыхъ же строкахъ его вступленія, т. е. въ немъ сосредоточены правила о процедурѣ сеймовыхъ собраній; онъ является уставомъ, заключающимъ въ себѣ правила созыва сейма и внутренняго распорядка его засѣданій и дѣлопроизводства. Подписывая Сеймовый уставъ, Государь, очевидно, могъ утвердить только то, что въ немъ заключалось, то, что относилось къ сеймовому законодательству.

Почему же, въ такомъ случаѣ, въ припискѣ къ Сеймовому уставу явилась ссылка на законы 1772 и 1789 гг., тогда какъ въ самомъ уставѣ о нихъ не упоминается? Мы видѣли, что Августѣйшіе Предшественники Императора Александра II съ требованіями сихъ основныхъ законовъ не считались. Извѣстно также, что положенія Сеймоваго устава не были извлечены изъ названныхъ законовъ, а явились самостоятельно. Слѣдовательно, ни исторія ни содержаніе Сеймоваго устава не давали основанія упоминать въ припискѣ о законахъ 1772 и 1789 гг. Какъ понять, наконецъ, туманный смыслъ всей этой приписки о сохраненіи правъ? Естественно ли сохранять за собою права, не касаясь сопряженныхъ съ ними обязанностей? Полагаемъ, что нѣтъ. Остается поэтому одно объясненіе, что финляндцамъ, редактировавшимъ приписку къ уставу, желательно было, передъ подписью Монарха, помѣстить спеціальное упоминаніе объ основныхъ законахъ и тѣмъ показать, что они дѣйствуютъ въ краѣ. Но цѣль ихъ не можетъ считаться достигнутой. Государь утвердилъ Сеймовый уставъ и тѣмъ выразилъ свой взглядъ только по сему уставу; но то, что въ данномъ случаѣ не входило въ этотъ законъ, не могло, конечно, быть предметомъ Высочайшаго утвержденія подписью на семъ уставѣ. «Уставъ касается исключительно состава и образа дѣйствій сеймовыхъ собраній. Какимъ же

образомъ въ утвержденіи его вдругъ явилось общее опредѣленіе правъ Русскаго Императора относительно Финляндіи, о которыхъ дотолѣ нигдѣ не было упомянуто».

Догадка о томъ, что финляндцы вставили разсмотрѣнныя строки съ извѣстною цѣлью, основывается, между прочимъ, на томъ, что подобныя неумѣстныя приписки и несоотвѣтственныя ссылки практиковались въ Финляндіи не однажды, послѣ 1863 года. Мы уже имѣли случай (на стр. 103) указать неправильную ссылку, сдѣланную сеймомъ на § 42 Формы правленія 1772 г. Приведемъ еще болѣе наглядный примѣръ такой неумѣстной ссылки. Въ 1878 г. сеймъ разсматривалъ уставъ о воинской повинности и, устанавливая форму присяги для новобращцевъ, сдѣлалъ ссылку на § 18 Формы правленія 1772 г., отлично зная, что § 18 въ самой Швеціи не примѣнялся уже послѣ 1789 г., а для финскихъ войскъ существовала присяга, установленная въ 1817 г. Къ разряду такихъ же тенденціозныхъ и ничѣмъ не оправдываемыхъ вставокъ слѣдуетъ отнести ссылку на § 6 Акта соединенія и безопасности 1789 г., сдѣланную въ постановленіи великаго княжества Финляндскаго 1886 г. (№ 22), когда земскимъ чинамъ дано было право законодательнаго почина. Этимъ постановленіемъ нужно было измѣнить только §§ 51 и 52 Сеймоваго устава 1869 г., а отнюдь не § 6 Акта безопасности, о которомъ и рѣчи раньше не было въ этомъ уставѣ. Въ томъ же 1886 г., въ постановленіи великаго княжества Финляндскаго отъ 5 августа (№ 28) объ отмѣнѣ вакантной подати, сдѣлана была ссылка на § 18 Формы правленія 1772 г.; но когда въ 1883 г. отмѣнялась добавочная вакантная подать въ Остработніи, то указанной ссылки финляндскій сенатъ не призналъ нужнымъ сдѣлать и нашелъ возможнымъ произвести эту отмѣну безъ содѣйствія земскихъ чиновъ (Постановл. в. к. Финл. 1883 г., № 38). И дѣйствительно, ссылка неумѣстна и связывать вопросъ о вакантной подати съ «согласіемъ» сейма не имѣется основаній. Уже въ 1878 г. вице-президентъ сената, баронъ Нордестамъ, указалъ на то, что право распоряжаться вакантною податью принадлежитъ исключительно правительству, а не сейму, и что въ случаѣ от-

мѣны этой подати средства на покрытіе военныхъ надобностей всецѣло будутъ поставлены въ зависимость отъ усмотрѣнія земскихъ чиновъ, а правительство вмѣстѣ съ тѣмъ лишится состоящей въ его полномъ распоряженіи подати [1]).

Въ виду указанной непослѣдовательности, проявленной въ припискѣ къ Сеймовому уставу ссылкою на законы 1772 и 1789 гг., остается придержаться точной буквы сей приписки и признать, что ею сохраняются за Верховною властью присущія ей прерогативы, а Сеймовый уставъ объявленъ основнымъ закономъ [2]). Дѣлать же изъ этой приписки выводъ, что Императоръ Александръ II въ 1869 г. вновь подтвердилъ для Финляндіи дѣйствіе основныхъ законовъ 1772 и 1789 гг. и согласно имъ управлялъ краемъ, ограничивъ Свою Державную власть, совершенно неосновательно.

Для болѣе точнаго выясненія взгляда Императора Александра II на свои права, приведемъ кстати нѣсколько словъ изъ его рѣчи, сказанной полякамъ: «J'aime également tous Mes sujets fidèles, Russes, Polonais, Finlands, Livoniens et autres; ils Me sont tous également chers; mais jamais je ne souffrirai qu'on admette l'idée que le royaume puisse se séparer de l'empire et exister sans lui. Il fut crée comme tel par un Empereur de Russie, et il doit a la Russie» [3]). Укажемъ еще на слова Высочайшаго рескрипта 15 (27) марта 1872 г., обращенныя къ депутатамъ сейма: «Мы не имѣемъ намѣренія уступать ни одного изъ присвоенныхъ Намъ законами правъ». — Наконецъ, возможно ли допустить утвержденіе или признаніе Императоромъ Александромъ II прежнихъ коренныхъ законовъ, когда въ тронной рѣчи, которою Высочайше повелѣно было открыть сеймъ 1867 г., обращалось вниманіе земскихъ чиновъ на устранившуюся

---

[1]) Сборникъ матеріаловъ по составленію и пересмотру Устава о воин. повин. въ Финляндіи; Спб., 1899, стр. 39—40 и 42.

[2]) Въ этомъ именно смыслѣ разъяснили заключительныя слова Сеймоваго устава—министръ юстиціи Н. А. Манасеинъ (Отн. отъ 11 октября 1890, № 27263, стр. 21), главноуправляющій б. Кодификаціоннымъ Отдѣломъ ст.-секретарь Эд. В. Фришъ (1 авг. 1890, № 25, стр. 9), сенаторъ С. Н. Таганцевъ (Юридич. Лѣтопись 1891, № 2, стр. 144) и другіе государственные наши юристы.

[3]) Рус. Стар. 1893 г., III.

силою обстоятельствъ совмѣстность коренныхъ законовъ великаго княжества съ положеніемъ дѣлъ, возникшихъ послѣ присоединенія Финляндіи къ имперіи»[1]).

Финляндскій сенатъ указалъ на два документа времени Императора Александра II и одинъ царствованія незабвеннаго Царя-Миротворца Александра III, въ которыхъ встрѣчаются упоминанія о законахъ 1772 и 1789 гг., но въ то же время умалчиваетъ о цѣломъ рядѣ фактовъ, которые удостовѣряютъ, что названные Монархи въ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ Финляндіи не признавали Верховной власти ограниченной по вопросамъ, по которымъ, по мнѣнію финляндцевъ, необходимо было слѣдовать требованіямъ названныхъ основныхъ законовъ Швеціи. Раньше (на стр. 15) представился уже случай отмѣтить, что вопреки § 1 Земскаго Уложенія 1442 г.[2]), воспрещающаго королю уменьшать для другого короля земли своего государства, Императоръ Александръ II 15 февраля 1864 г. соизволилъ повелѣть отдѣлить отъ Выборгской губ. и присоединить къ Петербургской Сестрорѣцкій участокъ Кивинебскаго прихода[3]). Слѣдуетъ еще добавить, что въ 1889 г. общинное управленіе села Райвола Высочайше повелѣно было подчинить вѣдѣнію С.-Петербургскаго губернскаго присутствія[4]). Въ 1867 г. было объявлено: «Высочайшимъ предложеніемъ собраннымъ въ текущемъ году земскимъ чинамъ Финляндіи, Мы сообщили имъ проектъ постановленія о свободѣ печати и объ условіяхъ пользованія оною; но такъ какъ земскіе чины во всеподданнѣйшемъ отвѣтѣ не выразили согласія на принятіе означеннаго проекта, то, сообразно съ условіемъ, въ предложеніи Нашемъ заявленномъ, и на основаніи принадлежащаго Намъ права рѣшать все, касающееся печати и надзора за нею, Мы Высочайше постановляемъ слѣдующее»... (Далѣе идетъ изложеніе закона о печати).

Примѣнялись ли законы 1772 и 1789 гг. въ царствованіе Имп. Александра II?

[1]) Постановл. вел. кн. Финл. 1867, № 12, стр. 3.
[2]) См. Сборникъ основн. законовъ, изд. К. Якубова 1889 г., стр. 2.
[3]) Постановл. вел. кн. Финл. 1864 г., № 5.
[4]) 3 Полн. Собр. Зак., № 7775.

т.-е., несмотря на то, что сеймъ отказался принять положенiе о печати, оно было объявлено закономъ для Финляндiи и, съ нѣкоторыми дополненiями, остается дѣйствующимъ въ ней по настоящее время [1]). Еще два примѣра. Тому же сейму 1867 г. было передано на разсмотрѣнiе положенiе объ учрежденiи Главнаго Управленiя училищнаго вѣдомства въ Финляндiи. Сеймъ высказался по дѣлу. Черезъ годъ положенiе было утверждено Верховною властью, но въ видѣ значительно измѣненномъ противъ положенiя, принятаго сеймомъ, и объявлено какъ законъ, изданный административнымъ путемъ [2]). Говоря объ отношенiи Императора Александра II къ основнымъ законамъ 1772 и 1789 гг., можно указать еще на Высочайшiй Манифестъ 23 ноября 1872 г., въ которомъ сказано: «Мы сохраняемъ за собою право располагать гербовыя пошлины, наравнѣ съ другими доходами статнаго вѣдомства, ко благу и пользѣ великаго княжества» [3]). Это объясненiе также вызвано было неосновательными домогательствами земскихъ чиновъ края.

Итакъ, вопросы о печати, учебномъ вѣдомствѣ, Выборгской губ., о гербовыхъ пошлинахъ и др. рѣшены были Императоромъ Александромъ II не по указанiямъ основныхъ законовъ Швецiи, а «сообразно съ обязанностями Державнаго сана» Монарха имперiи. Для уясненiя воззрѣнiй нашихъ Монарховъ на роль сейма въ дѣлѣ законодательства, очень характерное указанiе можно почерпнуть еще изъ тронной рѣчи Императора Александра III, которою онъ въ январѣ 1894 г. повелѣлъ открыть сеймъ въ Гельсингфорсѣ. Передавая на разсмотрѣнiе земскихъ чиновъ края проектъ новаго уголовнаго уложенiя, Государь Императоръ пояснилъ, что таковой «законопроектъ вамъ будетъ переданъ въ окончательной уже редакцiи» [4]). По утвержденiю же финляндцевъ, законоположенiе, разсмотрѣнное сеймомъ, «можетъ быть утверждено и издано лишь въ дословномъ со-

[1]) Постанов. вел. кн. Финл. 1867 г., № 15. Edv. Berch. Finlands stats. utv. 1889 г., стр. 90.

[2]) Berch; стр. 91. Постанов. вел. кн. Финл. 1869 г., № 26.

[3]) Постанов. вел. кн. Финл. 1872 г., № 38.

[4]) Пост. вел. кн. Финл. 1894 г., № 13.

гласіи съ принятымъ земскими чинами текстомъ». Съ законами объ учрежденіи Главнаго Управленія училищнаго вѣдомства, о новомъ уголовномъ уложеніи и др. этого, какъ мы видѣли, не случилось. О правѣ народныхъ представителей участвовать въ школьномъ законодательствѣ, въ Финляндіи издано было (въ 1881 г.) отдѣльное изслѣдованіе, а земскіе чины (въ 1872 г.) подавали по тому же вопросу особую петицію [1]). Но тѣмъ не менѣе все это лишается всякаго значенія, такъ какъ уставы 1843 и 1856 гг., подобно уставу 1869 г., были утверждены для финляндскихъ школъ исключительно Самодержавною властью, и такимъ образомъ фактами, санкціонированными Монархами имперіи, удостовѣряется положеніе, противоположное всѣмъ разсужденіямъ финляндскихъ писателей и толкованіямъ сената. Можно указать на подобные случаи и въ царствованіе Императора Александра III. Такъ, напримѣръ, въ 1888 г. сеймъ разсмотрѣлъ проектъ преобразованія сельской полиціи, а въ 1891 г. по тому же предмету состоялось Высочайшее постановленіе (№ 5) уже безъ участія сейма. Въ 1879 г. (постановл. вел. кн. Финл., № 12), при участіи земскихъ сословій, былъ изданъ законъ о промыслахъ въ краѣ; а въ 1892 г. онъ былъ дополненъ положеніемъ о производствѣ маргарина и это положеніе послѣдовало въ административномъ порядкѣ, о чемъ болѣе другихъ хлопоталъ тогда самъ же мѣстный сенатъ. Толкованіе финляндцевъ о томъ, что законоположенія, прошедшія черезъ сеймъ, обязательно утверждать въ дословномъ текстѣ земскихъ чиновъ, рѣшительно ни на чемъ не основано, и чрезвычайный сеймъ напрасно пытается закрѣпить его своимъ рѣшеніемъ [2]). Въ одномъ только случаѣ Верховная власть дословно утверждаетъ законопроектъ и это тогда, когда онъ возникъ по праву законодательнаго почина, предоставленнаго земскимъ чинамъ § 51 Сеймоваго устава; въ остальныхъ случаяхъ Монархъ подобнымъ обязательствомъ не связанъ. § 76 Сеймоваго устава требуетъ, чтобы рѣше-

[1]) Om ständernas rätt till deltagande i skollagstiftningen, H-fors, 1881.
[2]) Всепод. отзывъ сейма 1899 г., стр. 105.

нія сейма повергались на Высочайшее обсужденіе, но никакихъ дальнѣйшихъ оговорокъ, въ родѣ тѣхъ, которыя имѣются въ § 51, не сдѣлано; отсюда ясно, что Государь имѣетъ право, по своему усмотрѣнію, издавать законъ, совершенно несогласный съ текстомъ земскихъ чиновъ [1]). Точно также неосновательно постоянно повторяемое заявленіе финляндцевъ, что постановленіе, изданное при участіи земскихъ чиновъ, не можетъ быть измѣняемо или отмѣняемо безъ ихъ согласія. На чемъ основано такое положеніе? Въ подтвержденіе сего, финляндцы никогда не указали ни одного законоположенія [2]), что въ данномъ случаѣ особенно необходимо, такъ какъ въ Сеймовомъ уставѣ имѣется § 75, предоставляющій Верховной власти требовать отъ земскихъ чиновъ отзывовъ по разнымъ вопросамъ управленія. Уже это положеніе показываетъ, что по одному и тому же вопросу въ одномъ случаѣ Государь можетъ запросить сеймъ, а въ другомъ рѣшить дѣло безъ его участія.

Въ настоящемъ очеркѣ представлялись справки преимущественно по тѣмъ доказательствамъ, которыя выставлены сеймомъ 1899 г. и сенатомъ въ подтвержденіе главнѣйшихъ ихъ положеній о томъ, что Финляндія—«государство» со своей «конституціей», основанной преимущественно на шведской Формѣ правленія 1772 г. Возбужденіе какихъ-либо новыхъ вопросовъ избѣгалось.

Въ заключеніе прибавимъ нѣсколько справокъ о томъ, въ какомъ направленіи финляндцы развивали свою «конституцію». Эти краткія указанія дадутъ ключъ къ правильной оцѣнкѣ многихъ вопросовъ, которые служили здѣсь предметомъ спора между нами и финляндцами.

---

[1]) Къ такому выводу пришелъ министръ юстиціи Н. А. Манасеинъ въ 1890 г. при подробномъ разсмотрѣніи Сеймоваго устава.—Н. А. Манасеинъ нашелъ, что сеймъ—учрежденіе совѣщательное, исключая случаевъ разсмотрѣнія вопросовъ объ измѣненіи или отмѣнѣ Сеймоваго устава (§ 83) и обсужденія законопроектовъ, составленныхъ на сеймѣ по предложенію сословій (§ 51 Сеймов. уст.). (См. отзывъ мин. юст. отъ 11 окт. 1890 г., № 27262 господину финл. ген.-губернатору (стр. 23).

[2]) Очеркъ основныхъ законовъ Финляндіи. Л. Мехелина; 1898 г., стр. 41.

РАЗВИТІЕ ФИНЛЯНДСКОЙ «КОНСТИТУЦІИ»

съ 1863 по 1900 г.

Императоръ Александръ I, сохраняя за Финляндіей ея «конституцію», т. е. ея прежнюю организацію, разсчитывалъ, конечно, прочно привязать этотъ край къ Россійской имперіи и скрѣпить новыя политическія узы.

Программа либеральной партіи.

Финляндцы взглянули на свои привилегіи иначе и, начиная особенно съ шестидесятыхъ годовъ, воспользовались ими преимущественно для созданія себѣ возможно независимаго положенія «внѣ пространства» Россіи [1]) и устраненія Финляндіи отъ участія въ общегосударственной жизни. Въ декабрѣ 1880 г. шведская либеральная партія разослала при газетѣ «Helsingfors Dagblad» свою программу, которая наилучшимъ образомъ свидѣтельствуетъ объ истинныхъ стремленіяхъ лицъ, руководившихъ «политикой» края. «Мы желаемъ,—говорилось въ программѣ,—болѣе прочной и законченной конституціонной системы для нашей страны. Намъ слѣдуетъ добиваться: 1) сокращенія сеймовыхъ періодовъ до двухъ, много — до трехъ лѣтъ и права моцій, т. е. права для земскихъ чиновъ вносить въ сеймъ предложенія о новыхъ законахъ; 2) свободы печати; 3) расширенія власти сословій въ дѣлахъ государственнаго хозяйства, чтобы всѣ расходы бюджета зависѣли отъ земскихъ чиновъ и чтобы никакой налогъ не устанавливался одною властью правительства;

[1]) Отзывъ сейма 1899 г., II, стр. 38.

4) большаго ограниченія и контроля такъ-называемой административной законодательной власти; 5) болѣе опредѣленнаго утвержденія финляндскаго уніональнаго отношенія къ имперіи» и т. п. Финская партія въ стремленіяхъ къ обособленію не желала уступить первенства своимъ политическимъ противникамъ и потому, при появленіи программы либераловъ, подвергла ее суровой критикѣ, выставивъ попутно свои заслуги передъ отечествомъ. Представитель финноманскаго лагеря Снельманъ доказывалъ тогда, что они первые вспомнили объ основныхъ законахъ края и перевели ихъ на свой языкъ, что имъ родина обязана конституціонной рѣчью 1863 г. и созывомъ сейма[1]).

Гимнъ.

Флагъ.

Уже въ 1848 году финляндцы произвольно ввели у себя свой «гимнъ», который распѣвается ими на всѣхъ мѣстныхъ патріотическихъ и національныхъ торжествахъ. Въ 1863 году финляндцы офиціально подняли вопросъ о дарованіи Финляндіи особаго торговаго флага. Противъ этого домогательства высказался тогда кн. Горчаковъ. И дѣйствительно, странно было бы отрицать, что финляндскія суда въ международномъ отношеніи являются частью торговаго флота Россійскаго государства. Не получивъ своего флага, финны, тѣмъ не менѣе, завели свои національные или «государственные» цвѣта (сперва — бѣло-синій, а теперь — красно-желтый). Въ «Nya Pressen» 1896 (№ 153) можно прочесть, напр., слѣдующее: «въ день открытія памятника Пацiусу, выше всѣхъ развѣвалось вновь проектированное знамя Финляндіи, желто-красное, съ финляндскимъ львомъ въ углу». Вслѣдствіе того, что синій цвѣтъ считался національнымъ, онъ сохранился на обмундированіи финскаго войска. Мысль объ отдѣльномъ торговомъ флагѣ возникла во время польскихъ безпорядковъ (1863 г.), которые едва не вовлекли Россію въ войну съ западными державами. При посредствѣ особаго флага финляндцы желали выдѣлить свой торговый флотъ изъ состава русскаго флота и тѣмъ оберечь его отъ

[1]) Полное собраніе соч. Снельмана. 1895, т. VI, стр. 617.

грозившей ему, въ случаѣ войны, опасности. Вопросъ о флагѣ усиленно дебатировался въ печати, и лучшая газета края «Helsingfors Dagblad» стояла не только за особый флагъ, но и за отдѣльныхъ финляндскихъ консуловъ. Мало того, 15 апрѣля «Helsingfors Dagblad» впервые дебютировала со статьей о нейтралитетѣ Финляндіи [1]). Эта мысль, очевидно, не была тогда достаточно осуждена общественнымъ мнѣніемъ края, такъ какъ вопросъ о нейтралитетѣ Финляндіи былъ вторично поставленъ на очередь, послѣ дѣла при р. Кушкѣ (1885 г.), когда ожидалось объявленіе войны Англіей. За гельсингфорской газетой «Dagblad» послѣдовали «Абоскія Извѣстія» (Abo Underrättelser), которыя въ №№ 65 и 98 за 1863 г. старались возможно широко популяризировать идеи о флагѣ и нейтралитетѣ. Изъ статей сихъ «Извѣстій» видно, что, по миновапіи опасности войны, поднятые вопросы не были, однако, оставлены: финляндцы желали, чтобы мысль ихъ о нейтральномъ положеніи великаго княжества была разсмотрѣна и осуществлена на одномъ изъ предстоявшихъ иностранныхъ конгрессовъ. Что же касалось торговаго флага, то имъ представлялось возможнымъ въ критическую минуту перейти къ нему и безъ всякой особой санкціи. «Абоскія Извѣстія» сообщали, что вновь проектированный флагъ видѣли уже въ нѣкоторыхъ иностранныхъ гаваняхъ и на нѣсколькихъ судахъ Эстерботніи.—Финляндскія газеты призывали всѣхъ жителей края выразить сочувствіе новому флагу и предлагали, чтобы онъ развѣвался на каждомъ суднѣ и на каждомъ шестѣ. Общественное мнѣніе края, конечно, высказалось за флагъ.

Консулы.

Нейтралитетъ.

Въ то время, когда въ офиціальной сферѣ (по признанію ген.-губ. Рокасовскаго) послѣдовательно выпрашивались незначительныя уступки, поведшія къ обособленію края, въ неофиціальной области незамѣтно дѣлались произвольныя нововведенія, которыя имѣли цѣлью укрѣпить «государственное» положеніе Финляндіи въ общественномъ мнѣніи. Въ семидесятыхъ годахъ, когда особенно часто писали

[1]) J. W. Snellman, соч. Рейна; 1899, т. II, стр. 388.

объ уніи между Россіей и Финляндіей, газеты Гельсингфорса пытались ввести во всеобщее употребленіе слово интернаціональный въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла о совмѣстныхъ русско-финляндскихъ дѣлахъ. Такъ, напр., вопросъ о воинской повинности назывался тогда интернаціональнымъ и уніональнымъ. Коммисіи, учрежденныя въ Петербургѣ по лоцманскому и таможенному вопросамъ, также назывались интернаціональными [1]). Вопросы объ отношеніи Финляндіи къ Имперіи относились къ вопросамъ внѣшней политики [2]). Въ воспоминаніе «національнаго торжества» 17 апрѣля 1894 г., т. е. дня открытія въ Гельсингфорсѣ памятника Государю Императору Александру II, финляндскимъ сенатомъ отчеканена была медаль. На одной сторонѣ этой медали изображены: вензель «А. II» и финляндскій гербъ; на другой сторонѣ — помѣщенъ профильный портретъ Государя и подъ нимъ обозначено только «Alexander II». Иначе говоря, на медали не имѣется никакого опредѣленнаго указанія о принадлежности Финляндіи къ Россіи.

Въ связи съ вопросомъ о флагѣ и нейтралитетѣ, въ томъ же 1863 г. была высказана мысль о необходимости выдѣленія финскихъ воинскихъ частей изъ состава руской арміи. Мысль эта также родилась въ редакціи либеральной «Helsingfors Dagblad» и была воспринята «Абоскими Извѣстіями» (1863, № 66). При этомъ прежде всего желали, чтобы войско края было организовано въ согласіи съ требованіями «конституціи». Къ такой реформѣ,—какъ поясняли «Абоскія Извѣстія»,—побуждали слѣдующія обстоятельства: финскія войска находились подъ властью военнаго министра, ихъ часто (?) выводили за предѣлы края, офицеровъ можно было безпрепятственно переводить въ руссія войска и т. п. Все это не нравилось мѣстнымъ дѣятелямъ, утверждавшимъ, что вслѣдствіе такого положенія финскія войска не достаточно популярны въ краѣ. — Если бы имѣлась гарантія того, что Финляндію не втянуть

---

[1]) Helsingfors Dagblad 1874 г., № 356; 1877 г., № 1.
[2]) Головинъ. Финл. сеймъ 1863—1864 г. Спб., 1865, стр. 3.

противъ ея воли въ войну за чужіе (т. е. русскіе) интересы, что «армію» ея не выведутъ въ чужія страны, и что единственной миссіей ея будетъ защита нейтральной финляндской земли, то «армія» эта пользовалась бы большими симпатіями, и народъ охотнѣе расходовалъ бы на нее нужныя средства. Будемъ надѣяться, — прибавляла газета, — что сеймъ возьметъ это дѣло въ свои руки и поставитъ его на надлежащій путь[1]). Въ 1878 г., когда земскимъ чинамъ впервые предоставлено было разсмотрѣть уставъ о воинской повинности, они дѣйствительно не замедлили озаботиться прежде всего созданіемъ для Финляндіи особаго войска, предназначеннаго исключительно для нуждъ сего края. Вмѣстѣ съ тѣмъ сеймъ сдѣлалъ все, чтобы организовать военное дѣло въ краѣ на «конституціонномъ основаніи». Эти же цѣли преслѣдовались финляндскими представителями и на чрезвычайномъ сеймѣ 1899 г.

Мысль объ учрежденіи въ Финляндіи особаго войска возникла еще въ 1810 году у Густава Армфельта и его друзей (Шерниваля, Аминова и др.). Ихъ желаніе заключалось, во-первыхъ, въ томъ, чтобы финское національное войско служило «исключительно для Финляндіи»; во-вторыхъ, они разсчитывали, что, при существованіи финскихъ войскъ, русскіе полки, расположенные въ краѣ, должны будутъ или уйти, или уменьшиться въ числѣ, а тѣ изъ сихъ полковъ, кои тѣмъ не менѣе останутся въ предѣлахъ Финляндіи, будутъ заперты въ крѣпостяхъ; въ-третьихъ, что созданіе своего войска подыметъ національный духъ и стремленіе финскаго народа къ самостоятельности. «Настало время выбирать между тѣмъ, чтобы быть провинціей или самостоятельнымъ государствомъ . . . . . . дальнѣйшая оккупація чужими войсками, которая до сихъ поръ была неизбѣжнымъ послѣдствіемъ войны, явится признакомъ того, что Финляндія навсегда исключена изъ числа націй, и что ея значеніе и существованіе понижены»[2]).

Аминовъ находилъ, что Финляндія безъ собственной

---

[1]) Abo Underrättelser 1863 г., № 66.
[2]) Соч. El. Tegnér'а объ Армфельтѣ (на шведск. яз.).

арміи потеряетъ свое нравственное значеніе и «политическое существованіе» (politiska existens) и будетъ походить на евреевъ, являющихся для всѣхъ чужими. Въ то же время онъ опасался, что финны «осуждены будутъ принять участіе въ защитѣ государства» (т. е. Россіи), что имъ придется служить въ русскихъ войскахъ и потому они окажутся не въ состояніи поддержать своей національности, духъ ихъ гражданственности будетъ испорченъ, а силы народа истощены, и все это вызоветъ общее уныніе и поведетъ къ эмиграціи [1]).

Власть сейма.

На первомъ сеймѣ въ Гельсингфорсѣ (1863 г.) возбуждался вопросъ объ отвѣтственности мѣстнаго правительства, т. е. сената, передъ сеймомъ и о предоставленіи земскимъ чинамъ полнаго контроля надъ финансами края. Тогда же была подана петиція о разрѣшеніи земскимъ чинамъ избрать особаго блюстителя законовъ, который имѣлъ бы непосредственный доступъ къ Монарху и отдавалъ бы сейму отчетъ въ своей дѣятельности [2]). По этому поводу сенаторъ Гриненбергъ помѣстилъ въ офиціальной газетѣ Финляндіи «Almänna Tidning» (1864 г., № 89) — обширную статью, въ которой, между прочимъ, писалъ: «Мы не можемъ не подивиться той настойчивости, съ какою на этомъ сеймѣ, разрѣшенномъ намъ по истеченіи пятидесятилѣтняго промежутка, и прежде еще, чѣмъ мы пріобрѣли удостовѣреніе, что созваніе сейма будетъ повторяться періодически, всѣ четыре сословія усиливались добиться болѣе значительной и обширной власти, чѣмъ та, которую даруютъ намъ наши коренные законы, имѣющіе въ настоящее время силу. Сеймовые чины предполагали просить о періодическомъ возобновленіи сеймовъ, о дарованіи имъ права законодательныхъ предложеній, объ участіи въ таможенномъ законодательствѣ, требовали, чтобъ въ ихъ руки было передано все финансовое управленіе, хотѣли измѣнить постановленія, относя-

[1]) F. Hartman. De tre gustavianerna. H-fors, 1899, стр. 353 и 361.
[2]) В. Головинъ. Финл. сеймъ 1863—1864 гг. Спб. 1865, стр. 42.

щіяся къ обязанностямъ совѣтниковъ Монарха, т. е. сдѣлать ихъ отвѣтственными передъ сеймомъ, словомъ — хотѣли отобрать у Монарха прерогативы власти, предоставленныя Его Величеству существующими основными законами, и все это несмотря на то, что Его Величество прямо объявилъ свою волю удержать за собой законодательный почигь во всѣхъ вопросахъ, относящихся къ основнымъ законамъ. Хотя представленія чиновъ и были облечены въ форму вѣрноподданническихъ выраженій, тѣмъ не менѣе истинная цѣль ихъ не могла укрыться, и мы рѣшительно не можемъ понять, какъ могли представители Финляндіи надѣяться, что, дѣйствуя такимъ образомъ, они пріобрѣтутъ довѣріе Монарха, безъ котораго они, очевидно, не могутъ сдѣлать ничего полезнаго для края. Неужели этимъ финляндцы докажутъ свою благодарность, подвергая дерзновенно опасности свои священнѣйшіе интересы и стараясь, единственно изъ пустого удовлетворенія своей гордости, величаться своимъ теперешнимъ положеніемъ, какъ будто они дѣйствительно обязаны имъ только самимъ себѣ» [1]).

Верховная власть.

Въ 1885 г. финляндцамъ предложено было кодифицировать свои основные законы. Пользуясь этимъ случаемъ, они (въ комитетѣ Вейсенберга) составили (сочинили) новую Форму правленія, въ которой старались не только ограничить Верховную власть, но произвести всѣ ея прерогативы отъ правъ прежнихъ шведскихъ королей. Пріемъ для этого былъ употребленъ самый простой. Комитетъ Вейсенберга, исходя, напримѣръ, изъ того положенія, что въ Швеціи, во времена Христофора, былъ одинъ король, а также руководствуясь закономъ 1442 г., сдѣлалъ тотъ выводъ, что Императоръ и Великій

---

[1]) О. Еленевъ. Ученіе о финл. государствѣ. Спб. 1893, стр. 72—73. По поводу заявленія Грипенберга припоминается заявленіе А. Мёрмана: «...Мы были излишне храбры, и въ этомъ наше несчастіе. Тѣ, которые кстати и некстати декламировали (какъ, напр., Л. Мехелинъ) о нашей автономіи, оказали медвѣжью услугу краю... Особенно наивна молодая финская партія. Она разсуждаетъ такъ, какъ будто мы имѣемъ парламентскій образъ правленія, и что если мы лишимъ правительство довѣрія, то оно падетъ!» См. Finska studier af Otto v. Zweigbergk, Stockholm, 1891.

Князь одинъ управляетъ Финляндіею, т. е. «отдѣльно отъ всѣхъ государственныхъ установленій и силъ имперіи». «Верховная власть по отношенію къ Финляндіи разсматривалась комитетомъ, какъ особый великій князь Финляндіи, выдѣленный изъ организма имперіи». Затѣмъ, основываясь на Формѣ правленія 1772 г.,—въ которой имѣлось упоминаніе (въ § 37) о составѣ и правахъ временнаго правительства, учреждаемаго въ періодъ болѣзни, несовершеннолѣтія или дальняго путешествія шведскаго короля,—комитетъ желалъ установить верховную правительственную власть мѣстнаго сената, какъ учрежденія, содѣйствующаго великому князю финляндскому и представляющаго собою Императора и Великаго Князя во время его отсутствія изъ края [1]). Въ восьмидесятыхъ годахъ, составляя для себя новое уголовное уложеніе, финляндцы затронули международныя отношенія Россіи къ иностраннымъ государствамъ и, кромѣ того, отдѣлили интересы Финляндіи отъ интересовъ Россіи. Прошло еще нѣкоторое время, и газета «Uusi Suometar» (въ февралѣ 1898 г.) заявила, что Финляндіи необходимо расширить свое вліяніе на дѣла внѣшней политики и для этого прикомандировывать даровитыхъ молодыхъ финновъ къ русскимъ посольствамъ и нашимъ иностраннымъ консульствамъ [2]). Одновременно съ подобными домогательствами, въ Финляндіи не прекращались заявленія о томъ, что всѣ должности въ краѣ должны находиться исключительно въ рукахъ природныхъ финляндцевъ. Мало того, финляндцы проектировали, чтобы «всякій актъ, содержащій рѣшеніе императора и великаго князя, считался недѣйствительнымъ, если онъ не контрасигнированъ или не подписанъ статсъ-секретаремъ», который «долженъ быть изъ урожденныхъ финскихъ людей» [3]). Но и этимъ не ограничились финляндцы. Въ мартѣ

---

[1]) Заключеніе б. Кодификац. Отд. (1 авг. 1890, № 25). И подобныя несообразныя заявленія комитета Вейсенберга пріобрѣтаютъ послѣдователей и повторяются вплоть до нашихъ дней. См., напр., «Hufvudstadsbladet» 1900, № 233.

[2]) «Нов. Время», 1898 г. 1 февр., № 7878, и «Свѣтъ», 1898 г. № 41.

[3]) Проектъ «Формы правленія», выработанный комитетомъ Вейсенберга въ 1889 г.; § 17.

1898 г. въ ихъ печати разсматривался вопросъ о томъ, желательно ли для Финляндіи введеніе у себя режима, который установился въ парламентскихъ государствахъ[1]). Наконецъ, въ книжныхъ магазинахъ Гельсингфорса, начиная съ декабря 1895 г., продается листъ съ фотографическими портретами «государей великаго княжества» (Storfurstendömet Finlands monarker).

Въ указанномъ направленіи финляндцы систематически и настойчиво расширяли свои права, вытекавшія, по ихъ воззрѣніямъ, изъ «конституціи» края и обособленнаго ея положенія. Мало-по-малу они укоренили у себя свой мѣстный сепаратный патріотизмъ, который находятъ удобнымъ развивать и поддерживать, главнымъ образомъ, при посредствѣ «Разсказовъ прапорщика Столя», т. е. патріотическихъ стихотвореній Рунеберга, содержаніе которыхъ заимствовано изъ войны 1808—1809 г., окончившейся покореніемъ Финляндіи. Въ этихъ стихотвореніяхъ нерѣдко встрѣчаются описанія побѣдъ финновъ надъ русскими и весьма нелестные эпитеты, данные русскимъ войскамъ[2]). Въ соотвѣтствіи съ этимъ, они воздвигли у себя (въ 1885 г.) два гранитныхъ памятника въ честь финскихъ побѣдъ надъ русскими войсками!

Патріотизмъ.

Руководясь подобными воззрѣніями, финляндцы, гдѣ возможно было, систематически отстраняли у себя русскихъ изъ всѣхъ сферъ общественной дѣятельности. Для перечисленія въ Финляндію русскіе подданные обязаны подать особое заявленіе, сдѣлать въ пользу бѣдныхъ взносъ въ размѣрѣ 1,000 р. и т. п.[3]). Постановленіемъ 1867 г. (№ 15) установлено было, что въ великомъ княжествѣ могутъ издавать газеты только «финляндскіе подданные»; другія постановленія воспрещаютъ русскимъ строить желѣзныя дороги въ краѣ (1889 г. № 16), ограничиваютъ практику русскаго врача, штрафуя его боль-

Отстраненіе русскихъ.

[1]) Статья барона Вреде.
[2]) Исключеніе составляетъ одно стихотвореніе о ген. Кульневѣ.
[3]) Св. зак. т. IX, ст. 312 (прилож.).

шей цѣной, чѣмъ своихъ (1890 г., № 8, §§ 8, 11, 14); русскимъ шкиперамъ и машинистамъ постановленіе края не разрѣшаетъ служить на финляндскихъ пароходахъ (1890 г., № 18, § 13), нашимъ акушеркамъ законъ 1879 г. воспрещаетъ всякую практику; лицамъ православнаго исповѣданія нельзя преподавать исторію въ учебныхъ заведеніяхъ Финляндіи (1889 г., № 33); русскимъ офицерамъ нельзя служить въ финскихъ войскахъ (1878 г., № 25, § 120) и т. д. Прибавимъ къ этому, что мѣстный сенатъ имѣетъ право назначать на низшія должности края, а это на практикѣ сводится также къ тому, что люди русскихъ воззрѣній никуда, конечно, не допускаются. (Постановл. велик. княж. Финл., 1896, № 21, § 2).

Воинская повинность.

Въ исторіи конституціонныхъ домогательствъ финляндцевъ особенно яркую и характерную страницу представляетъ введеніе въ великомъ княжествѣ всеобщей воинской повинности.

Военный министръ гр. Милютинъ находилъ, что въ основу устава о воинской повинности Финляндіи слѣдуетъ положить слѣдующія руководящія начала: Финляндія не должна «домогаться всѣхъ атрибутовъ отдѣльнаго и независимаго государства» и потому не можетъ имѣть своей «отдѣльной вооруженной силы», а войска ея должны состоять въ завѣдываніи Военно-Окружнаго Управленія, быть подсудными общимъ военно-суднымъ учрежденіямъ, состоять изъ офицеровъ, какъ финскаго, такъ и русскаго происхожденія и быть употребляемы въ мирное и въ военное время по Высочайшему благоусмотрѣнію, какъ въ предѣлахъ имперіи, такъ и за границею». - Этими указаніями финляндскій сеймъ воспользовался какъ разъ въ обратномъ смыслѣ, т. е. взглянулъ на нихъ, какъ на требованія, кои ни въ какомъ случаѣ не должны быть уважены. Финляндцы исходили изъ того положенія, что военное дѣло края слѣдуетъ поставить исключительно въ соотвѣтствіе съ «уніональнымъ положеніемъ» великаго княжества, какъ заявила газета «Helsingfors Dagblad» (1877, № 1).

Какъ именно финляндцы понимали цѣль и назначеніе своего войска, лучше всего видно изъ тѣхъ рѣчей, которыя были произнесены ихъ депутатами на сеймѣ 1877—1878 г., при разсмотрѣніи проекта устава о воинской повинности. «Престолъ можетъ быть въ опасности, какъ въ горахъ Кавказа, такъ и на равнинахъ Польши и у береговъ Финляндіи, но выводить армію изъ Финляндіи ни подъ какимъ условіемъ нельзя», говорилъ Эклундъ. «Для финской военной организаціи не можетъ быть другой цѣли, кромѣ защиты собственной страны», добавилъ Шауманъ. «Когда меня спрашиваютъ, желаю ли я принять воинскую повинность для защиты «государства» (Россійскаго), для того, чтобы отстаивать родину другого народа (т. е. русскаго) и политическіе интересы другихъ странъ (не финляндскихъ), я долженъ открыто заявить: нѣтъ! Мы можемъ защищать свой край и хотимъ остаться дома и не оставлять родины», заявилъ Р. Гартманъ. «Собственная защита—въ этомъ все»; «всеобщая повинность не можетъ быть введена для иной цѣли, кромѣ защиты родины; подъ словомъ «тронъ» можно подразумѣвать только законное правительство Финляндіи; когда говорится, что защищающее Финляндію финское войско содѣйствуетъ защитѣ имперіи, то тѣмъ самымъ сказано, что никакимъ инымъ образомъ финское войско не обязано защищать имперію», пояснялъ въ своихъ многочисленныхъ рѣчахъ Л. Мехелинъ. «Войско, которое здѣсь (на сеймѣ) предполагается, «не можетъ быть выводимо изъ края», утверждалъ полковникъ К. Антель. Такое отрицательное отношеніе большинства депутатовъ къ интересамъ Россіи побудило трехъ финляндцевъ открыто сдѣлать нѣсколько замѣчаній, кои, въ свою очередь, еще болѣе помогаютъ уяснить истинныя стремленія представителей финскаго народа на сеймѣ въ 1877 г. «Мы, сыны Финляндіи, отстраняемъ отъ себя возможность быть употребленными на любомъ театрѣ войны», говорилъ Спельманъ. «Здѣсь господа объявляютъ себя свободными отъ всякой солидарности съ тѣмъ государствомъ (Россіей), которое болѣе полустолѣтія охраняло насъ отъ всякихъ чужеземныхъ на-

Назначеніе финской «арміи».

паденій», говоритъ гр. Кронгельмъ. «Мать согрѣла и воспитала ребенка, а онъ послѣ сего отворачивается, не желая дѣлить ея участи». Въ послѣднемъ смыслѣ высказался также депутатъ Годенгельмъ. По мнѣнію Монтгомери, одинъ изъ депутатовъ (Сильверсванъ), предлагая свою особую систему организаціи финскаго войска, «желалъ въ самой организаціи найти непреодолимое препятствіе къ тому, чтобы финская армія не могла быть употреблена на что-либо другое, какъ только на защиту собственнаго края». «Россія можетъ оказаться вынужденною вооруженною силою разрѣшать разнообразныя столкновенія, не имѣющія ничего общаго съ интересами Финляндіи» и въ такихъ случаяхъ,—писали финляндцы во время сейма,—несправедливо посылать ихъ умирать въ далекую Арменію или Хиву. Финляндія, говорили они, не обязана къ безграничной солидарности съ Россіей, не обязана принимать активнаго участія во всѣхъ войнахъ имперіи, такъ какъ это могло бы повести къ истощенію Финляндіи безъ всякой (для нея) пользы. При наличныхъ условіяхъ слава побѣдъ и добыча боя достались бы имперскимъ знаменамъ [1]). «Прискорбно созывать молодежь сражаться для безызвѣстныхъ ей цѣлей и противъ враговъ, враждебность которыхъ ей неизвѣстна».

«Армія и конституція».

Создавая «финскую армію» единственно для цѣлей великаго княжества, земскіе чины въ то же время озабочены были тѣмъ, чтобы эта армія была устроена на конституціонныхъ основаніяхъ и чтобы власть надъ нею переведена была изъ рукъ русскихъ властей въ руки финляндцевъ. «До сихъ поръ, — говорилъ на томъ же сеймѣ, напр., Монтгомери,—положеніе дѣла таково, что самые главные вопросы фактически изъяты отъ рѣшенія финскими властями, между тѣмъ по предлагаемому финляндскому проекту устава о воинской повинности дѣло организуется такъ, что по важнѣйшимъ вопросамъ воля страны

[1]) См. соображеніе № 1 сеймовой комиссіи (1877—1878 гг.) (стр. 47 и слѣд.), а также сочин. проф. Германсона: «Государственно-правовое положеніе Финляндіи», Спб. 1892, вып. II, стр. 218.

не останется безъ вниманія». Депутатъ сейма Фабриціусъ находилъ, что земскіе чины не должны «упускать этотъ, можетъ-быть, единственный случай устройства военной организаціи края на конституціонномъ основаніи».

Особенно опредѣленно проявились желанія и стремленія земскихъ чиновъ, когда дебатировался § 122 устава, касающійся военныхъ расходовъ. Въ этомъ § говорится: «Опредѣленіе снаряженія и содержанія войска зависитъ исключительно отъ Государя Императора и Великаго Князя. Издержки по сему предмету производятся изъ наличныхъ суммъ общаго милиціоннаго фонда, а что потребуется сверхъ того — покрывается изъ средствъ, которыя назначены для этой цѣли земскими чинами». Поясняя выгоду такого положенія, Л. Мехелинъ говорилъ, что правительство не можетъ выдѣлять изъ общихъ статныхъ суммъ средствъ на военные расходы; если бы такая возможность была предоставлена правительству, то сеймъ былъ бы ограниченъ въ своемъ правѣ опредѣлять военные расходы. Съ конституціонной точки зрѣнія лучше, что вся потребная — сверхъ милиціонныхъ наличныхъ денегъ — сумма покрывается изъ средствъ, которыя будутъ назначены для этой цѣли земскими чинами (по § 122 устава о воинской повинности), и я убѣжденъ, — прибавилъ Мехелинъ, — что земскіе чины не установятъ постоянной подати, а будутъ опредѣлять налоги отъ сейма до сейма» (дабы не выпустить изъ своихъ рукъ власти надъ военной силой края). Сеймъ не ограничился этимъ, а, устанавливая, кто долженъ указывать потребныя для войска средства, разсмотрѣлъ предварительно вопросъ о томъ, кто, сеймъ или сенатъ, обладаетъ большею силою противодѣйствія (русскому правительству), въ случаѣ если (со стороны этого правительства) возникнутъ безмѣрныя требованія. Одни депутаты (напр. Авг. Шауманъ) держались того мнѣнія, что сенатъ обладаетъ большею возможностью противодѣйствія; другіе — высказались за сеймъ. «У сейма никогда не будетъ основанія отказать въ средствахъ, кои потребуются для войска, а сенатъ, зная положеніе финансовъ, въ состояніи это сдѣлать». Л. Мехелинъ напомнилъ еще, что

Военные расходы.

количество войска опредѣлено и «тѣмъ указанъ предѣлъ, въ которомъ могутъ происходить расходы». Баронъ Боргъ указывалъ на то, что впослѣдствіи русское правительство можетъ найти возможность поставить себя внѣ всякой зависимости отъ чрезвычайныхъ податей, налагаемыхъ сеймомъ, и изыскать средства самому поддержать этотъ институтъ, и такимъ образомъ даже право сейма опредѣлять чрезвычайныя подати не гарантируетъ того, что земскіе чины будутъ въ состояніи держать въ своихъ рукахъ воинскую повинность».

Остается еще отмѣтить, что сеймъ 1877—1878 г. добивался отдѣльнаго войска, какъ атрибута особаго финляндскаго государства. «Съ введеніемъ этого закона (т. е. устава), — говорилъ Монтгомери, — молодое финское государство вступило бы въ новый фазисъ своего развитія». «Одинъ финскій гвардейскій батальонъ, — прибавилъ Гадолинъ, — не могъ вселить въ націю необходимаго для ея политическаго существованія довѣрія къ собственной силѣ. Такъ какъ наша страна образуетъ особое государство, имѣетъ особую конституцію и собственные законы, то мы обязаны поставить и впредь содержать особую армію». «Чтобы имѣть возможность отстаивать свое положеніе, какъ государства, Финляндія неизбѣжно должна имѣть свои средства защиты», — настаивалъ полковникъ К. Антель. — «Что мы прежде всего должны сдѣлать, такъ это заложить прочный краеугольный камень нашего государственнаго устройства . . . . создавъ возможно сильное и пригодное средство защиты», утверждали Лагерборгъ и Н. Норденшельдъ. — «Я съ удовольствіемъ прочелъ предложеніе (сейму разсмотрѣть проектъ устава), усматривая въ этомъ предложеніи большой шагъ въ политической жизни Финляндіи отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному», заключилъ Б. Шауманъ. «Теперь (съ передачей сейму устава о воинской повинности), — говорилъ депутатъ Ятиненъ, — намъ представляется случай къ основанію нашего національнаго существованія». «Предоставляя странѣ возможность получить свою хорошую военную си-

Армія—атрибутъ государства.

лу, тѣмъ самымъ признають, что подчиненное политическое положеніе, въ какомъ страна до сихъ поръ находилась, представляется возможнымъ прекратить»,- таково было мнѣніе генеральнаго штаба ген.-лейт. Альфтана.

Всѣ эти подлинныя слова представителей финскаго народа настолько опредѣленны, что, конечно, не нуждаются ни въ малѣйшихъ поясненіяхъ [1]).

Новыя домогательства.

Уставъ былъ утвержденъ. Изъ финскихъ баталіоновъ и кавалеріи съ теченіемъ времени создалось войско, совершенно обособленное отъ имперской арміи. Этого финляндцамъ показалось мало. Они стали добиваться своей артиллеріи и своего флота [2]). Въ 1885 г., составляя сводъ основныхъ законовъ края, финляндцы (въ комиссіи Вейсенберга) сдѣлали попытку дополнить уставъ о воинской повинности слѣдующими двумя положеніями: 1) чтобы военныя силы Финляндіи учиняли присягу Императору и Великому Князю и странѣ и 2) чтобы «безъ согласія земскихъ чиновъ» нельзя было производить набора войска (§§ 47 и 50 проекта Формы правленія). Однако проектъ этой Формы правленія не былъ утвержденъ.

Способы дѣйствія.

Чтобы достичь всѣхъ указанныхъ выше результатовъ, финляндцамъ нужно было пустить въ ходъ, по признанію ихъ историка Эдв. Берга, «много усердія, осторожности, умѣнья приноравливаться къ обстоятельствамъ и тонкой премудрости». Эдв. Бергъ, разсказывая, напримѣръ, о введеніи въ краѣ особой монетной системы, прибавляетъ, что «Императоръ (Александръ II), увидѣвъ всѣ послѣдствія реформы и то впечатлѣніе, какое эти послѣдствія должны были произвести въ Россіи, выразился слѣдующимъ образомъ: «on a escamoté Mon consentement» [3]).

[1]) Дебаты на сеймѣ 1877—1878 г. по вопросу о воинской повинности были настолько жарки и такого направленія, что нѣкоторыя заявленія признано было необходимымъ вовсе исключить изъ протоколовъ дворянскаго сословія. См. «Morgenbladet» 1877, 3 апрѣля.

[2]) Berättelse af Militie-Expedition för 1877—1881; стр. 5.

[3]) Эдв. Бергъ. Vår Styrelse och våra landtdagar; II, 405—406.

Осторожность и умѣнье приноравливаться къ обстоятельствамъ, несомнѣнно, сослужили не малую службу финляндцамъ, при «величайшемъ счастьи для страны» имѣть у трона своего представителя въ лицѣ министра статсъ-секретаря. Вотъ тому нѣсколько примѣровъ. Чтобы не дать повода русскому правительству вмѣшаться въ дѣло управленія Финляндіи, статсъ-секретаріатъ, по соглашенію съ сенатомъ, призналъ нужнымъ изъ «Очерка управленія Финляндіи», предназначеннаго для Государя (Александра II), исключить все, касающееся незначительности доходовъ Финляндіи, сравнительно съ значительными расходами, являющимися послѣдствіемъ автономіи края, а также усмотрѣлъ желательнымъ «избѣжать цифровыхъ данныхъ въ общихъ и таможенныхъ доходахъ Финляндіи»[1]).

Другой примѣръ. Въ 1876 г. Императоръ Александръ II выразилъ Свою державную волю, чтобы доступъ въ финскія войска русскимъ офицерамъ былъ облегченъ устраненіемъ существующихъ формальностей. По этому поводу въ свое время было сдѣлано нѣсколько запросовъ. Изъ офиціальной переписки усматривается, что дѣло получило весьма странное положеніе. По увѣдомленіямъ статсъ-секретаріата, оказалось, что назначеніе русскихъ людей въ финскія войска не могло быть начато потому, что не изданы были правила для поступленія ихъ въ финскія части; правила же не были изданы потому, что русскіе чины еще не начали поступать въ финскія войска! А между тѣмъ раньше этой переписки тотъ же статсъ-секретаріатъ повергъ на утвержденіе уставъ о воинской повинности, въ которомъ одинъ параграфъ (120) совершенно закрывалъ русскимъ офицерамъ всякій доступъ въ финскія войска[2]).

Въ октябрѣ 1890 г., когда обнаружена была тенденціозность нѣкоторыхъ статей новаго уголовнаго уложенія, то министръ статсъ-секретарь написалъ объясненіе, въ которомъ говорилось: если въ уложеніе и «вошли постановленія, дающія поводъ къ указанному выше толкованію объ

---

[1]) Финл. окраина Россіи; 1891 г., I, 43.
[2]) Отч. Финл. статсъ-секретаріата 1880 г., № 87.

отдѣленіи интересовъ Финляндіи отъ интересовъ имперіи и приравненіи послѣдней къ иностраннымъ государствамъ, то подобное толкованіе, не отвѣчающее, безъ сомнѣнія, намѣреніямъ законодателя, можетъ вытекать лишь изъ неудачнаго изложенія сихъ постановленій»...

Въ данномъ случаѣ «неудачное изложеніе» никакого значенія не имѣло, но несомнѣнно, что значительную услугу въ развитіи теоріи финляндской «конституціи» сыграли также неточности въ переводѣ документовъ первостепенной важности на мѣстные языки Финляндіи. Такъ, напримѣръ, манифесты (1825, 1856, 1881 и 1891 гг.) о сохраненіи за финляндцами нѣкоторыхъ особыхъ правъ и преимуществъ всегда неправильно переводились словомъ удостовѣреніе. Кромѣ того, въ манифестѣ 25 октября 1894 г. слова «по установленіямъ этого края» замѣнены въ переводѣ словами «по конституціямъ этой страны». Отсюда давно уже явилось ложное толкованіе, что «акты эти замѣняли королевскія присяги и удостовѣренія (försekring) шведскихъ временъ». Вслѣдствіе такого извращенія, финляндцы теперь постоянно говорятъ и пишутъ о конституціи края, удостовѣренной присягой Русскихъ Монарховъ. На сеймѣ 1900 г. депутатъ Reuter выразился, напримѣръ, такъ: «до вступленія на финляндскій престолъ, путемъ торжественно принесенной присяги, жителямъ края были удостовѣрены..... основные законы...» (före bestigande af Finlands tron, förmedels högtidligen afgifven ed...»)[1]).

Финляндцы смотрятъ на свои права, какъ на послѣдствіе какого-то договора[2]), якобы состоявшагося между Русскимъ Монархомъ и представителями финскаго народа. Исходя изъ этого, ни на чемъ не основаннаго, положенія, они видятъ въ удостовѣреніи присягу, которую «великій князь страны» обязанъ принести конституціи края. Они идутъ далѣе и ставятъ Монаршее удостовѣреніе въ неразрывную связь съ вѣрноподданнической присягой народа.

---

[1]) Nya Pressen 1900 г., № 98.

[2]) Финляндцы забыли, что еще Спренгтпортенъ говорилъ: «всякая малѣйшая привилегія является милостивымъ даромъ любвеобильнѣйшаго Монарха».

находя при этомъ возможнымъ отказываться отъ этой присяги до тѣхъ поръ, пока не будетъ подписано «удостовѣреніе» [1]).

Въ 1878 г. министръ статсъ-секретарь повергъ на Высочайшее утвержденіе уставъ о воинской повинности въ Финляндіи, вмѣстѣ съ ходатайствомъ сейма о томъ, чтобы четырнадцать параграфовъ сего устава были отнесены къ числу основныхъ законовъ края. Предварительно утвержденія, Государь Императоръ пожелалъ получить заключеніе по дѣлу финляндскаго сената и военнаго министра. Министръ статсъ-секретарь препроводилъ къ военному министру одинъ уставъ безъ ходатайства земскихъ чиновъ, которое было совершенно неправильно поднято на сеймѣ, искусственно мотивировано и имѣло цѣлью закрѣпить за земскими чинами голосъ по нѣкоторымъ вопросамъ, касавшимся финскаго войска... Естественно было ожидать, что противъ такого домогательства сейма выскажется военный министръ. Ходатайство не было ему сообщено, а между тѣмъ изъ всеподданнѣйшаго доклада неизбѣжно нужно было прійти къ тому заключенію, что военный министръ зналъ о ходатайствѣ и тѣмъ не менѣе не возражалъ противъ него [2]).

Въ 1877 г. тотъ же министръ статсъ-секретарь, препровождая [3]) военному министру проектъ Высочайшаго сеймоваго предложенія съ проектами воинскаго и дисциплинарнаго уставовъ, писалъ: «воинскій и дисциплинарный уставы принадлежатъ, по существующему въ Финляндіи основному законодательству, къ разряду такихъ законоположеній, утвержденіе которыхъ не требуетъ предвари-

---

[1]) Финл. окраина Россіи; т. III, стр. 205—215. А также: Finlands grundlagars innehåll. L. Mechelin. H-fors, 1896, стр. 15—16.

Датскій писатель Knud Berlin совѣтуетъ финляндцамъ особенно крѣпко отстаивать положеніе о договорѣ и вытекающую изъ него теорію унію, такъ какъ изъ уніи свободно можно выводить заключенія объ ограниченіи верховной власти; права же провинціи, какъ бы широки они ни были, не столь удобны для этой цѣли. (Dansk Tidskrift и Стокгольмская газета «Aftonbladet», 1900 г. № 177).

[2]) Отн. министра статсъ-секретаря отъ 14 іюля 1878 г., № 512. См. еще: Сборникъ матеріаловъ по составленію и пересмотру устава о воин. повин. въ Финляндіи; Спб. 1899; стр. 60—68 и др.

[3]) Отн. министра статсъ-секретаря отъ 3 января 1877 г., за № 6.

тельнаго принятія оныхъ земскими чинами на сеймѣ и зависитъ исключительно отъ Верховной власти Государя Императора, но такъ какъ въ дѣйствующихъ въ настоящее время воинскихъ законахъ Финляндіи встрѣчаются такія опредѣленія, между прочимъ относительно судопроизводства, наказаній и другихъ послѣдствій по нѣкоторымъ дѣламъ, касающихся лицъ не военнаго вѣдомства... то и оказалось необходимымъ для отмѣны таковыхъ узаконеній составить настоящій проектъ сеймоваго предложенія». «Казалось бы, что съ утвержденіемъ въ 1886 г. этого проекта на точномъ основаніи основного законодательства Финляндіи» болѣе уже не встрѣчается надобности въ какихъ-либо сеймовыхъ предложеніяхъ по вопросу о военныхъ законахъ. Однако финляндскій сенатъ во всеподданнѣйшемъ представленіи отъ 29 марта 1899 г. писалъ: «въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ принятіемъ системы общей воинской повинности участіе въ защитѣ отечества сдѣлалось общею гражданскою обязанностію, естественнымъ послѣдствіемъ сего явился такой порядокъ, что изданіе уголовнаго уложенія и процессуальнаго закона для войскъ было перенесено изъ административнаго законодательства въ область законодательства, требующаго соучастія представительства народа, гдѣ таковое вообще существуетъ; то же самое было въ Финляндіи...; нынѣ дѣйствующее уголовное уложеніе для финскихъ войскъ состоялось при установленномъ въ основныхъ законахъ содѣйствіи земскихъ чиновъ; такъ какъ этотъ законъ можетъ быть отмѣненъ или измѣненъ не иначе, какъ въ томъ порядкѣ, въ которомъ онъ изданъ, то сенатъ счелъ долгомъ составить проектъ Высочайшаго предложенія по сему предмету» [1]).

При чтеніи подобныхъ объясненій невольно возникаетъ въ памяти образъ финляндца Іогана Рейнгольда Ребиндера, завѣщавшаго своимъ соотечественникамъ (еще въ 1809 г.) резонировать. «Будемъ резонировать, худо ли, хорошо ли; наши новые господа (т. е. русскіе) еще не освоились съ

[1]) Всепод. представл. Имп. Финл. сената 29 марта, 1899 г., стр. 40.

нашими конституціонными таинствами. Безразлично, хромаетъ немного наше заявленіе, или нѣтъ; нужно только одно: чтобы оно не разрушало основного правила, играющаго у насъ столь важную роль: principiis obstat—противорѣчить принципамъ» [1]).

И дѣйствительно, финляндцы очень много и усердно резонируютъ на конституціонныя темы, какъ въ печати, такъ и на сеймахъ. На послѣднихъ сеймахъ (особенно 1894 и 1899 гг.) земскіе чины не столько разсуждали о переданныхъ на ихъ разсмотрѣніе дѣлахъ, сколько о взаимныхъ правахъ сейма и Верховной власти. А въ какомъ духѣ и направленіи идетъ это резонированіе, можно судить по слѣдующимъ немногимъ примѣрамъ. «Правительству нельзя давать такой большой власти, какъ проектируется въ Высочайшемъ предложеніи», говорилъ, напримѣръ, баронъ Вреде по поводу вопроса о маргаринѣ (въ 1894 г.). По тому же предмету высказался и Лилле (издатель газеты Nya Pressen): «какъ бы ни разсматривать образъ дѣйствій правительства въ настоящемъ случаѣ, нужно прійти къ заключенію, что оно поступило не конституціонно». Въ заключеніе Вреде предложилъ: «чтобы Его Императорскому Величеству благоугодно было немедленно отмѣнить помянутое объявленіе» (о запрещеніи маргарина). Разсматривая проектъ новаго уголовнаго уложенія и манифестъ 1 дек. 1890 г. о пріостановкѣ введенія въ дѣйствіе сего уложенія, тотъ же депутатъ, баронъ Вреде (онъ же профессоръ Гельсингфорсскаго университета), доказывалъ, что «не слѣдуетъ исполнять такихъ Высочайшихъ постановленій, которыя изданы безъ согласія сейма, если считается, что въ установленіи ихъ сеймъ имѣлъ право участвовать». Мало того, Вреде высказалъ, что «величайшей признательности и глубокаго уваженія» заслуживаютъ тѣ финляндскіе судьи, которые не повиновались этому манифесту, а стали судить по новому уложенію, несмотря на его пріостановку, которую они считали незаконною.

—

[1]) Castrén, Finska deputationen, стр. 35; а также К. Ординъ: «Покореніе Финляндіи»; II, 176.

Когда на сеймѣ 1891 г. разсматривался вопросъ о банкѣ, то депутатъ баронъ Боргъ, недовольный дѣйствіями правительства, сказалъ между прочимъ: «причины отказа правительства настолько несостоятельны, что, при болѣе развитыхъ порядкахъ, министерство, предложившее такую мѣру, несомнѣнно, получило бы вотумъ недовѣрія со стороны представительства». Тогда же Л. Мехелинъ предложилъ изложить сеймовое постановленіе въ такой формѣ: «земскіе чины рѣшаютъ... послать къ Его Величеству помянутую инструкцію (для банка) съ увѣдомленіемъ, что она немедленно вступила въ дѣйствующую силу».

Когда на томъ же сеймѣ 1891 года обсуждались правила о крѣпостныхъ эспланадахъ, то нѣкоторые ораторы прямо заявляли, что для Финляндскаго государства никакихъ эспланадъ и самыхъ крѣпостей не нужно, а если онѣ нужны «русскому правительству», то пусть оно само и уплачиваетъ за отчужденіе земель. Опредѣленнѣе другихъ высказался баронъ Хиспингеръ. Онъ заявилъ: «Мнѣ кажется, что мы уже слишкомъ далеко зашли съ этими вѣчными воинскими притязаніями, которыя у насъ также неумѣренны и безмѣрны [1]), и если страну дѣйствительно хотятъ разорить, то вѣрнѣе всего это будетъ сдѣлать именно такимъ путемъ. Мы, однако, добровольно подчинялись всѣмъ этимъ чувствительнымъ пожертвованіямъ и спѣшили предупредить всѣ выраженныя объ этомъ пожеланія. Мнѣ нѣтъ надобности дѣлать перечень всего этого: казармы, баталіоны (стрѣлковые), стрѣльбища, новыя ружья, склады патроновъ и т. д.; на всѣ эти деньги можно было бы соорудить значительное количество желѣзныхъ дорогъ. Теперь же предстоитъ опас-

---

[1]) Насколько несправедливо подобное заявленіе, показываютъ слѣдующія цифры. Изъ числа ежегодно призываемыхъ къ отбыванію воинской повинности молодыхъ людей въ ряды войска поступаютъ въ имперіи 36%, а въ Финляндіи—9%; на дѣйствительной службѣ находится изъ главной массы населенія имперіи 1,6 %, въ Финляндіи—0,5%; въ случаѣ войны коренное населеніе Россіи обязано выставить около 5% всего мужского населенія, а Финляндія около 1½%. Такимъ образомъ Финляндія содержитъ отъ 3 до 4 разъ меньше войска, нежели прочія части имперіи. Изъ общаго своего бюджета имперія удѣляетъ на оборону страны до 28% и болѣе, а Финляндія только 16%, а въ періодъ времени съ 1862 по 1870 гг. всего 6,7 %. Проф. А. М. Золотаревъ. «Матеріалы воен. стат. Россіи 1889 г.» и проф. А. Редигеръ «Комплектованіе и устр. вооруж. силъ».

ность, что мы падемъ подъ бременемъ. Я полагаю, что крѣпости сами должны оплачивать эту «новость» и эти издержки, а на финляндскую казну не слѣдуетъ налагать такія новыя тяжести, которыя могутъ сдѣлаться неисчисленными, если частый рядъ крѣпостей, въ которыхъ мы сами совсѣмъ не нуждаемся, постепенно окаймитъ наши побережья, согласно нынѣшней крѣпостной и панцырной маніи» (Протоколы сейма, стр. 1171).

Въ земскихъ чинахъ сейма финляндцы желаютъ видѣть «вторую государственную власть» края. Эта «власть» за послѣдніе годы безъ перерыва находилась «въ оппозиціи» правительству. Земскіе чины не разъ отвергали предложенія правительства, а Верховная власть часто не утверждала сеймовыхъ заключеній. Отсюда возникали и обострялись, по выраженію мѣстныхъ ораторовъ, «конституціонные конфликты». Законъ о маргаринѣ, уголовное уложеніе, положеніе о крѣпостныхъ эспланадахъ и проч. все рождало и обостряло «конфликты». Особенно великимъ оказался «конституціонный конфликтъ» послѣ чрезвычайнаго сейма, такъ что ландмаршалъ дворянскаго сословія призналъ необходимымъ подчеркнуть его въ своей рѣчи при закрытіи сейма. Но въ виду того, что въ дѣйствительности, по положенію вещей, никакого конфликта, конечно, не было и не могло быть, эта часть рѣчи оставлена была безъ послѣдствій. Недовольный такимъ отношеніемъ къ дѣлу, одинъ изъ финляндскихъ дѣятелей (Л. Мехелинъ) почелъ нужнымъ въ печати [1]) напомнить о существованіи такого конфликта, предлагая въ то же время правительству озаботиться его разрѣшеніемъ, посредствомъ передачи на обсужденіе мѣстнаго собранія земскихъ чиновъ правилъ объ изданіи общегосударственныхъ законовъ, равно обязательныхъ какъ для Финляндіи, такъ и для имперіи. Въ этомъ шагѣ названный дѣятель видитъ благородную задачу для правительства и увѣренъ, что земскіе чины края съ готовностію пойдутъ навстрѣчу подобному предложенію. Тщетныя ожиданія!

---

[1]) Finsk Tidskrift, 1900, I, 5—14.

Манифестъ 3 февраля 1899 г. и приложенныя къ нему «Основныя положенія о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для имперіи со включеніемъ великаго княжества Финляндскаго», установлены въ надлежащемъ порядкѣ, а потому и рѣчи быть не можетъ о передачѣ ихъ на разсмотрѣніе провинціальнаго ландтага. Съ другой стороны, чрезвычайный сеймъ велъ себя совершенно не подобающимъ образомъ и своимъ постановленіемъ, проникнутымъ крайнимъ оппозиціоннымъ духомъ, желалъ выразить «протестъ противъ того направленія, въ которомъ хотятъ вести русскую политику въ отношеніи Финляндіи», какъ заявилъ тотъ же Л. Мехелинъ [1]). На этомъ сеймѣ земскіе чины сдѣлали новый шагъ въ самомъ опредѣленномъ антиправительственномъ направленіи. Они, какъ извѣстно, самовольно разсмотрѣвъ манифестъ 3 февраля того же года, не подлежавшій ихъ обсужденію и не переданный вовсе на сеймъ, постановили, что «манифестъ и принадлежащія къ нему Основныя Положенія, какъ изданныя безъ согласія земскихъ чиновъ и вообще внѣ порядка, установленнаго основными законами края, не могутъ имѣть силы закона въ Финляндіи» [2]). На томъ же основаніи они не вошли въ разсмотрѣніе Высочайшаго предложенія объ уравненіи финансовой тягости воинской повинности Финляндіи съ таковой же имперіи; но высказались по вопросу о реформѣ Фридрихсгамскаго кадетскаго корпуса, о чемъ ихъ никто вовсе не спрашивалъ. Во время дебатовъ сеймовые ораторы блеснули рядомъ рѣчей, въ которыхъ говорилось о томъ, что «могущественный восточный исполинъ поднялъ свой кулакъ и грозитъ» ни въ чемъ не повинной Финляндіи; что «народы управляются закономъ, а не кнутомъ», и эти слова предлагалось запомнить военнымъ властямъ имперіи; ораторы утверждали, что надъ финнами хотятъ употребить насиліе и путемъ военно-объединительныхъ реформъ денаціонали-

---

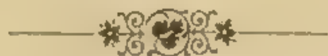
[1]) См. Протоколы рыцарства и дворянства; 1899, стр. 82 (на шведск. языкѣ).

[2]) Всепод. отзывъ сейма 1899 г., стр. 151.

зировать населеніе края и т. п. [1]). Мы уже не говоримъ о тѣхъ манифестаціяхъ, которыя устраивались въ Финляндіи во время сейма 1899 г., о «всенародномъ» адресѣ и объ агитаціи, поднятой финляндскими писателями въ заграничной печати, съ цѣлью возстановить общественное мнѣніе Западной Европы противъ Россіи.

Финляндскій сенатъ, во всемъ покорно послѣдовавшій за чрезвычайнымъ сеймомъ, со своей стороны постановилъ не менѣе лойяльное и своеобразное рѣшеніе: ходатайствовать, чтобы Высочайшія предложенія объ уравненіи тягости воинской повинности были признаны «оставшимися на этотъ разъ безъ послѣдствія» [2]).

Считаться съ приведенными заявленіями сенаторовъ и земскихъ чиновъ, послѣ сказаннаго, надобности, конечно, не представляется. Кромѣ того, невѣрность толкованій финляндцами тѣхъ началъ, на которыхъ зиждутся отношенія великаго княжества къ имперіи и къ Верховной власти, не разъ уже была указана съ высоты престола (напр., въ Высочайшихъ рескриптахъ отъ 28 февраля 1891 г. и 8 іюня 1899 г.). Точно также было бы напрасно объяснять здѣсь законность и справедливость «Основныхъ Положеній» 3 февраля 1899 г. послѣ ясныхъ и опредѣленныхъ мотивовъ, изложенныхъ въ самомъ манифестѣ отъ того же числа.

[1]) См. Протоколы всѣхъ четырехъ сословій сейма, 1899 г. (на швед. языкѣ).

[2]) Всепод. заключеніе сената отъ 6 ноября 1899 г., стр. 27.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВЪ ВИДѢ КРАТКИХЪ ТЕЗИСОВЪ.

Отношеніе Императора Александра II къ законамъ 1772 и 1789 гг.

Развитіе «конституціи» Финляндіи съ 1863 по 1900 г.

